

Российская
академия наук
Институт
славяноведения

Венгерский институт
русистики
Будапештского
университета
им. Лоранда Этвеша

Педагогический
Институт имени Кароя
Эстрехази (Эгер)

Комиссия историков
России и Венгрии
при РАН и ВАН

Центрально-
европейские
исследования

Выпуск ③

Государственность,
дипломатия,
культура
в Центральной
и Восточной
Европе
XI–XVIII веков

Российская академия наук
Институт славяноведения

Венгерский институт русистики
Будапештского университета имени Лоранда Этвеша
Педагогический Институт имени Кароя Эстрехази (Эгер)
Комиссия историков России и Венгрии при РАН и ВАН

**ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ,
ДИПЛОМАТИЯ,
КУЛЬТУРА**

**в Центральной и Восточной Европе
XI–XVIII веков**

Москва, 2005

Сборник опубликован при финансовой поддержке Фонда им. Яноша Араня Венгерской академии наук и Венгерского института русистики Будапештского Университета им. Л. Этвеша.

Редакционная коллегия:

Т.М. Исламов, Н.М. Рогожин, О.В. Хаванова (отв. ред.)

Рецензенты:

кандидат исторических наук М.К. Юрасов

кандидат исторических наук Ч.Б. Желицки

В сборнике представлены материалы конференции «Образование государств в Центральной и Восточной Европе и ранние этапы российско-венгерских отношений, XI–XVIII в.», проходившей в 2000 г. в Эгере (Венгрия) в рамках Комиссии историков России и Венгрии и приуроченной к 1000-летию венгерской государственности. В статьях российских и венгерских историков в сравнительной перспективе рассматриваются типологические особенности центрально- и восточноевропейских раннефеодальных государств, эволюция форм государственности, социальной и политической организации в России и Венгрии, место этих стран в системе международных отношений раннего Нового времени и особенности взаимодействия двух народов в сфере культуры и науки.

ISBN 5-7576-0184-1

© Коллектив авторов, 2005

© Институт славяноведения РАН, 2005

Содержание

Сведения об авторах	5
От редактории	6–7
Марта Фонт	
Сопоставительный анализ установления светской власти в новых государствах Средней и Восточной Европы в конце первого тысячелетия	8–20
Янош Макан	
Проблематика единства древнерусского государства	21–37
Терезия Олайош	
К истории венгерско-византийско-русских связей XI века	38–51
Дюла Свак	
О раннефеодальном характере России в начале Нового времени: к постановке вопроса	52–58
М. Е. Бычкова	
Формирование русской государственной идеи в XVI–XVII веках	59–68
Н. М. Рогожин	
Центральные государственные учреждения России в XVII веке на примере Посольского приказа	69–87
Шандор Гебен	
Дипломатические переговоры Швеции и Трансильванского княжества по разделению Речи Посполитой в 1656 году	88–99
Г. А. Санин	
Россия, Украина и Трансильвания в системе международных отношений середины XVII века	100–125

Мария Иванич	
Трансильванские пленники в Крымском ханстве в 60-е годы XVII века	126–134
Т.П. Гусарова	
Война и судьбы сословности в Венгерском королевстве в XVI–XVII веках	135–160
Беата Кертесне-Варга	
Воссоединение Украины с Россией в зеркале украинских исторических интерпретаций второй половины XIX века	161–171
А.Г. Гуськов	
Русско-венгерские связи в XVII – начале XVIII века: посольство Е.И. Украинцева	172–185
Эндре Шашхалми	
Возникновение идеи общественного договора в официальной идеологии власти в России при Петре I	186–193
Ласло В. Молнар	
Венгерско-русские культурные связи в XVIII веке: состояние исследования и постановка проблемы	194–206
О.В. Хаванова	
Дворянские академии на службе государства в Российской империи и монархии Габсбургов во второй половине XVIII века	207–218

Сведения об авторах

- Бычкова Маргарита Евгеньевна (Москва)** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- Гебеи Шандор (Эгер)** – доктор, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Эгерского педагогического института им. Кароя Эстерхази
- Гусарова Татьяна Павловна (Москва)** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Гуськов Андрей Геннадиевич (Москва)** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН
- Иванович Мария (Сегед–Будапешт)** – доктор, доцент кафедры алтайстики Сегедского университета им. Аттилы Йожефа
- Кертесне-Варга Беата (Сегед)** – доктор, адъюнкт кафедры всеобщей истории средних веков и раннего Нового времени Сегедского университета им. Аттилы Йожефа
- Макан Янош (Эгер)** – доктор, доцент кафедры всеобщей истории Эгерского педагогического института им. Кароя Эстерхази
- Молнар Ласло (Будапешт)** – доктор, доцент кафедры педагогики Педагогического Института при Печском университете
- Олайош Терезия (Сегед)** – доктор, доцент кафедры истории Сегедского университета им. Аттилы Йожефа
- Рогожин Николай Михайлович (Москва)** – доктор исторических наук, профессор главный научный сотрудник и руководитель Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН
- Санин Геннадий Александрович (Москва)** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- Свак Дюла (Будапешт)** – доктор, профессор, директор Венгерского института русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша
- Фонт Марта (Печ)** – доктор, профессор, заведующая кафедрой истории средних веков и раннего Нового времени Печского университета
- Хаванова Ольга Владимировна (Москва)** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- Шашхалми Эндре (Печ)** – доктор, доцент кафедры истории Венгрии средних веков и раннего Нового времени Печского университета.

От редактории

В 2000 г. в Венгрии широко отмечалась одна из важнейших, по истине легендарных дат в национальной истории – тысячелетие венгерской государственности и тысячелетие принятия Венгрией христианства. По давно сложившейся исторической традиции возникновение самостоятельного венгерского государства формально связывалось с коронацией первого венгерского короля и первого венгерского христианского государя Иштвана I (канонизирован католической церковью как св. Стефан) в декабре 1000 г. короной, которую ему прислал папа римский Сильвестр II. В международно-правовой практике той эпохи такой фактор был равнозначен признанию независимости Венгерского королевства: отныне его не могли считать своим вассалом ни Священная Римская империя, ни Византия.

Комиссия историков России и Венгрии при Российской академии наук и Венгерской академии наук не могла не откликнуться и остаться в стороне от празднования, продолжавшегося около полутора лет в форме художественных выставок, научных конференций, юбилейных изданий и т. п. В октябре 2000 г. в городе Эгер, который прежде всего ассоциируется с героической борьбой против османской экспансии во второй половине XVI в., в Педагогическом институте имени Кароя Эстерхази прошла конференция, посвященная ранним этапам формирования государств в Центральной и Восточной Европе и русско-венгерским дипломатическим и культурным связям в средние века и раннее Новое время.

Организаторы видели свою задачу в том, чтобы в докладах, прозвучавших на конференции, и статьях, написанных по результатам живых научных дискуссий, российские и венгерские историки в сравнительной перспективе рассмотрели типологические особенности центрально- и восточноевропейских раннефеодальных государств, эволюцию форм государственности, социальной и политической организации в России и Венгрии, место этих стран в системе международных отношений раннего Нового времени и особенности взаимодействия двух народов в сфере культуры и науки. Результаты проделанной работы предлагаются вниманию читателя.

Мы хотели бы поблагодарить тех, без чьей помощи и деятельного участия конференция не могла бы состояться, а именно: бывшего Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгерской Республики в Российской Федерации доктора Эрнё Кешкена (при его содействии были решены визовые вопросы); Институт славяноведения РАН – ведущий институт Комиссии с российской стороны, на базе которого было подготовлено данное издание; Институт Российской истории РАН, обеспечивший участие в конференции ведущих специалистов по российской и восточноевропейской истории; Институт венгерской истории ВАН и венгерских коллег по Комиссии историков, которые взяли на себя заботы по организации мероприятия, а также лично заместителя директора Аттилу Пока, чья поддержка стала подспорьем организационному комитету конференции; Российский государственный гуманитарный научный фонд, предоставивший гранты для оплаты командировочных расходов для части российских участников; Фонд «*Domus Hungarica Scientiarum et Artium*» при Венгерской академии наук, который оказал существенную финансовую поддержку оргкомитету конференции, и лично ученого секретаря фонда Ласло Сарку, немало сделавшего для успешного научного сотрудничества российских и венгерских ученых. Наконец, выражения самого искреннего чувства благодарности заслуживает принимающая сторона – кафедра всеобщей истории эгерского Педагогического института имени К. Эстерхази и ее декан Шандор Гебеи, чей энтузиазм, доброжелательность, неутомимость, выдающиеся способности организатора сделали конференцию незабываемой для всех ее участников. Не менее теплые слова благодарности мы обращаем сотрудникам его кафедры, активно участвовавшим в проведении этого научного мероприятия.

Издание материалов конференции стало возможным благодаря финансовой поддержке Фонда имени Яноша Араня Венгерской академии наук и Венгерского института русистики Будапештского университета имени Лоранда Этвеша (директор – профессор Дюла Свак).

Марта Фонт

Сопоставительный анализ установления светской власти в новых государствах Средней и Восточной Европы в конце первого тысячелетия*

Общеизвестно, что в конце I тысячелетия в Центральной и Восточной Европе возник целый ряд новых, христианских государств. Данное обстоятельство говорит о том, что государствообразовательные процессы протекали в регионе параллельно. Однако, несмотря на их сходство, во внешних и внутренних процессах образования новых государств можно обнаружить ряд различий. Чтобы дать этому объяснение, необходимо учитывать время и обстоятельства принятия христианства, формы церковной организации и обеспечение её существования, время возникновения и процесс распространения письменности, установление письменной формы обычных прав, характер и структуру княжеской (королевской) власти, способ её обретения и наследования¹.

В настоящей статье мы рассмотрим лишь последнюю из обозначенных выше проблем. Методологической основой нашего исследования мы выбираем сравнительный анализ, в ходе которого попытаемся определить сходство и различия перечисленных явлений. Анализ проводится по следующим параметрам: установление княжеской власти, т. е. возвышение предводителей и основание династий; расширение подвластной им территории; организация повседневной жизни княжеского (королевского) двора; организация военных сил и вопросы престолонаследия.

1. *Выделение предводителей – основоположников династий.* Власть новых династий, которые встали во главе новых христианских центров (Арпады, Рюриковичи, Пржемыслы и Пясты), берет свое начало в племенном строе. Их возвышение произошло в языческую эпоху и обрело законченный вид к X в. Они играли важную роль в случае Арпадов и Пржемыслов до начала XIV в., в случае Пастов – до 1372 г., Рюриковичей – до 1598 г. Утверждение

* Исследование выполнено при поддержке венгерского фонда «OTKA» (T 034 567).

во власти названных династий являлось результатом межплеменных и внутриплеменных столкновений. О том, как первые их выдающиеся представители боролись за власть внутри своих племен, сохранились лишь очень отрывочные данные. Внутриплеменные враги или соперники, как правило, упоминаются в источниках без каких-либо подробностей².

В тех случаях, когда речь идет о славянских племенах, существенную трудность представляет то обстоятельство, что они получали свое имя по топониму (мораване), по более позднему центру (полочане, смоляне) или по географической среде обитания (поляне, северяне, древляне³), но нет случая, когда название племен указывало бы на способ его образования. Ясно лишь, что славянские группы, жившие по соседству, сливались в одну политическую общность или племя (*gens, tribus*). В случае венгров дело обстояло по-другому. В трудах Константина Багрянородного перечисляются имена племен⁴, входивших в состав племенного союза под предводительством венгров. Бессспорно, что основой перечисления является военный порядок, хотя характер и форма этой военной организации все еще не ясны⁵.

В общем, можно установить, что в ходе выделения племенных предводителей решающую роль играли военные, точнее – военно-оборонительные принуждения. Династия Арпадов выделилась в ходе обособления венгерских племен от Хазарского каганата при организации новой военной силы⁶. Пржемыслы и Пясты возглавили борьбу западнославянских племен с христианской империей Оттонов⁷. В случае Киевской Руси княжеская власть оформилась в борьбе с хазарами и другими степными народами при одновременном обеспечении торгового пути «из варяг в греки»⁸. Славяне жили небольшими группами в окрестностях одного из укрепленных пунктов (*grad/gród/hrad*).

Принятие христианства обеспечивало племенным предводителям признание их власти на международной арене, а христианские державы вступали в союзные отношения путём браков. Однако такое признание способствовало дальнейшему укреплению власти и внутри своего племени и племенного союза⁹.

2. *Расширение территории.* Во всех случаях можно установить, что подвластный династии регион в конце X в. не совпадал с территорией позднейшего средневекового государства. Власть династии Пржемыслов ограничивалась Пражским бассейном, Пястов – окрестностью Познани, Рюриков – водным путем между Киевом и Новгородом, Арпадов – западными частями Карпатского бассейна¹⁰. После укрепления власти в перечисленных центрах наблюдалось стремление к расширению подвластной территории. Несмотря на существование разных политических центров и соперничавших друг с другом князей, в немецких хрониках территории соседних государств, населенных славянами, одинаково называются «*Sclavinia*»¹¹. Например, правители

Пражского бассейна и региона Гнезно-Познани боролись за обладание Силезией и землями вокруг Кракова. Их военная мощь проявилась в событиях 1018 г., когда чешский князь захватил Гнезно и увез моши св. Войтеха (Адальберта)¹², или в событиях 1009 г., когда войска Болеслава Храброго продвинулись до самой Праги и подвластной венграм Нитравы (современная Нитра в Словакии)¹³. Войска Болеслава в 1018 г. вторглись в восточнославянские земли, дойдя до Киева¹⁴.

К концу первого тысячелетия Пражский бассейн в его естественных (горных) пределах находился под властью династии Пржемыслов. Польский король Мешко I значительно расширил границы своей власти и в южном, и в северном направлении. Об этом свидетельствует грамота *«Dagome iudex»*, датируемая 992 г., хотя она сохранилась лишь в списке 1085 г.¹⁵. На основе упомянутого слова *«iudex»* можно сделать вывод о том, что речь идет о юридическом документе. Но, по сути дела, в документе «страна Мешко» отдается под патронат папы римского, и выражается желание передать власть сыновьям, рожденным в браке с немецкой принцессой Одой (Мешко и Ламберту)¹⁶. Загадочным остается имя «Дагхоме», которое, может быть, происходит от двух имен, Дагхо и Ме (т. е. Мешко), «Дагхо-Ме», или из скандинавского *«Dag»*. Последнее могло бы указывать на связь с ободритами. В документе описывается подвластная Мешко территория:

*«... Sub Ioanne XV papa dagome iudex et sede senatrix et filii earum misica et lamberus leguntur beato contulisse suam civitatem in integro que vocatur Schignese cum omnibus suis pertinentiis infra hoc affines sicut incipit a primo latere longum mare fine Pruzze usque in locum qui Russe et fine Russe extende usque in Craccoa et ab ipsa Craccoa usque ad flumen Odere recte in locum qui dicitur Alemure et ab ipsa Alemure usque in terram Milze et a fine Milze recte intra Oddere et exinde ducente iuxta flumen Oddera usque in predictam civitatem Schignesne ...»*¹⁷

Загадочные на первый взгляд титулы *«iudex»* и *«senatrix»* соответствуют греческой традиции двора императрицы Феофано¹⁸.

Великие киевские князья на протяжении X в. прилагали усилия к расширению подвластных областей. Сначала они вытеснили хазар с территории славянских племен и сами начали собирать с них дань, а в 965 г. Святослав уничтожил Хазарский каганат¹⁹. По всей вероятности, в том же году Рюриковичи захватили Тмутаракань на берегу Черного моря. Подвластная Руси Тмутаракань способствовала усилению степного характера Киевской Руси²⁰. Продвижение населения в направлении верхнего течения Волги и конфликты на западе из-за покорения так называемых червенских городов характеризуют темп расширения княжеской власти²¹.

В Карпатском бассейне великий князь Геза держал в руках «треугольник» между городами Эстергом, Веспрем и Секешфехервар. Геза стабилизировал западные границы Венгрии по рекам Лайта и Фиша, передав Баварии Венский бассейн²². Королю Иштвану удалось распространять свою власть на весь Карпатский бассейн в ходе борьбы с предводителями других племен (с Дюлой, Айтонем) и внутри своего племени (с Коппанем). До сих пор не решен вопрос о местонахождении «*Ungaria Nigra*»²³.

3. Организация повседневной жизни княжеского (королевского) двора. Важной задачей средневекового государства было обеспечение всего необходимого для повседневной жизни княжеского (в Венгрии – королевского) двора. Княжеский (королевский) двор был местом судебных процессов и центром организации вооруженных сил. Все это было организовано параллельно, иногда теми же княжескими людьми, поскольку задачи распределялись безо всякой дифференциации. Трудно определить и внутренний порядок двора, время введения новых мер²⁴. В связи с этим мы ограничимся лишь некоторыми примерами.

В исторической литературе уже давно было установлено, что королевский (на начальном этапе – княжеский) двор (*curia*) устраивался по соседству с крепостью или в самой крепости²⁵. Вокруг селились самые разные по происхождению и роду деятельности люди, которые снабжали княжеский (королевский) двор продуктами²⁶. Они назывались «служилыми людьми». Способ обеспечения княжеского (королевского) двора в случае Венгрии становится ясным через название поселений, которые указывают на деятельность живших в них людей²⁷. Польские источники дают сходную картину, но для более позднего времени, не раньше XIII в.²⁸ В Венгрии в законодательстве короля Иштвана I упоминается ряд поселений типа «*curia*» или «*curtis*» как единица княжеских имений. В ходе своих исследований венгерский историк Дёрдь Дёрфи пришел к выводу, что имения монастырей, основанных королем, совпадали с экономической единицей королевского двора. Свою гипотезу он удачно проиллюстрировал на примере аббатства Печварад²⁹. По всей стране существовали экономические центры королевских имений, между которыми наблюдалось «движение» королевского двора.

Прибывая в то или иное имение, король со своей свитой использовал все продукты, производимые в нём³⁰. Этим обстоятельством можно объяснить то, что свободные люди были обязаны обеспечивать королю и его свите (т. е. королевскому двору) жильё, когда двор останавливался в их краях на определенное время (*descensus*). Организация повседневной жизни королевского двора и создание предпосылок для передвижения входили в обязанность «жу-пана двора» или «палатина» (по-венгерски – *nádorispán*, по-латински – *comes*

palatinus). Круг обязанностей палатина быстро расширялся. Уже во второй половине XI в. палатин начинает отправлять правосудие, правда, в рамках княжеского двора³¹. Столицы в современном смысле не было; важнейшими центрами считались Эстергом (*Gran*), а позже основанный Иштваном I Сечешфехервар или Альба Регия (*civitas Alba Regia*). Последняя стала местом погребения Иштвана I, а в дальнейшем, после того как его причислили к лику святых, здесь проходили коронации и королевские похороны. В силу этого, вероятно, короли часто избирали Альбу Регию местом своего пребывания, что выражается как в латинском определении *«regia»*, так и в венгерском – *«székes»*. Последнее соответствует славянскому варианту *«стольный град»*³².

В Польше по отношению к княжеским центрам в хрониках употреблялись понятия *civitates*, *castella*, *castra*. В XII в. как синоним появилось слово *«sedes»*, которое с определениями *«sedes regni principalis»* относилось к центру Великой Польши. В XIII в. по отношению к феодально раздробленной стране этот термин употреблялся в форме множественного числа *«sedes regni principales»*, несмотря на то что Польша на самом деле не была королевством (т. е. *regnum*). Для временного пребывания княжеского двора использовали слово *«statio»*. На наш взгляд, положение можно считать сходным с венгерским *«curia»*. Слово *«civitas»* обозначает не город, а укрепленное место вместе с окружающими меньшими по размеру поселениями. Укрепленные центры (*gród*) брали свое начало в племенном времени и представляли собой военно-административные центры, на которые опиралась власть уже первых Пястов. Имея опорой племенные центры, они обосновали свою власть,³³ а позже превратили их в административно-военный центр отдельных княжеств³⁴. Таким образом, *«civitas»* и *«sedes»* обозначали те же центры, только в ином аспекте. Ситуация в Польше во многом сходна с положением в Чехии, где система княжеских градов (*hrad*) и связанных с ними маленьких поселений служилых людей обеспечивала экономическую основу власти князей и представляла собой административные центры, т. е. обеспечивала господство над определенными округами³⁵.

О раннем способе сбора дани в Киевской Руси X в. свидетельствует понятие «полюдье», когда князь со своей дружиной обходил все племенные центры и сам собирал дань³⁶. К концу X в., по мере расширения подвластной территории, данный метод сбора дани оказался несостоятельным. Тогда началось оформление новой системы: великий князь сажал своих сыновей в бывшие племенные центры для сбора дани. Первое «разделение» Руси произошло в 973 г. при Святославе, потом повторилось при Владимире³⁷. «Разделение» 1054 г. следует оценивать иначе. В это время речь шла не только о разделении территории для сбора дани, но в подобной системе выражалась определенная

иерархия. Отдельные центры, так же как в западнославянском мире, состояли из укрепленного центра и связанных с ним поселений, во главе которых стоял один из членов княжеской династии. К концу XI в. такой округ приобрёл название «волость»³⁸.

4. *Военные силы.* Княжеская власть опиралась на военную силу дружины. Дружины представляли собой войско, полностью подвластное князю, поэтому была не только средством, но и предпосылкой укрепления княжеской власти. С другой стороны, князь снабжал дружины всем необходимым: пищей, одеждой, оружием. Чтобы обеспечить кормление дружины, была необходима регулярная добыча. Увеличение добычи позволило держать на кормлении большие по составу дружины. Однако неизбежны были всё новые походы для обеспечения добычи, т. е. регулярных доходов³⁹. В X в. выделяются военные походы венгров и Киевской Руси, которые приобрели значительные масштабы и размеры. Походы польских и чешских князей сводились к пограничным столкновениям со своими западными соседями: они беспокоили территорию Восточно-Франкской (позднее Священной Римской) империи⁴⁰. Этот факт позволяет сделать вывод о более значительном военном потенциале Киевской Руси и венгерских племён. На наш взгляд, различие в военных силах сохранилось и после основания христианского государства.

Светская власть князей воплощалась в градах, независимо от различий в технике и типе их построения. Град был центром и символом престижа власти как в чешских и польских землях (*hrad/grod*), так и у восточных славян (*град/город*), и венгров. Его основной функцией была оборона, и эти центры вскоре превратились в военные округа. Названия очень разнообразны: *terra*, *zemlja*, *opole*, *волость* (*княжество*), *comitatus*, *civitas*, *megye*⁴¹. На территории славян военные округа-центры везде выросли из племенных (родовых) объединений. При расширении своей власти возвышающиеся предводители (представители позднейшей династии) расширяли власть на всё новые и новые племенные центры. Во главе вновь захваченного округа ставился один из членов династии, ему же приходилось как фактически, так и символически олицетворять господство над новой территорией. Бывали случаи, когда поставленный на вновь захваченную территорию князь, используя местную военную силу, выступал против князя, по распоряжению которого он получил свою власть. Выступления могли выражаться и в форме отказа платить или отдавать дань⁴².

В случае королевства Венгрия можно установить ту существенную разницу, что племенные традиции не играли роли в организации комитатов. В Венгрии комитаты создавались там, где это было необходимым для обороны границ, где приходилось демонстрировать силу королевской власти или где

жили подвластные королю люди, для управления которыми требовалось отдельное должностное лицо. Во главе комитатов ставился кто-то из королевской среды (свиты), и на месте эти люди пользовались всеми королевскими правами⁴³. Поставленное лицо ни в коем случае не выбирали из членов династии. Оно полностью подчинялось королю, и не будучи связано с династией родством, не могло заявлять претензии на имения и права династии. Нередко такие должности получали лица иноземного происхождения, которые были зависимы только от короля⁴⁴. Таким образом, в управлении комитатами родственные отношения не играли никакой роли. Ишпаны (*comites*), стоявшие во главе комитатов, одновременно были начальниками местных вооруженных формирований. Войска, конечно, составляли бывшие племенные воины, но они были расселены по всему Карпатскому бассейну, как об этом свидетельствуют топонимы, сохранившие названия племен⁴⁵. Иными словами, в каждом комитате войска были составлены из разных бывших пленён, к ним ещё добавлялись небольшие невенгерские части, например печенеги, хализы, бусурманы и т. п. В конечном счете, вместе с организацией комитатов произошло и преобразование военных сил, и тем самым были разорваны старые племенные связи. Бывшие племена были разрушены, и родовые отношения не проникли в организацию войск. Независимо от племенных и родовых предводителей был создан институт ишпанов, и это обстоятельство значительно способствовало укреплению королевской власти внутри страны. В начале второго тысячелетия, на самом деле, произошла «смена общественной системы», в результате чего племенно-родовые отношения вытеснялись из политической сферы и сохранялись лишь в сфере частной⁴⁶.

В Венгрии существенное и последовательное преобразование общественных отношений вытеснило и традицию ограничения королевской (княжеской) власти органами бывшей племенной власти, каким, например, в славянском мире являлось «вече»⁴⁷. Таким органом у чехов могло быть *«colloquia»*⁴⁸ и даже княжеские советы («думы»)⁴⁹. В Венгрии важную роль играл королевский совет, о чем свидетельствует одна из статей «Поучения» короля Иштвана⁵⁰. Следы какого-то бывшего «вече» сохранились в событиях 1061 г., когда король Бела I созвал *consilium*⁵¹ – может быть, в целях легитимации своей власти.

5. *Престолонаследие*. Наследование княжеской власти происходило по племенным традициям, построенным на родовых обычаях, т. е. старшему по возрасту принадлежало право распоряжаться и принимать решения о делах общества (рода, племени, верви, мира и т. п.). Хотя сведения очень отрывочны, безусловно, власть (велико)княжеской династии над подчиненными племенами и областями реализовалась как власть родовых старейшин. Данный

принцип сохранился и после подчинения других родов и племен и захвата новых территорий. Из этого следует, что наследование верховной власти считалось «внутренним делом» династии. Однако расширенное окружение князей (дружины, а позже княжеский двор), куда вошли разнородные по происхождению люди, в том числе и «гости иностранные», принимали представителей правящей династии не как родовых предводителей, а как людей, олицетворявших верховную власть всей политической общности, т. е. «государства»⁵². Уже во второй половине X в. считалось общепринятым, что великоличественная власть перешла в руки представителя поднявшейся династии. Единичные случаи, которые могли бы считаться исключением, например в Венгрии венецианец Петер Орсеоло (*Orseolo Péter*) или Шамуэль Аба (*Aba Sámuel*)⁵³, на самом деле подтверждают упомянутый принцип: они тоже относились к правящей династии. Соперничавшие с правящими династиями представители были побеждены до того, как произошло укрепление династической власти, достаточно упомянуть внутреннюю борьбу между родами Славинков и Пржемыслов в Чехии⁵⁴, таинственную судьбу Попелидов в Польше⁵⁵, предводителя древлян по имени Мал в Киевской Руси⁵⁶ и межплеменную борьбу в Карпатском бассейне⁵⁷.

Наследование княжеской власти в династии и в дальнейшем осуществлялось по старым традициям, т. е. по старшинству (*senioratus*). После принятия христианства появилось стремление утвердить принцип первородства, как это следует из упомянутой выше грамоты *«Dagome iudex»* в случае Польши,⁵⁸ и отражено в поступке князя Гезы в Венгрии⁵⁹. Последнему удалось передать власть в руки своего сына Иштвана. В областях же, где управление государством было организовано по родовому принципу, наблюдалось обновление принципа старшинства в унаследовании верховной власти, хотя и с определенными ограничениями. Подтверждением нашей точки зрения служат так называемые тестаменты Ярослава Мудрого (1054 г.)⁶⁰ и Болеслава Кривоусого (1138 г.)⁶¹. Заложенный в тестаментах принцип разделения власти в дальнейшем стал главной причиной распри и в конечном счете создал основу для позднейшей политической раздробленности. В случае Венгрии желание Гезы закрепить порядок первородства было удачным, а у короля Иштвана – из-за преждевременной смерти единственного сына-наследника – возникли проблемы. Король Иштван тоже принял меры в интересах предпочтительного для него кандидата на престол.

Изъявление воли можно также назвать «тестаментом», но оно по содержанию имеет другой характер: король Иштван распорядился не о принципе наследования власти, а о конкретном лице, кто должен стать его наследником⁶². Однако в середине XI в. и в Венгрии снова появляется принцип стар-

шинства, и в результате возникло разделение власти и территории страны в форме «*ducatus*»⁶³, что было вызвано необходимостью обороны западных границ от нападений Священной Римской империи. Таким образом, в Венгрии также наблюдается разделение власти и, следовательно, возможность для раздробленности⁶⁴. Институт «*ducatus*» в Венгрии оказался кратковременным, и стоящий во главе *ducatus* член династии перестал назначаться в соответствии с прежним принципом старшинства. Начиная с XII в. принцип первородства осуществлялся только тогда, когда имелись прямые наследники⁶⁵. В случае династии Арпадов оказывается демографический дефицит по сравнению с княжескими династиями Польши и Киевской Руси. Значительная разница в численности преемников может объясняться и случайностью; но нельзя исключать вероятность того, что значительное число преемников появилось потому, что у князей было нескольких жен или наложниц.

Подводя итоги нашего анализа, можно прийти к следующим выводам: нельзя установить значительных различий в повседневной жизни княжеских (королевских) дворов, хотя сопоставление можно провести еще более детально; можно считать сходным и способ осуществления династической власти; выявляются существенные расхождения в управлении захваченными областями, в организации военной системы и судопроизводства, в конечном счете в целой структуре правления; можно уловить различия и в способе престолонаследия.

Сходства могут объясняться похожим (но не тождественным!) уровнем и способом экономической структуры, а указанные различия в системе управления обозначают основы складывающейся позже политической системы, т.е. раздробленности в Польше и на Руси, но сильной королевской власти в Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сопоставительный анализ как метод уже давно известен в исторической науке. Сопоставление производится в большинстве случаев между отдельными частями Центральной и Восточной Европы и Западноевропейским регионом. Сходства и различия между отдельными частями Центральной и Восточной Европы ещё недостаточно были изучены. В одних случаях анализ, проделанный до сих пор, охватывал, как правило, слишком длинные хронологические периоды. См., например: Zernack K. Polen und Rußland. *Zwei Wege in der europäischen Geschichte*. Berlin, 1994; Conze W. *Geschichte Ostmitteleuropas von der Karolingerzeit bis ins 18. Jh.* München, 1992; *Origins of Central Europe / Ed. by P. Urbanczyk*. Warszawa, 1997. В других случаях в центре внимания исследователей оказывались лишь единичные вопросы, что справедливо и для автора настоящей статьи. См., например: Font M. *On the*

Question About Frontiers of Eastern Europe During the Eleventh Through the Thirteenth Centuries // *Specimina Nova Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclensis de Iano Pannonio nominatae* (далее – SN). Pécs 1992/1994. P. 171–178.; *Eadem*. On the Frontiers of West and East: The Hungarian Kingdom and the Galician Principality in the Eleventh–Thirteenth Centuries // *Annual of Medieval Studies at CEU*. Bp., 2000. Vol. 6. P. 171–180; *Eadem*. Korona és/vagy kard. Az uralkodáshoz való jog elismer(tet)ése Közép- és Kelet-Európában // *Ezredforduló – századforduló – hetvenedik évforduló*. Ünnepi tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére / Szerk. J. Ujváry Zsuzsa. Piliscsaba, 2001. 15–46. old.; *Фонт М.* К вопросу о законодательстве средневековой Венгрии и Киевской Руси // *Место России в Европе* / Под ред. Д. Свака. Будапешт, 1999. С. 50–57.

² Об этом см.: *Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag* (далее – *Cosmas*) / Hrsg. von B. Bretoltz, W. Weinberger. München, 1995. Cap. I. 15, 29. S. 34–35, 52–53 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum (далее – MGH SRG). Nova Series. T. 2); *Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum* (далее – *Gallus*) / Ed. C. Maleczyński. Kraków, 1952. Cap. 1–3. S. 9–13 (Monumenta Poloniae Historica. Seria Nova (далее – MPHNS). T. 2); *Scriptores Rerum Hungaricarum* (далее – SRH) / Ed. E. Szentpéteri. Budapestini, 1937–1938. Vol. I. Cap. 64–65. P. 312–314; Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). Т. I. М., 1978. С. 36–39, 70–71.

³ *Kunstmann H.* Die Slaven. Ihr Name, ihre Wanderung nach Europa und die Anfänge der russischen Geschichte in historisch-onomastischer Sicht. Stuttgart, 1996. S. 137–140; *Goehrke C.* Frühzeit der Ostslaventums. Darmstadt, 1992. S. 42–456.

⁴ Константин Багрянородный: Об управлении империей / Под ред Г.Г. Литаврина (далее – ОУИ). М., 1988. Гл. 40. С. 162–163.

⁵ *Németh Gy.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Bp., 1930; *Berta Á.* Magyarok a steppe országújtán (Törzsek és törzsnevek) // *Árpád előtt és után* / Szerk. Kristó Gy., Makk F. Szeged, 1996. 31–42. old.

⁶ ОУИ. Глава 38. (С. 158–161).

⁷ *Heather G.P.* Frankish Imperialism and Slavic Society // *Origins of Central Europe*. S. 143–170.

⁸ ПЛДР. Т. I. С. 26–27.

⁹ См. об этом: *Schreiner P.* Die byzantinische Missionierung als politische Aufgabe: das Beispiel der Slaven // *Byzantinoslavica*. 1995. № 57. S. 525–534; *Vodoff V.* La naissance de la chrétienté russe. Paris, 1988; *Müller L.* Die Taufe Rußlands. München, 1987; *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. London, 1982; *Pанов О.М.* Русская церковь в IX – первой половине XII в. М., 1988;

Györffy Gy. István király és műve. Bp., 2000. 177–190. old.; Koszt L. A Keresztenység kezdetei Magyarországon // Az államalapító / Szerk. Kristó Gy. Bp., 1988. 153–207. old.; Székely Gy. Koronaküldések és királykreálások a 10–11. századi Európában // Századok 1984. 116. évf. 905–949. old.; Font M. Korona és/vagy kard. 24–29. old.

¹⁰ См. работы о новых государственных центрах, вышедшие в последнее время: Šroka S. Lengyelország // Európa és Magyarország Szent István korában / Szerk. Kristó Gy., Makk F. Szeged, 2000. 173–190. old.; Pražák R. Cseh- és Morvaország // Európa és Magyarország. 191–206. old.; Font M. A Kijevi Rusz // Európa és Magyarország. 255–272. old.; Europas Mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie / Hrsg. v. A. Wieczorek, H.M. Hinz. Stuttgart, 2000. Bd. 1–2.

¹¹ Например, у Адама Бременского читаем: «*Sclavinia igitur amplissima provincia*». См.: Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Hrsg. von B. Schmeidler. Hannoverae, 1917. (Nachdruck 1993). Lib. II. Cap. 21. S. 75–76 (MGH SRG in Usum Scholarum Separatim Editi. T. 2).

¹² Rocznik Świętokrzyski / Wyd. A. Rutkowka-Płachińska. Warszawa, 1996. S. 775 (MPHSN. T. 12).

¹³ «Boleslaus urbem Pragensem secundem sui regni sedem constituens». См.: Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum / Ed. M. Plezia. Kraków, 1994. Lib. 2. Cap. 12. S. 41 (MPHSN. T. 11).

¹⁴ Die Reichschronic des Annalista Saxo und die sächsische Geschichtsschreibung um 12. Jahrhundert. Hannoverae, 1844. (Nachdruck 1963). S. 665 (MGH SRG. T. 41).

¹⁵ Salowski Z. Początki Kościoła polskiego // Kościół w Polsce / Red. J. Kloczewski. Kraków, 1966. S. 17–23, здесь 77.

¹⁶ Kossmann O. Polen im Mittelalter. I. Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Marburg/Lahn, 1985. S. 65–67; Michałowski R. Princeps fundator. Studium z dziejów kultury politycznej w Polsce X–XIII wieku. Warszawa. 1993. S. 61.; Pritsak O. Ólafir // Harvard Ukrainian Studies (далее – HUS). Vol. 29. S. 31–32; Jasinski K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa–Wrocław, 1992. S. 55–56.

¹⁷ Kurbisówna B. Dagome iudex – studium krytyczne // Początki państwa polskiego. Poznań, 1962. T. I. S. 395.

¹⁸ Kossmann O. Op. cit. II. S. 65 (см. прим. 139).

¹⁹ ПЛДР. Т. I. С. 78–79.

²⁰ Font M. Oroszország, Ukrajna, Rusz. (далее – Font. Rusz.). Bp., 1998. 30. old.

²¹ Ibid. 41. old.

²² Györffy Gy. Op. cit. 83. old., Kristó Gy. A magyar állam megszületése. Szeged, 1995. 323. old.

²³ Tóth S.L. Levédiától a Kárpát-medencéig. Szeged, 1998. 93–95. old.

- ²⁴ Kristó Gy. A vármegyék kialakulása Magyarországon. Bp., 1988. 114–207. old.
- ²⁵ Györfi Gy. Op. cit. 233–247. old.
- ²⁶ Heckenast G. Fejedelmi (királyi) szolgálónépek a korai Árpád-korban. Bp., 1970 (Értekezések a történeti tudományok köréből. 53); Modzelewski K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X–XIII wiek. Wrocław etc., 1975; Graus F. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // Historia. 1965. Vol. 10. S. 5–65.
- ²⁷ Heckenast G. Op. cit. 62–63. old.
- ²⁸ Modzelewski K. Op. cit. S. 115–135.
- ²⁹ Györfi Gy. Op. cit. 235–238. old.; Christianity and Statehood in Baranya County. Pécsvárad 2000–2001. Pécs, 2000; Kristó Gy. Szent István pécsváradi oklevelei // «Magyaroknak eleiről». Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendős Makk Ferenc tiszteletére. Szeged, 2000. 307–322. old.
- ³⁰ См. об этом: III. Béla emlékezete. Bp., 1982. 81–82. old.
- ³¹ О законодательстве венгерского короля Ласло I см.: Závodszky L. A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai. Bp., 1904. 174. old.; Zsoldos A. Az Árpádok és alattvalók. Debrecen, 1997. 58–59. old.
- ³² Bónis Gy. Székesfehérvár az Árpád-ház székhelye. Stuhlweissenburg, die Rezidenz der Arpader // Székesfehérvár évszázadai. 1 / Szerk. A. Kralovánszky. Székesfehérvár, 1967. 49–61. old.
- ³³ Modzelewski K. Op. cit. S. 80–91; Kossmann O. Op. cit. II. S. 269.
- ³⁴ Dalewski Z. Władza przestrzeni ceremonial. Miejsce i uroczystość inauguracja władcy w Polsce Średniowiecznej do końca XIV w. Warszawa, 1996.
- ³⁵ Třeštík D. Služebna organizacě v rane středověkých Čechach // Československý časopis historický. 1964. Vol. 12. S. 637–667.
- ³⁶ ПЛДР. Т. I. С. 68–69.; Font. Rusz. 74.
- ³⁷ ПЛДР. Т. I. С. 82–83, 136–137; Font. Rusz. 46.; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750–1200. London–New York, 1996. P. 151–167.
- ³⁸ Font. Rusz. 58–63.
- ³⁹ Kristó Gy. Magyarország története, 895–1301. Bp., 1998. 55–68. old.; Font M. A magyar kalandozások és a kelet-európai viking terjeszkedés // Nomád népvándorlások, magyar honfoglalás / Szerk. Felföldi Sz., Sinkovics B. Bp., 2001. 97–105. old.; Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 17–28; Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16 Jh. Stuttgart, 1985. S. 20–42.
- ⁴⁰ Kossmann O. Op. cit. II. S. 93–99.
- ⁴¹ См. об этом: Kristó Gy. A vármegyék... 31–46 old.; Font. Rusz. 52–54; Modzelewski K. Op. cit. S. 92–101.

⁴² ПЛДР. Т. I. С. 81–82, 144–145.

⁴³ Kristó Gy. A vármegyék... 41–70. old.

⁴⁴ См., например: SRH. Vol. I. P. 295–303.

⁴⁵ Györffy. Op. cit. 464–474. old.

⁴⁶ Kristó Gy. A magyar állam megszületése. Szeged, 1995. 229–252. old.; Béli G. A halál esetére szóló rendelkezés az Árpád-házban a törvények és az ország szokásjoga alapján // A magyar államiság első ezer éve / Szerk.: Font M., Kajtár I. Pécs, 2000. 101–122. old.

⁴⁷ Zernack K. Die Burgstädtische Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur vefassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veces. Wiesbaden, 1967.

⁴⁸ Cosmas. I. 29, 52–53.

⁴⁹ См., например: ПЛДР. Т. I. С. 272–274.

⁵⁰ SRH. Vol. I. P. 625.

⁵¹ Ibid. P. 359.

⁵² Györffy. Op. cit. 510–526. old.

⁵³ SRH. Vol. I. P. 322, 324–325.

⁵⁴ Cosmas. I. 29. P. 52–53.

⁵⁵ Gallus. I. 1–3. 9–13; Banaszkiewicz J. Podanie o Piastie i Popelu. Studium porównawcze nad wcześnieśredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986.

⁵⁶ ПЛДР. Т. I. С. 70–71.

⁵⁷ SRH. Vol. I. P. 314–315.

⁵⁸ Kürbisówna B. Dagome iudex... См. также прим. 17.

⁵⁹ Vajay Sz. Géza fejedelem és családjá // Székesfehérvár évszázadai. 1. Székesfehérvár, 1967. 63–100. old.; Kristó Gy. Géza fejedelem és István király // Aetas. 2000. № 3. 25–35. old.

⁶⁰ ПЛДР. Т. I. С. 174–175; Font M. A kijevi (nagy) fejedelmi hatalom jellegéről // Aetas. 1999. № 3. 22–33. old.; Franklin S., Shepard J. Op. cit. P. 245–249.

⁶¹ Labuda G. Testament Bolesława Krzywoustego // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenocio dedicata. Poznań, 1959. S. 171–194; Grudzinski T. O akcie sukcesyjnym z czasów Bolesława Krzywoustego // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1972. № 24. S. 35–62; Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty. Wrocław etc., 1975.

⁶² SRH. Vol. II. P. 392.

⁶³ Kristó Gy. A XI. századi hercegség Magyarországon. Bp., 1974; Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Bp., 1959. 36–44. old.

⁶⁴ Kristó Gy. Feudális széttagolódás Magyarországon. Bp., 1979. 44–53. old.

⁶⁵ Zsoldos A. Op. cit. 48–52. old.

Янош Макай

Проблематика единства древнерусского государства

С давних пор исследователей волнует вопрос о политическом устройстве Киевской Руси. Для работ первых представителей русской историографии был характерен акцент на раздробленности древнерусского государства¹. Позднее некоторые историки писали о федерации² или о ряде одновременно существовавших небольших государств³.

Концепция С.Ф. Платонова, согласно которой Киевская Русь была совокупностью многих княжеств, как будто суммировала взгляды наиболее значительных русских буржуазных историков. Княжества объединяли династия, религия, племя, язык и народное самосознание, но политические связи между ними были слабее всех прочих факторов⁴.

М.Н. Покровский всё ещё подчёркивал федеративный характер древнерусского государства⁵, но уже Б.Д. Греков выдвинул концепцию единого государства⁶, и это стало аксиомой для советской марксистской историографии, хотя во взглядах отдельных учёных можно обнаружить и некоторые расхождения. Б.А. Рыбаков, например, считал, что древнерусское государство было временной политической формой, и использовал определение «относительное единство»⁷.

В 1965 г. вышла в свет книга, озаглавленная «Древнерусское государство и его международное значение». В предисловии к ней советские историки выразили неодобрительное отношение к мнению некоторых зарубежных авторов о том, что Древняя Русь не была крепким государством⁸. Западная историография и в самом деле не признавала древнерусское государство устойчивым, но при этом существовал целый ряд оценок: «неустойчивый союз независимых государств», «не крепко сплоченное политическое образование», или «сравнительное единство»⁹. Если мы примем во внимание, что сам Б.Д. Греков писал только о нестабильном единстве, то увидим: расхождения в мнениях были не очень значительными.

Историки создали несколько концепций о единстве потому, что имевшиеся в их распоряжении источники способствовали появлению разных толкований. Для того, чтобы изложить свою точку зрения, необходимо изучение многих вопросов – роли посадников, взимания дани, правосудия, княжеских съездов, а также проблем церкви и войска.

Роль посадников киевского великого князя

Первые киевские князья ставили представителей своей дружины (посадников) во главе подчинённых земель¹⁰. Основной задачей их являлся сбор дани, правосудебная роль заключалась в наложении штрафа¹¹. Но положение было намного сложнее. С одной стороны, время от времени великие князья в Х в. и сами принимали участие в сборе дани (об этом речь пойдет в дальнейшем), с другой стороны, некоторыми местными центрами управляли – как и раньше – племенные князья.

Из текста договора, заключённого в 911 г. с Византией, ясно, что во главе Киевской Руси стоял «великий князь русский», но рядом с ним, дословно «под рукою его», были «светлые и великие князья»¹². Именно они могли возглавить образующиеся территориальные единицы (области, волости), но о них мало говорится в источниках. События, которые произошли в 945 г., доказывают, насколько незрелой была эта система: земля древлян имела собственного князя (Мала), но к древлянам приехал велиокняжеский друдинник (Свенельд) и даже сам великий князь (Игорь)¹³.

Великого князя Святослава больше интересовали походы, чем организационные вопросы, однако первое применение нового метода связано как раз с его именем. Суть метода заключается в том, что во главе территорий были поставлены сыновья великого князя как посадники. Но у Святослава было всего трое сыновей, и к тому же один из них должен был заменять своего отца (он в это время воевал в Болгарии) в Киеве¹⁴. Итак, прежняя структура в основном не изменилась.

Владимир Святославич продолжил реформу отца и во главе всех местных центров поставил своих сыновей. Он легко смог это сделать, поскольку, согласно «Повести временных лет», у него было 12 сыновей¹⁵. По всей вероятности, власти местных князей пришел конец, но новая система не оказалась устойчивой. Даже после введения реформы повиновение Киеву зависело от многих факторов: от военной мощи великого князя, от личных амбиций его посадников, от стремлений местной власти. Первые проблемы стали возникать уже при жизни Владимира. Его сын Святополк, который был поставлен во главе Турова, восстал против господства Киева, и за это отец взял его в плен¹⁶. Новгородский посадник Ярослав тоже отказался от послушания вели-

кому князю. Владимир хотел выступить против него в карательный поход, но вскоре скончался¹⁷.

Хотя Ярослав отстранил Святополка от власти, ему на деле довелось убедиться в том, насколько трудно осуществлять господство центра над всей Киевской Русью. В борьбе за престол он вынужден был сделать уступки Новгороду, поддерживающему его, но не мог полностью контролировать Полоцк, и десять лет ему приходилось делиться территорией государства со своим братом Мстиславом¹⁸. Возглавлять территориальные центры в качестве посадников он тоже назначал своих сыновей, как это делали его отец и дед¹⁹.

В «Повести временных лет» говорится, что Ярослав, названный Мудрым, перед смертью (в 1054 г.) разделил все земли на пять частей и отдал их своим сыновьям. По его завету старшинство получил Изяслав, но он должен был поделиться властью со своими братьями²⁰. Период совместного правления Изяслава, Святослава и Всеволода историография называет периодом триумвиата. В это время киевский великий князь имел право на контроль лишь земель, уделённых ему.

В последующие два десятилетия все три брата княжили в Киеве. Их сыновья тоже стремились усилить своё влияние. Ветвь Изяслава оказалась наименее удачливой. Святополк Изяславич вступил на киевский престол, но не смог взять под свой контроль Новгород даже при помощи своего двоюродного брата Владимира Мономаха. Если верить «Повести временных лет», то посланники Новгорода сообщили Святополку в Киев, чтобы он послал к ним своего сына (в качестве посадника) только в том случае, если у сына две головы²¹.

После Святополка на киевский престол вступил Владимир Мономах. Сила и авторитет Киева снова возросли. Во время киевского господства власть Мономаха распространилась на Переяславль, Смоленск, Новгород, Псков, Ростов, Сузdal и Туров. Стоит отметить, что многие из этих земель князь унаследовал или завоевал еще до своего вступления в Киев. Но Ярослав, сын его предшественника Святополка, не смог мириться с господством Владимира Мономаха. Киевский великий князь мог надеяться на военную мощь перемышльской, теребовльской и черниговской волостей. В 1118 г. он взял у Ярослава Святополковича Владимир-Волынский и отправил туда своего посадника²².

До и после 1113 г. Владимир Мономах управлял областями так же, как и его предки, т. е. вёл дела отчасти лично, отчасти с помощью посадников. Мы знаем из его «Поучения», что при жизни отца и даже позже он часто был в пути. Князь появлялся почти во всех больших центрах: на севере в Новгороде Великом, на юге в Переяславле, на северо-востоке в Ростове и на западе во Владимире. В некоторых городах побывал не раз²³. У него было многочисленное семейство, и это дало возможность управлять Киевской Русью с по-

мошью сыновей. Самым талантливым из них оказался новгородский посадник Мстислав.

После смерти Мономаха в Киеве княжил Мстислав Великий. Он контролировал Переяславль, Туров, Ростов, Сузdalь и Владимир-Волынский через своих братьев, а Новгород и Смоленск – через своих сыновей и захватил даже Курск. Его воля осуществлялась и в других землях²⁴.

После недолгого княжения Мстислава (1125–1132 гг.) последовал быстрый распад древнерусского государства. Положение непосредственного наследника (его брата, Ярополка) затрудняли и проблемы внутри рода Мономаха. Юрий, младший брат Мстислава, вывел Сузальскую землю из-под господства Киева²⁵. Отбылся от Киевской Руси и Новгород²⁶. Этими событиями, конечно, воспользовались те волости (например Черниговская), которые и раньше были сравнительно самостоятельными. Древнерусское государство, и прежде управлявшееся посадниками, постепенно распадалось на самостоятельные княжества.

Взимание дани

В X в. киевские великие князья распространили своё влияние на восточнославянские племена и обязали подчинённое население платить дань. Точнее говоря, эта обязанность была скорее добычей. Во время княжения Игоря взимание дани происходило довольно просто. Об этом византийский император Константин Багрянородный пишет так: когда наступал месяц ноябрь, князья покидали Киев со всеми русами и направлялись на полюдье на земли древлян, дреговичей, северян и других славян, которые платили дань русам. Так кормились всю зиму, а в апреле, когда таял лёд на реке Днепре, они возвращались в Киев²⁷.

В период великого княжения Игоря (912–945 гг.) многие племена поднялись против взимания дани. Наиболее известен случай с древлянами. Сразу после смерти Олега они отказались повиноваться. Игорь совершил поход против них, а потом обложил их данью, которая была больше прежней²⁸. В дальнейшем право на взимание дани получил Свенельд, один из дружиинников великого князя, но от дани с древлян не хотели отказываться и другие дружиинники. Их требования понудили Игоря в 945 г. отправиться на землю древлян, чтобы собрать дань, хотя, по всей вероятности, Свенельд уже сделал то же самое. Наконец, Игорь хотел получить новую дань лично для себя. Тройную нагрузку древляне были уже не в силах вынести и восстали, великого князя убили, а его дружиину изрубили²⁹.

Жена Игоря, Ольга, отомстила за убийство мужа³⁰, и в то же время изменила прежние методы. На земле древлян она ввела уставы и уроки.

Последние, по всей вероятности, регулировали систему взимания дани. Княгиня установила становища и ловища. Становища были центрами сбора дани. Реформы, введённые у древлян, она распространила и на другие земли: у реки Мста учредила погосты и определила размер дани, а территории вдоль Луги тоже обложила данью. По мнению летописца, ловища и погосты Ольги существовали даже при его (т. е. летописца) жизни по всей земле (во всей Киевской Руси). Как доказательство упоминает он Псков, земли у Днепра и вдоль Десны³¹. По мнению Л. В. Черепнина, всё это связано с тем, что постепенно шел переход с полюдья на взимание дани с помощью представителя княжеской администрации³².

Не только древляне, но и другие племена с трудом переносили господство Киева. В середине 60-х годов X в. великий князь Святослав одержал победу над хазарами, и вместо них обложил данью вятичей. Но в начале 80-х годов того же столетия его сыну Владимиру понадобилось совершить два новых похода, чтобы и вятичи смирились с внесением дани³³. По мнению историка Ф. Голчевски, до Владимира Святославича княжеская власть была властью «свободных разбойников», которые соединяли земли в государство с помощью вооружённых сил³⁴. На самом деле, великое княжение Владимира открывало новую страницу в истории восточных славян. С его именем можно связать создание древнерусского государства.

Взимание дани в основном переходило в руки посадников Владимира, т. е. его сыновей, которые выполняли это задание с помощью дружины. Сохранились данные о размере и даже структуре взимаемой дани в Новгороде. В начале XI в. новгородцы должны были посыпать в Киев две тысячи гринен, а одну тысячу распределяли между младшими дружиинниками. К концу жизни Владимира Ярослав как посадник отказался от исполнения этой обязанности³⁵. Платил ли дань Новгород Киеву в дальнейшем – не ясно. Ярослав Мудрый, например, мог быть благодарен этому городу за свой велиокняжеский престол. В таких условиях вряд ли новгородцы посыпали дань в Киев. Речь идёт не только о Новгороде, но и Полоцке. Там обосновалось семейство одного из братьев Ярослава. Князья Полоцка доставляли много забот Ярославу Мудрому и его киевским наследникам. Маловероятно, чтобы полоцкая волость и дальше продолжала платить дань Киеву. Нет сведений и о том, что черниговский князь Мстислав, брат Ярослава, господствовал на левом берегу Днепра более десяти лет. Только после смерти Мстислава Киев мог снова контролировать эту территорию³⁶. На основе вышесказанного не приходится утверждать, что при княжении Ярослава все древнерусские земли платили дань Киеву.

Американский историк М. Флорински не нашёл никаких доказательств того, что местные князья платили дань Киеву в период, когда не стало Яро-

слава³⁷. На самом деле, трудно представить, что у Изяслава были такие доходы после создания триумвирата. Со смертью Ярослава киевские великие князья могли рассчитывать только на дань с земель, где действовали их собственные посадники. Сравнительно большие податные земли Владимира Мономаха и Мстислава Великого не должны вводить нас в заблуждение. Будучи киевскими государями, они сами приобретали новые волости, но значительную часть их Мономах взял под свой контроль ещё до своего вступления на киевский престол. После смерти Мстислава ускорился распад государства. Отпавшие от Киева волости, конечно, отказались платить дань. В 1134 г. Юрий, ростово-сузdalский посадник, приобрёл Переяславль, но этого он добился только потому, что передал своему брату, киевскому князю, часть северо-восточной волости. Следовательно, и в дальнейшем дань получал Киев. Но вскоре Юрий потерял переяславскую волость и вернулся на северо-восток. Мы предполагаем, что после этого он не платил дань Киеву³⁸.

Правосудие

Основным фактором развития древнерусского права был дуализм. Задолго до основания династии Рюрика в Киеве у всех племён существовали определённые общественные законы поведения. Князья тоже пытались устанавливать правовые нормы для народа. Община и князь были главными субъектами развития русского права и законодательства. С обращением Руси в христианство появился и третий фактор – церковь, которая обладала тщательно разработанной системой канонического права³⁹.

Возникновение правопорядка в Киевской Руси началось с X в. Уже договор, заключённый с Византией в 911 г., упоминает «закон русский», а договор 944 г. утверждает его существование («устав и закон русский»)⁴⁰. Летописец употребляет выражение «устав», когда сообщает о реформах княгини Ольги. По всей вероятности, уставы предписывали законы правосудия для представителей княжеской администрации. Становища и погосты, установленные Ольгой⁴¹, были использованы и в целях правосудия.

Владимир I тоже занимался проблемой права. Он совещался со своей дружиной не только по вопросам устройства страны, войн, но и о законах (устав земляной)⁴². У нас есть более конкретные данные: когда возросло число ограблений, великому князю посоветовали отменить виру и казнить грабителей. Владимир сделал это, но тогда ему посоветовали восстановить штраф, потому что на эти деньги можно было бы купить оружие и лошадей. Великий князь принял и это предложение, и в случае грабежа снова накладывали виру. На основании источника можно сделать вывод, что виру применяли уже во время княжения отца и деда Владимира⁴³. Вопросами штрафов занимался и

его сын Ярослав. Он издал закон (покон вирный) для новгородцев, который точно определил кормление княжеской дружины. Этот закон называли вирным, потому что в задачи дружинников входило правосудие и сбор виры⁴⁴. Эти примеры подчёркивают роль киевских великих князей в законотворчестве и в применении права.

Но самым важным правовым произведением Киевской Руси мы считаем «Русскую Правду». Сохранились три её варианта: «Краткая», «Пространная» и «Сокращённая». «Краткая Правда» состоит из двух частей. Первая часть связана с именем Ярослава Мудрого, а вторая – с именами Ярославичей, но содержит и дополнительные статьи. «Пространная Правда» является вариантом «Краткой Правды», дополненной распоряжениями Владимира Мономаха. «Сокращённая Правда» менее ценна из-за объёма и времени возникновения. О «Русской Правде» можно прочитать множество публикаций⁴⁵. С давнего времени изучают историки условия её возникновения, анализируют её статьи, оценивают её значение. Но данное собрание законов не может помочь в рассматриваемом нами вопросе. Хотя нам известно содержание «Правды», мы мало знаем, когда, где и как её использовали на практике. Киевский великий князь лично принимал участие в правосудии, но его правомочия ограничивали следующие факторы.

Во-первых, представители общин принимали участие в составлении судебников и уставов и даже в правосудии⁴⁶. Во-вторых, время от времени киевские великие князья могли издавать и такие уставы, которые касались только отдельных областей, т. е. препятствовали единому отправлению законов. Мы знаем о двух конкретных случаях. В 1016 г. Ярослав дал грамоту Новгороду в знак благодарности за полученную помощь⁴⁷. Второе доказательство – покон вирный. В-третьих, церковь обладала большими возможностями для правосудия. Несомненно, что это было обосновано церковными уставами Владимира и Ярослава. Священники, конечно, относились к епископской юрисдикции, но бывали такие случаи, когда церковь судила мирян⁴⁸. Таким образом, епископские суды принимали на себя часть бремени, но в то же время сокращали круг деятельности дружинников великого князя и размеры доходов от штрафов.

Княжеские съезды

После смерти Ярослава Мудрого великокняжеская власть ослабла, и представители династии Рюрика вели друг против друга борьбу. Южным областям грозили вторжения половцев. Целью княжеских съездов было предотвращение новых междоусобиц и устранение внешней опасности. Первый съезд состоялся в 1097 г. в Любече, где присутствовали самые авторитетные

князья. Был принят новый принцип управления волостями: «кождо да держить отчину свою» (пусть каждый владеет отчиной своей). Здесь были зафиксированы властные отношения, которые сложились к этому времени⁴⁹. Привозглашение отчинного принципа престолонаследия создало сложную ситуацию для дальнейшей судьбы киевского престола, так как им владели не только Изяслав Ярославич, но и Святослав и Всеволод Ярославичи, и таким образом их сыновья тоже могли претендовать на киевский престол⁵⁰.

По словам летописца, решения съезда все встретили с радостью. Только Давыд, владимирский князь, был другого мнения. Он ослепил теребовльского князя Василько. Всех присутствующих на съезде в Любече взволновало это известие. Они заставили великого князя Святополка действовать решительно. Святополк отнял у Давыда его волость (Волынь) и отдал её своему сыну. На следующем княжеском съезде (в 1100 г. в Уветичах) в основном обсуждали судьбу Давыда. Старшие по рангу князья династии обращались с волынским князем очень сурово. Они лишили его волости и отдали ему малозначительный Дорогобуж⁵¹.

В 1103 г. княжеский съезд в Долобске занимался уже не внутренними раздорами, а борьбой против половцев. Интересно отметить, что на этом съезде присутствовали только киевский великий князь Святополк и переславский князь Владимир Мономах как представители династии. Присутствовали и дружины, как раньше в Уветичах. Они договорились напасть на половцев и об этом известили Олега и Давыда Святославичей. Олег явно рассердился, что решение было принято без него, и ссылаясь на болезнь, держался в стороне от похода⁵². Конечно, княжеские съезды не прекратились и после 1103 г.⁵³.

Мы должны согласиться с оценкой Черепнина, по мнению которого княжеские съезды никогда не охватывали все княжества, проводились нерегулярно, их круг полномочий не до конца ясен, и некоторые князья могли не обращать внимания на их установления⁵⁴.

Церковь

Мы имеем весьма скучные данные об учреждении древнерусской церкви. Множество концепций, предлагаемых разными историками, скорее затрудняет задачу. Как считают некоторые исследователи, уже во время княжения Владимира церковь зависела от княжеской власти. Я.Н. Щапов подчёркивает, что на первых порах содержание церкви обеспечивал князь из своих средств. Возникновение земельной собственности церкви (с конца XI в.) и попадание некоторых групп производителей под церковную юрисдикцию (с XII в.) изменили экономическое положение епископств и сделали их само-

стоятельными хозяйственными организациями⁵⁵. Венгерская исследовательница М. Фонт тоже считает, что причиной зависимости церкви является материальная поддержка государства. Она упоминает десятину, уступленную Владимиром⁵⁶. Мнения ещё больше расходятся в оценках организационной зависимости. Как утверждает историк Г. Вернадски, князь не имел никакого преимущественного права в управлении церковью, потому что киевский митрополит подчинялся константинопольскому патриарху. Вернадски полагал, что церковь киевского периода была автономной организацией. Но он тоже признавал, что киевские князья могли вмешиваться в назначение епископов⁵⁷. Те же самые факты Р.Г. Скрынников оценивал совсем по-другому. Он убежден: церковь находилась в полной зависимости от светской власти. Князь распоряжался церковными должностями по своему усмотрению. Но и Скрынников признал, что при назначении на высшие посты князь не мог обойтись без санкции трёх епископов⁵⁸.

Чтобы показать отношение церкви к политическому единству, я должен рассмотреть положение самой церкви. Принятие христианства – как известно – произошло в период княжения Владимира Святославича. Существуют многочисленные данные о его насилистенных методах распространения новой религии. В городах миссионерство оказалось успешным, но в провинции народ сохранял старые верования на протяжении столетий, или сочетал их с элементами христианства⁵⁹. Миссионерам и представителям светской власти приходилось преодолевать серьезные трудности. Нам известно из источника, что миссию великого князя Владимира в Новгороде встретили бунтом⁶⁰. В 1024 г. Ярослав в Суздале подавил восстание, а в «Повести временных лет» в связи с 1071 г. упоминается о двух новых бунтах. Возглавляли эти восстания волхвы – служители языческой веры⁶¹. Спустя некоторое время государство перестало участвовать в распространении христианства, и задача обращения населения в новую веру от князей перешла к миссиям и, что случалось чаще, к миссионерам-одиночкам. Но это препятствовало расширению власти государства над церковью, так как монастыри и миссии защищали свои новые земли от светских чиновников⁶².

Формирование древнерусской церкви произошло не в период княжения Владимира, а позже⁶³. Такой вывод подтверждается и тем, что в «Повести временных лет» упоминается о развёрнутой организационной работе только там, где речь идет о деятельности Ярослава Мудрого⁶⁴. Вопрос заключается в том, существовала ли митрополия уже при Владимире. В принципе, ответ должен быть положительным. Мы знаем и имя митрополита, назначенного в Константинополе. У нас только нет доказательств, приехал ли Феофилакт в Киев⁶⁵. Возможно, что неоформленная церковная организация тогда ещё не нуждалась в личном присутствии митрополита.

В «Повести временных лет» упоминается о митрополите под 1037 г.⁶⁶ Есть историк, который предполагает, что к этому времени митрополит Феопемпий находился уже в Киеве⁶⁷. Первые достоверные данные о его присутствии можно прочесть под 1039 г., когда он освящал церковь⁶⁸. Сначала Ярослав Мудрый признал кандидата патриарха, но в 1051 г. заставил епископов избрать митрополитом Илариона⁶⁹. Ясно, что Ярослав хотел взять под свой контроль и церковь. (Его шаг был настолько необычным, что следующего русского митрополита пришлось ждать чуть ли не 100 лет⁷⁰.) Роль высокообразованного Илариона надо оценивать очень осторожно. Мы не знаем, как и каким числом епископов он был избран, мы не способны оценить и его деятельность. Возможно, что при Ярославе он оставался в этой должности, а после смерти великого князя отказался от неё. Звание митрополита получил Ефрем. Вероятно, он был греком⁷¹. После него долгое время митрополичью должность занимали кандидаты Константинополя.

Невозможно точно сказать и то, когда были созданы епархии. Мнения историков по этому вопросу во многом расходятся⁷². Первые епархии связывались с ранними центрами Руси, а поздние – с новыми. Они вряд ли укрепляли центральную власть. Местные епископы были подчинены князьям, не так как митрополит. Пока местный князь признавал власть Киева, местная епархия тоже укрепляла единство. Когда представитель династии стремился к политической независимости, он пытался поставить местного епископа на свою сторону. Древнерусская церковь в некотором отношении была единой, но это не означает, что государство тоже было единым.

Военная сила киевского великого князя

Древнерусская армия состояла из двух основных частей: вооружённой дружины и народного ополчения. Великий князь обеспечивал снабжение и питание дружины, в результате чего он мог рассчитывать на неё и в нападении, и в обороне. Народное ополчение, которое состояло из горожан и смердов, мобилизовали только в случае больших походов или на крайний случай (например, когда враг врывался в страну неожиданно). Ополченцы не имели оружия и лошадей в достаточном количестве. Князь должен был заботиться и о них. Ополченцы боролись под руководством своих воевод, тысяцких. Они были неумелыми всадниками и пехотинцами, а дружина – малочисленной, поэтому время от времени киевские великие князья прибегали к помощи степных народов. Самые организованные и надёжные из этих народов были черные клубки, которые жили вдоль реки Рось⁷³.

Великие князья успешно применяли эти военные силы. Покорение восточнославянских племён началось с походов Олега и кончилось во время

княжения Владимира⁷⁴. Успехи киевских князей свидетельствуют, с одной стороны, о боеспособной дружине, а с другой стороны, все увеличивающаяся дань давала возможность великому князю укрепить свою дружину. Владимир понял, что своих посадников он может смирять только в том случае, если будет иметь соответствующую военную силу. Только смерть помешала ему пойти в поход против Ярослава⁷⁵. Последний оказался хорошим учеником отца: применял насилие против своих братьев и супругов, которых восстановили против него волхвы. Тем не менее Ярославу не удалось победить младшего брата Мстислава. В течение десяти лет ему приходилось мириться с раздробленностью молодого древнерусского государства⁷⁶. Сыновья Ярослава, пока княжили в единогласии, моглиправляться с полоцким князем. Всеслав вступил в междоусобную войну и взял Новгород. Ярославичи победили и, несмотря на свое обещание, взяли его в плен и посадили в тюрьму в Киеве⁷⁷. Позже они начали друг против друга применять военную силу, что привело к тяжелым последствиям⁷⁸.

У великого князя Святополка оставалось мало волостей. Не имея значительных доходов, он не мог содержать сильную дружину, чтобы победить своих родственников. Можно усомниться, что его удерживали под своим влиянием двоюродные братья (Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи), как об этом записано в «Повести временных лет»⁷⁹, так как источник симпатизирует династии Мономаха. Во время княжения Владимира Мономаха и его сына Мстислава военные силы и единство государства находились во взаимозависимости. Мономах непосредственно господствовал над значительной частью территории древнерусского государства. Доходы его волостей позволяли ему содержать боеспособное войско. В то же время он был талантливым военачальником. Большинство князей подчинялось ему, а против остальных князь действовал чрезвычайно строго⁸⁰.

Мстислав унаследовал наряду с талантом отца и его военную силу. За краткий срок его великого княжения в последний раз был ощущен военный и политический перевес Киева⁸¹. Многие из сыновей и внуков Мстислава Великого захватывали киевский престол, но мы не считаем возможным называть их великими князьями из-за слабости центральной власти.

Военная сила Киева проявлялась и в войнах против соседних народов и государств. Сначала Руси грозили печенеги, но Владимир Святой и Ярослав Мудрый успешно защищали Русь⁸². В южных степях печенегов сменили половцы. Они были более опасным врагом и нанесли большой ущерб древнерусскому населению. На первых порах их вторжения привели даже к политическому потрясению: в 1068 г. киевляне были недовольны выступлением великого князя Изяслава против половцев и потому прогнали его⁸³.

В конце XI – начале XII в. главным героям в боях с половцами был Владимир Мономах. По собственному признанию, он заключил 19 мирных договоров с половецкими князьями (ханами) и убил примерно двести знатных половцев⁸⁴. В этих боях и великий князь Святополк, и черниговские князья играли значительную роль. Успехи 1103–1111 гг.⁸⁵ могли быть достигнуты только в результате совместных усилий двоюродных братьев. В 1113 г. половцы хотели воспользоваться даже смертью Святополка Изяславича, но у Выря их встретили войска Мономаха, и им пришлось отступить⁸⁶. В последующие годы сам Владимир уже не совершал походов против половцев, но, будучи киевским великим князем, и в дальнейшем обладал достаточной военной силой, которую использовал для создания и сохранения внутренней стабильности.

Киевская Русь не только защищалась. Начиная с правления Олега вплоть до Ярослава Мудрого киевские князья не раз совершали походы на Византию и её столицу (907, 941, 969–971, 1043 гг.)⁸⁷. Правление великого князя Святослава проходило в непрерывных войнах. Два раза (965, 969 гг.) нападал он на хазарское государство, взял Шаркел (Белую Вежу) и столицу Итиль. Одержал победу над ясами и косогами. Эти успехи привели к падению государства противника⁸⁸. В 968 г. на Дунае войска Святослава нанесли поражение болгарам. Многие города попали в руки великого князя, который хотел перенести столицу в Переяславец⁸⁹. В 80-е годы X в. Владимир Святославич успешно боролся против поляков⁹⁰. Ярослав тоже столкнулся с ними, так как Болеслав Храбрый поддерживал своего зятя Святополка в борьбе за Киев. Известно, что польский король руководствовался не только любовью к своему родственнику. При отступлении Болеслав взял червенские города⁹¹, завоёванные ещё Владимиром. Ярослав вновь отвоевал их с помощью своего младшего брата Мстислава⁹². Ярославичи уже не вели такой активной внешней политики. Изяслав – как и его дядя – вовлек в борьбу за престол и поляков⁹³. Со второй половины XI в. борьба с половцами не благоприятствовала политике приобретения у соседей трофеев и территории.

Столетие, на протяжении которого складывалась Киевская Русь (882–980 гг.), и 150 лет её существования (980–1130-е годы) в основном заполняли войны, которые усиливали власть Киева.

Подытоживая приведенные выше факты, можно сделать следующие выводы.

Местными представителями великого князя были посадники, но, за исключением Владимира Святого, ни один из киевских князей не мог контролировать всю территорию древнерусского государства с помощью своих посадников. У самого Владимира тоже бывали проблемы со своими двумя непо-

слушными сыновьями. При его потомках князья всегда стояли во главе какой-то волости, причем они не были представителями великого князя, хотя и признавали его старшинство. Обязанность платить дань центру распространилась на всю Киевскую Русь только при Владимире, но перед самой его смертью Новгород уклонился от этого. Похоже, начиная с княжения Ярослава, налоговое обложение уже не охватывало все древнерусские земли. Почти не имея данных о том, как применялись на практике законы, мы лишь предполагаем, что в древнерусском государстве со временем правления Ярослава Мудрого правосудие осуществляли великие князья, их посадники, руководствуясь тождественными принципами. Если одна из волостей оставалась в стороне от власти Киева, приговор по раскрытым преступлениям выносился на основе этих принципов. Значит, предложенное тождество юридических норм и вопрос о политическом единстве не были связаны друг с другом. Церковь не стала орудием киевского центра. Только Ярослав Мудрый пытался взять её под свой контроль. Мы не знаем и того, были ли такие попытки у его наследников в XI и начале XII вв. Княжеские съезды служили доказательством не единства, а раздробленности. Их созывали тогда, когда власть центра была сравнительно слабой. Эти съезды ещё показывают, что некоторые представители династии Рюрика могли вступить в союз, чтобы победить внешнего врача. Вообще, как представляется, источники свидетельствуют о том, что среди факторов, способствовавших созданию древнерусского государства, самым важным оказалась военная сила.

При изучении проблемы единства киевского государства решающим является вопрос о том, как осуществлялись интересы центральной власти с помощью надёжных местных представителей. В данном контексте для Киевской Руси была характерна раздробленность. Однако на рубеже X–XI вв., с 1036-го по 1054-й и с 1113 по 1132 г. существовало относительное политическое единство.

Само собой разумеется, что древнерусские княжества имели связь друг с другом и после 1132 г. Связи реализовывались через династию, судопроизводство, религию и язык. Политическая раздробленность стала более очевидной именно после 1132 г. потому, что до этого княжили, во-первых, Владимир Мономах, а потом – Мстислав Великий. Если бы раздробленность завершилась после смерти Всеволода Ярославича (1093 г.), то это, по всей вероятности, заставило бы историков меньше спорить о данном вопросе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1892. Т. 4. С. 45; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1950. Т. 4. С. 328–330.
- ² Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. С. 3, 49; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В.О. Соч. М., 1956. Т. I. С. 200–201.
- ³ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1890. С. 1; Пресняков А.Е. Киевская Русь // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I. С. 155.
- ⁴ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1901. С. 75–77.
- ⁵ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времён. М., 1933. Т. I. С. 73, 256.
- ⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1944. С. 187.
- ⁷ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 473–474.
- ⁸ Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение (далее – Древнерусское государство). М., 1965. С. 3.
- ⁹ Florinsky M.T. Russia. A History and an Interpretation (далее – Florinsky). New York, 1953. Vol. I. P. 31; Stökl G. Russische Geschichte (далее – Stökl). Stuttgart, 1990. S 84. Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus, 750–1200. London–New York, 1996. P. 370.
- ¹⁰ Повесть временных лет (далее – ПВЛ). М.–Л., 1950. Ч. I. С. 20,39.
- ¹¹ О сфере компетенции посадников см.: Florinsky. P. 21.
- ¹² ПВЛ. Ч. I. С 25–26.
- ¹³ Там же. С. 39–42.
- ¹⁴ Там же. С. 49–50.
- ¹⁵ Там же. С. 83.
- ¹⁶ Vlasto A.P. The Entry of the Slavs into Christendom (далее – Vlasto). Cambridge, 1970. P. 275.
- ¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.–Л., 1950. С. 168–169; ПВЛ. Ч. I. С. 88–89.
- ¹⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 99–101; НПЛ. С. 175–176.
- ¹⁹ Makai J. Bölcs Jaroszlav bölcsessége (далее – Makai. 1997) // Világtörténet. 1997. № 3–4. 7–8. old.
- ²⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 108–121.
- ²¹ Там же. С. 182.

- ²² Там же. С. 202; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1962. Т. I. Стб. 291–292; М., 1962. Т. II. Стб. 284–285.
- ²³ ПВЛ. Ч. I. С. 158–161.
- ²⁴ Толочко П.П. Древняя Русь (далее – Толочко). Киев, 1987. С. 108; ПСРЛ. Т. I. Стб. 296–299, 301; Т. II. Стб. 290–292.
- ²⁵ О суздальской деятельности Юрия Долгорукого см.: Makai J. Jurij Dolgorukij tevékenysége Északkelet-Oroszországban // Világtörténet. 1991. № 1–2. 38–46. old.
- ²⁶ НПЛ. С. 24, 209.
- ²⁷ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.–Л., 1934. С. 10.
- ²⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 31.
- ²⁹ Там же. С. 39–40; НПЛ. С. 110.
- ³⁰ ПВЛ. С. 40–43; НПЛ. С. 110–113.
- ³¹ ПВЛ. С. 43; НПЛ. С. 113.
- ³² Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство. С. 149.
- ³³ ПВЛ. Ч. I. С. 46–47, 58.
- ³⁴ Golczewski F. Geschichte der Ukraine. Göttingen, 1993. S. 85.
- ³⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 88–89; НПЛ. С. 168.
- ³⁶ Об отношении Новгорода, Полоцка и Чернигова к Ярославу Мудрому см.: Makai. 1997. 3–7. old.
- ³⁷ Florinsky. P. 22.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302; Т. II. Стб. 295.
- ³⁹ Vernadsky G. Kievan Russia (далее – Vernadsky) // Vernadsky G., Karpo-vich M.A. A history of Russia. New Haven–London–Oxford, 1948. Vol. II. P. 207; Stökl. S. 78.
- ⁴⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 27. По мнению А.А. Зимина при Олеге существовало ещё обычное право (законы), и только во время княжения Игоря появились княжеские законы (уставы). См.: Зимин А.А. Феодальная раздробленность и Русская Правда (далее – Зимин) // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 234.
- ⁴¹ О нововведениях Ольги см.: ПВЛ. Ч. I. С. 43; НПЛ. С. 113.
- ⁴² ПВЛ. Ч. I. С. 86; НПЛ. С. 167.
- ⁴³ ПВЛ. Ч. I. С. 86–87; НПЛ. С. 167.
- ⁴⁴ Зимин. С. 247. Толочко. С. 237.
- ⁴⁵ К вопросу о «Русской Правде» см.: Vernadsky. P. 78–79, 207, 209. Florinsky. P. 33; Vlasto. P. 265; Stökl. S. 77–79; Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1948; Зимин. С. 230–275;

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории (далее – *Фроянов*). Л., 1980. С. 40–41; *Скрынников Р.Г.* История Российской. IX–XVII вв. (далее – *Скрынников*). М., 1997. С. 93–98; *Makai*. 1997. 9–11. old.; *Font M., Krausz T., Niederhauser E., Szvák Gy.* Oroszország története. Brp., 1997. 56–58. old.; *Font M.* Oroszország, Ukraina, Rusz (далее – *Font*. 1998). Brp.; Pécs, 1998. 24–26. old.

⁴⁶ *Фроянов*. С. 29, 39.

⁴⁷ НПЛ. С. 175–176.

⁴⁸ О церковном правосудии см.: *Vernadsky*. P. 206. *Stökl*. S 79.

⁴⁹ О любечском съезде см.: ПВЛ. Ч. I. С. 170–171.

⁵⁰ *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. (далее – *Черепнин*. 1972) // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 361.

⁵¹ ПВЛ. Ч. I. С. 171–172.

⁵² Там же. С. 183.

⁵³ *Vernadsky*. P. 181.

⁵⁴ *Черепнин*. 1972. С. 377.

⁵⁵ *Щапов Я.Н.* Церковь и становление древнерусской государственности // Вопросы истории. 1969. № 11. С 56–57, 59, 62.

⁵⁶ *Font*. 1998. 40. old.

⁵⁷ *Vernadsky*. P. 178, 204–205.

⁵⁸ *Скрынников*. С. 98.

⁵⁹ Об успехах распространения христианства см.: *Скрынников*. С. 99; *Font*. 1998. 39. old.

⁶⁰ О новгородских событиях см.: *Vlasto*. P. 264; *Dvornik F.* Les Slaves. Paris, 1970. P. 189–190.

⁶¹ ПВЛ. Ч. I. С. 99–100, 117–121.

⁶² *Vlasto*. P 264–265.

⁶³ *Font*, 1998. 38. old.

⁶⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 102–103.

⁶⁵ *Font*, 1998. 38, 45. old.

⁶⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 102.

⁶⁷ *Stökl*. S. 62.

⁶⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 103.

⁶⁹ Там же. С. 104.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340–341.

⁷¹ Об отставке Илариона и назначении Ефрема см.: *Vlasto*. P. 286.

- ⁷² Vernadsky. P. 64–66; Vlasto. P. 263, 272; Скрынников. С. 99; Font, 1998. 45, 92–93. old.
- ⁷³ О составе древнерусского войска см.: Vernadsky. P. 192–193; Stökl. S. 81–82; Фроянов. С. 185–216.
- ⁷⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 20, 31, 40–43, 47, 58–59.
- ⁷⁵ Там же. С. 89.
- ⁷⁶ Там же. С. 100–101.
- ⁷⁷ Там же. С. 111–112.
- ⁷⁸ Там же. С. 121, 132.
- ⁷⁹ Там же. С. 143–196.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 282–285.
- ⁸¹ Толочко. С. 108; ПСРЛ. Т. II. Стб. 296–299, 301; Т. II. Стб. 290–292.
- ⁸² ПВЛ. Ч. I. С. 47–48, 83–85, 87–88, 101–102.
- ⁸³ Там же. С. 112–115.
- ⁸⁴ Там же. С. 162.
- ⁸⁵ О военных действиях 1103–1111 гг. см.: Там же. С. 183–187, 190–195.
- ⁸⁶ Там же. С. 197.
- ⁸⁷ Там же. С. 23–25, 33, 50–52, 103–104. О втором балканском походе великого князя Святослава см.: История Киева. Т. I. Древний и средневековый Киев / Отв. ред. И.И. Артеменко (далее – История Киева). Киев, 1982. С. 120–121.
- ⁸⁸ О походах Святослава против хазар см.: ПВЛ. Ч. I. С. 47; История Киева. С. 118–119. Толочко. С. 45.
- ⁸⁹ К вопросу о борьбе Святослава с болгарами см.: ПВЛ. Ч. I. С. 47–48; История Киева. С. 119.
- ⁹⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 58.
- ⁹¹ Там же. С. 96–97.
- ⁹² Там же. С. 101.
- ⁹³ Там же. С. 115–116, 132.

Терезия Олайош

К истории венгерско-византийско-русских связей XI века

В 1992 г. вышел в свет первый том публикации одного из самых значительных собраний венгерских исторических источников – «*Diplomata Hungariae Antiquissima*» под редакцией Дёрдя Дёрффи¹. Целью издания было опубликование всех касающихся венгерской истории грамот или частей грамот, написанных с 1000 по 1131 г. Однако оно, к сожалению (а, может быть, и к счастью, если посмотреть на это с другой стороны), уже в год своего опубликования оказалось неполным.

В нём, в силу объективной необходимости, не содержалась ранее не опубликовавшаяся грамота 1053–1054 гг., хотя её принадлежность к венгерским историческим источникам не подлежала сомнению. Написанная на греческом языке, грамота хранится в архиве испанских князей Медина в Севилье. В том же 1992 г. она была опубликована парижским профессором Андре Гио совместно с Кристиной Роньони².

I

Французские исследователи подробно описали палеографические и языковые особенности грамоты, а также определили её место в ряду других дарственных церковных грамот. К приведенным ими исчерпывающим данным трудно что-либо добавить.

Грамоту составил человек по имени Кирилл, «командующий венгерским войском»: Κυρίλλος σπαθαροκαυδάτος καὶ δορεστικός τῆς παραγῆς τοῦ “Οὐγροῦ”³. Он подарил часть своих владений, находившихся в провинции византийской Калабрии, в области Салинаи⁴, игумену монастыря, названного Асекретис⁵, Леонтию и его четырём монахам с тем, чтобы они основали там, очевидно, тесно связанную с монастырём Асекретис новую церковную обитель, где бы молились за спасение души Кирилла, его семьи и всех отпрывков рода. Подаренное с этой целью имение было таким большим,

что на его земле могли бы поместиться виноградник, огород, пахотные поля и даже мельница у ручья. Далее в дарственной грамоте устанавливались взаимные права и обязанности. С одной стороны, грамота грозила основателям обители и их потомкам отлучением от церкви, если они захотят вернуть себе подаренное вопреки договору, но в то же время в ней указывалось, что право на владение возвращается к основателю или к его потомкам, если монахи поведут себя не так, как указано в договоре, например продадут часть земли (1–34 строка). В заключительной части грамоты (34–39 строка) сообщалось имя писца и дата (со дня сотворения мира 6562 г. и седьмой год индикции, т. е. 1053/1054 г.)⁶, а также содержались собственноручные под-писи семи свидетелей⁷.

С исторической точки зрения, один из основных вопросов – это вопрос о численности венгерского войска в Калабрии. Точного ответа на него грамота, к сожалению, не даёт, но содержащиеся в ней некоторые данные могут быть использованы для косвенных выводов. Ранг командующего венгерским войском грамота определяет словом «доместик» (*domestikos*), однако оно имеет множество значений в византийской военной и гражданской административной терминологии⁸. И еще: выражение «*paratagé*» (*paratagé*) в XI в. применительно к численности воинов является неопределенным. Это, очевидно, не военный термин, он не известен в специальной литературе, и даже автор самой новой и самой подробной разработки Ханс-Йоахим Кюн⁹ не упоминает данного слова в перечне названий войсковых формирований. С языковой точки зрения *paratagé* ближе всего к *parataxis*, число солдат в нём, скорее всего, 1 200 человек¹⁰.

Другой путь решения вопроса – предположить, что в грамоте термин *paratagé* употребляется в значении «тагмы» (*tagma*)¹¹. И в таком случае количество солдат в войске должно быть около 1 тысячи¹². Назовем ещё три обстоятельства, говорящие о том, что контингент венгерского войска был значителен и составлял около тысячи человек. Во-первых, это достаточно высокое тогда в византийской иерархии звание Кирилла – спафарокандидат¹³. Во-вторых, из семи заверивших грамоту свидетелей двое принадлежали к самому высокому светскому рангу византийской Калабрийской фемы, а третий и четвертый свидетели занимали важные церковные посты¹⁴. И, наконец, сама благотворительная акция показывает, что у Кирилла было такое большое состояние, каким начальник незначительного отряда вряд ли мог обладать. Тот факт, что в 1053/1054 г. во время правления венгерского короля Андраша (Андрея) I (1046–1060 гг.) византийский император содержал на службе большое венгерское войско, хорошо уживается со всем тем, что уже

ранее было известно исторической науке о дружеской византийской ориентации этого короля.

Продолжая внешнеполитическое направление Иштвана I (св. Стефана, 997–1038 гг.), Андраш стремился обеспечить дипломатическими и военными средствами независимость страны от Священной Римской империи. С другой стороны, желая восстановить испортившиеся в 1040 г. венгеро-византийские отношения, он строил союзнические связи с константинопольским василем¹⁵. Этому способствовало то обстоятельство, что после конфликта 1043 г.¹⁶, в 1046–1047 гг. киевский великий князь и византийский император заключили мир, который подкрепили династическим браком: сын Ярослава Мудрого, шурин Андраша, Всеялод получил в жёны дочь Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.)¹⁷. Под знаком византийско-русского союза в 1046–1047 гг., возможно, и русские войска принимали участие в разгроме восставшего против Константина Льва Торника¹⁸.

Об участии русских войск в борьбе против узурпатора мы можем сделать вывод на основании единственного византийского источника – торжественной проповеди достигшего благодаря своему красноречию признания при дворе Константина Мономаха, а затем ставшего митрополитом Иоанна Мавропода¹⁹, произнесённой 29 декабря 1047 г. (на четвёртый день после Рождества)²⁰. В ней чувствуется облегчение, которое испытали при константинопольском дворе после произшедшего непосредственно перед рождественскими праздниками бегства узурпатора и его войск. Недовольная часть западного войска, провозгласив Льва Торника императором, с конца сентября 1047 г. угрожала столице империи. Выступившая против узурпатора верная Константину Мономаху восточная армия, оставив арабский фронт, двинулась ускоренным маршем на помощь Константинополю, и в то же время, по словам Мавропода, туда прибыли в подкрепление и «варвары, пришедшие с севера и с запада» (βαρβαρικά τε στρατεύματα 'εκ διστάντων καὶ βόρρα²¹).

Узнав о приближении восточной армии, солдаты Торника дезертировали: они либо вернулись домой, либо сдались в плен ещё до Рождества²². Остаётся открытым вопрос о том, кого имел в виду Мавропод под «пришедшими с севера варварами». А.П. Каждан отождествляет их с русскими²³, Иван Дуйчев думает о болгарах²⁴, в то время как П. Диакону²⁵ под пришедшими с севера понимает варягов, а под пришедшими с запада – французских норманнов. Джонатан Шепард отождествляет их с печенежскими отрядами²⁶. Одно кажется вероятным: болгары принимали участие в борьбе на стороне императора. Об этом говорит другой источник того времени: Михаил Атталиат однозначно утверждает данный факт и замечает, что болгары прибыли с

«запада»²⁷. Хотя «пришедшиими с севера» византийские источники называли кроме русских и другие народности (например печенегов), в описанной ситуации нам представляется, вслед за Кажданом и Г.Г. Литавриным, самым вероятным предположение о том, что речь в этом месте идёт об участии русских.

Доказательством дружеских отношений, установившихся между Андрашем I и византийским правителем, служит прибытие в Венгрию великолепной короны, украшенной эмальевым портретом Константина Мономаха и его жены Зои. Регалия была изготовлена между 1042 и 1050 гг. в Константинополе в императорских ювелирных мастерских²⁸. Не исключено, что Андраша короновали именно этой короной²⁹, или что его русская жена Анастасия получила эту корону в подарок³⁰. То, что Андрашу при участии русских воинов удалось взойти на венгерский престол³¹, а также, что Константина Мономаха в борьбе с восставшим против него Львом Горником поддерживало русское войско, историческая наука рассматривает как доказательство сложившихся союзнических отношений между венгерским королём Андрашем, киевским князем Ярославом Мудрым и византийским императором Константином IX³². По аналогии нужно видеть знак дружбы между Византией и Венгрией в том, что в Калабрии имелось венгерское войско под предводительством Кирилла.

II

Недавно изданная грамота Кирилла 1053/1054 г. проливает иной свет на историческую ценность двух других, ранее опубликованных тем же Андре Гию документов – грамоты и части грамоты.

Первая грамота – это бребион³³ (*breibion* – перечень имений) митрополита в калабрийском Регии (теперешний Реджио ди Калабрия), составленный около 1050 г. и сохранившийся на пергаментном свитке. В строках 229–245 перечислены земли дома престарелых (*gérökomeion*³⁴), названного в честь Сорока Святых, и строка 240 гласит: «Имение Унгр(ос)а, содержащее виноградник и землю величиной примерно в два модия» ("Ἐτερον πρόστειον τοῦ Οὐγύρου ἔχον ἀπτέλον καὶ χωράφειον ὡσεὶ χωρήσεως μοδῶν β³⁵).

Другой источник – это договор³⁶ о купле-продаже 1076/1077 г., составленный нотариусом³⁷ калабрийского местечка Месиано (находящегося вблизи нынешнего Катанзаро). Согласно этому документу, Константин Стилитан(ос) (*Konstantinos Stoileitanos*) купил у Бонифилена (*Bonophilen*) три модия земли за одну номисму, т. е. за один византийский золотой. При описании границ этой земли употреблена следующая формула: «земля, называемая

имением Угра»: (τῷ Χωράφειον... τῷ ἐπὶ λεγύμενῳ τῷ Οὐγρῷ³⁸). Фигурирующее здесь слово «Угру» (Οὐγροῦς т. е. родительный падеж от Οὐρος), по всей вероятности, можно отнести к употребляемому в греческих источниках наименованию венгров Унгрос (Οὐγγρος). Писец либо опустил не произносимую из-за деназализации первую букву γ³⁹, означающую назальный звук, либо допустил распространенную ошибку писцов – гаплографию, когда опускается одна из двух одинаковых, следующих друг за другом букв⁴⁰.

Еще до опубликования указанной грамоты 1053/1054 г. и до ознакомления с ней мы высказывали предположение⁴¹ о том, что использование названия народа Унгрос (*Ungros*) в качестве имени собственного объясняется тем, что служившие в Южной Италии венгерские воины и их потомки попадали в Калабрию⁴². Теперь это предположение в свете нового источника приобретает степень почти полной достоверности. Подобно тому как венгерский военачальник оказался владельцем больших имений, венгерский воин после окончания службы или оставшийся в Италии его потомок мог стать владельцем и пахарем небольшого участка земли. Ведь в перечне имений Регийского митрополита имеется целый ряд других, указывающих и на принадлежность к воинству имён собственных (два *Apelates*, один *Kleisurates*)⁴³, и имён собственных, образованных от названия народа⁴⁴.

Возможно, что венгерские воины, о которых упоминает вновь открытая грамота 1053/1054 г. Кирилла, были на службе в Византии лишь при короле Андраше I. Однако представляется более вероятным, что венгерские войска и ранее составляли часть императорской армии в Калабрии и при Андраше I произошло лишь их пополнение, замена умерших, состарившихся, павших в бою солдат новыми. Не случайно учёный, издавший эту грамоту, указывает на то, что венгерский военачальник, основатель монастыря, должен был уже долго служить в Калабрии, ведь чтобы приобрести столько земель, нужно было время: «*Un corps de Hongrois est donc établi dans le thème de Calabre est depuis un certain temps, puisque leur chef est propriétaire de domaines...*»⁴⁵ Если это так, то мы можем с большим основанием отнести к венграм и внести в реестр источников истории венгерско-византийских связей и другой, более ранний, латиноязычный документ.

III

В записи Барийских анналов (*Annales Barenses*) под 1027 г.⁴⁶, которая начинается с рассказа о событиях, предшествовавших смерти Василия II (т. е. 15 декабря 1025 г.)⁴⁷, написано следующее: «*Hoc anno descendit Ispo chitoniti⁴⁸ in Italiam cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum,*

Turcorum, Burgarorum, Vlachorum⁴⁹, Macedonum aliorumque ut caperet Siciliam»⁵⁰.

В записи под 1025 г., как видим, перечисляется множество народностей, которые были представлены в сформированных византийским императором войсках⁵¹, посылавшихся в Южную Италию. Поскольку важные для империи границы Южной Италии и в последующие годы не могли оставаться незащищенными, можно предположить, что отдельные солдаты, принадлежавшие к перечисленным в записи народностям, и позднее, после 1025 г., служили в южноитальянских войсках Византии. На их присутствие указывают не только призывы новобранцев и их препровождение к месту назначения, но и то, что прибывшая в 1025 г. в Италию армия (или её часть) осталась там и после отзыва их военачальника Ореста⁵². (Определённая часть солдат этой армии могла до конца служить в Италии и найти там свой дом после демобилизации, обзаведясь семьёй.) Это предположение я хочу подтвердить в дальнейшем с помощью нескольких выбранных из источников мест.

Русские (*Russi*) сражались в 1041 г. в районе реки Ауфид (*Aufidus*, теперешняя Офсанто) согласно записи⁵³ в *Annales Barenses* под этим годом. Тот же источник и его продолжение (1042 г.)⁵⁴ показывает, что и бойцы из византийской провинции Македонии (*Macedones*) тоже служили в южноитальянской византийской армии в 1041–1042 гг.⁵⁵

Встречающееся в *Annales Barenses* название народа *Guandali*⁵⁶ относится, по всей вероятности, к прибывшим с Запада норманнским варягам. В успешном сицилийском походе Георгия Маниака 1038–1040 гг. действительно принимали участие такие норманнские воины в качестве вспомогательных отрядов византийской армии⁵⁷.

Присутствие русских, македонцев и, возможно, норманнских варягов в византийской Южной Италии, с одной стороны, около 1025 г., а с другой – в 1038–1042 гг. определённо заставляет задать вопрос: не появились ли тюрки (*Turci*), позже вступившие в императорскую армию, уже в 1025 г. в провинциях Апеннинского полуострова? Ответ на этот вопрос должен быть положительным. В итальянской латыни того времени для наименования венгерского народа употреблялось как название (*H)ungari(i)*, так и название *Turci*. Это хорошо демонстрирует словоупотребление Лиутпранда, который называет этот народ попеременно то *Hungari(i)*, то *Turci* (иногда в пределах одной и той же главы)⁵⁸. Так, упоминаемые в *Annales Barenses* в записи под 949 г. *Hungari*⁵⁹ по праву могут быть отождествлены с *Turci* из записи 1025 г. И правомерность этого отождествления подкрепляя тем фактом, что о более позднем присутствии венгерских войск („Ουγρος ~ Hungarus) в Калабрии говорится⁶⁰ в достоверной грамоте 1053/1054 г. К тому же, этот венгерский

отряд, по всей вероятности, не был вновь прибывшим к месту службы, а уже давно находился в Южной Италии, как это определили учёные – издатели грамоты⁶¹.

Хотя некоторые зарубежные учёные и раньше считали возможным относить встречающееся в Барийской летописи название народа *Turci* к венграм⁶², всё же историческая наука оставила без должного внимания указанный источник, когда описывала византийско-венгерские связи первой половины XI в. То же можно сказать и о венгерской науке. В 1938 г. самые лучшие исследователи в стране написали около двух тысяч страниц о Иштване Святом (997–1038 гг.) и о его времени по случаю девятисотой годовщины со дня смерти основателя венгерского государства⁶³, но ни на одной из них не упоминается о том, что в 1025 г. очевидно и венгерский отряд служил в войске императора Василия Болгаробойцы (976–1025 гг.), отправленном в Южную Италию. Самый авторитетный в современной венгерской исторической науке исследователь эпохи Иштвана Святого Дёрдь Дёрффи написал содержащую почти 700 страниц монографию под названием «Король Иштван и его деяния»⁶⁴, но и в этой книге столь эрудированного автора не указывается, что венгры, вероятно, принимали участие в походе Византии 1025 г. в Южную Италию, хотя подробно говорится о военном сотрудничестве и союзе, заключённом Иштваном Святым и Василием II против Болгарии в 1015–1018 гг., подтверждённом помолвкой наследника престола принца Имре с византийской принцессой около 1015 г.⁶⁵ В прекрасном обзоре Дюлы Моравчика «Византия и венгры»⁶⁶, а также в его английской переработке⁶⁷ также не упоминается об указанном историческом эпизоде⁶⁸, хотя он хорошо вписывается в ту картину союзнических отношений между Иштваном Святым и византийским императором, которую великий венгерский византинист обрисовал на основе других источников так: «Если принять во внимание, что император Василий II с помощью Иштвана Святого в 1018 г. закончил покорение Болгарии и после завоевания области Серем (Срем) в 1019 г. Византийская империя и Венгерское королевство по линии Дравы и Дуная оказались в непосредственном соседстве, то окажется вполне вероятным, что помолвка венгерского наследника престола и византийской принцессы произошла в связи с новым договором о союзе между Василием II и Иштваном Святым»⁶⁹.

Ознакомившись с новейшей публикацией грамоты основателя монастыря, предводителя венгерских войск (σπαθαροκαυδίδάτος καὶ δοκεστικός) Кирилла, я почти с полной уверенностью могу утверждать, что калабрийские землевладельцы, упоминаемые под именем *Ungros* в XI в., были венгерскими воинами, поступившими при Иштване I и Андраше I на военную службу в Византии, а также их потомками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Diplomata Hungariae Antiquissima / Edendo operi praefuit Gy. Györffy.* Budapestini, MCMXCI. Vol. I. 1000–1131.
- ² *Guillou A., Rognoni Ch.* Une nouvelle fondation monastique dans le thème de Calabre (1053–1054) // *Byzantinische Zeitschrift*. 1991/1992. Bd. 85. S. 423–429 (далее – *Guillou–Rognoni*). Текст грамоты см.: S. 423–424, facsimile: Tafel XVI. Cp.: *Olajos Th.* Source byzantine inobservée concernant la protohistoire du peuple hongrois // *Philohistôr. Miscellanea in honorem Caroli Laga septuagenarii* / Ed. ab A. Schoors, P. Van Deun. Leuven, 1994. P. 441 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. 60).
- ³ Писец делает ошибки в написании слов из-за изменения в их произношении особенно согласно практике того времени: под влиянием итализма он пишет і вместо η (например в слове τῆς παραταγῆς), а также пишет о вместо ω или ου (так например: τὸν Οὐγρού вместо τῶν Οὐγγρων правильного родительного падежа множественного числа названия народа οἱ Οὐγγροί), и вместо классического γγ он фонетически пишет νγ. Название народа Οὐγγροί в греческих источниках означает венгров (См.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*. Berlin, 1958. Bd. II. S. 225–227).
- ⁴ εἰς Σαλινᾶς θέματος Καλαβρίας: теперешняя равнина Джоя (Gioia) в районе рек Петраке (Petrace) и Месима (Mesima) к северо-западу от теперешней Реджио ди Калабрия, в XI в. плодородная область, богатая зерном, виноградниками и необходимыми для разведения шелковичных червей рощами шелковиц (См.: *Guillou–Rognoni*. S. 427–428 и использованную авторами литературу).
- ⁵ Основателем монастыря мог быть писец (ἀσεκρήτης) императорской канцелярии; см.: *Guillou–Rognoni*. S. 426.
- ⁶ Византийский гражданский год начинался с 1 сентября. Для перевода летосчисления *annus mundi* см., например: *Grumel V. La chronologie // Traité d'Études Byzantines / Publié par P. Lemerle. Paris, 1958. Vol. I. P. 97;* *Bickerman E. Chronologie. Leipzig, 1963. S. 47.* См. также: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 73–74.
- ⁷ Согласно обычаям того времени, свидетели перечислялись соответственно иерархии: протоспафарий (protospatharios), кrites (главный судья провинции, управляющий налоговыми делами) Константин; протоспафарий *Πανχάριος Κοντονικιτας*; пресвитер, экклесиекдик (ekklesiekdikos, т. е. дефенсор церкви) *Κομειτ(ας)*; диакон, хартофилак (глава епископской канцелярии) *Ιωανν*; тахиарх (*taxiarchos*) Феодор, офицер войска в Визине (Бизине).

ои); клирики собора: пресвитер *Христодулос* и диакон *Фома*. Литературу об этих должностях и рангах в византийской иерархии того времени см.: *Guillou-Rognoni*. S. 427. Писец не называет места составления грамоты, но тот факт, что часть свидетелей либо занимали самые высокие должности в государственном управлении Калабрийской фемы, либо были духовными лицами, близкими епископам и митрополитам, позволяет предположить, что она была написана в столице провинции, в Регии (ныне Реджио ди Калабрия).

⁸ См. прежде всего: *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. I. P. 588–593; Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles / Ed. N. Oikonomidès. Paris, 1972. P. 329–333, 372–373.

⁹ *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.

¹⁰ *Ibid.* S. 261.

¹¹ О роли *tagmata* в перестраивающейся византийской армии см.: *Ahrweiler H.* Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971. Vol. VIII. P. 23–36.

¹² См. прежде всего: *Kühn H.-J.* Op. cit; *Kazhdan A.* Tagma // The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. P. 2007.

¹³ Cp. Les listes de préséance... P. 297.

¹⁴ Cp. прим. 7.

¹⁵ См. об этом: *Makk F.* Megjegyzések I. András történetéhez // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Acta Historica XC. Szeged, 1990. P. 23–41 (в статье даётся библиография).

¹⁶ См. прежде всего: *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 214–215, 228–276. См. Также использованную автором литературу.

¹⁷ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunde des Oströmischen Reiches von 565–1453: Zweite erweiterte und verbesserte Auflage / Bearb. von V.P. Wirth. München, 1995. 2. Teil. № 879a (cc. 1047). P. 21; *Мошин В.А.* Русские на Афоне // *Byzantinoslavica*. 1947. № 9. S. 75; *Каждан А.П.* Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в. // Зборник Радова Византологог Института. 1963. № 8. С. 180–184; *Пашутко В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 80; *Zakythinos D.* Byzantinische Geschichte, 324–1071. Wien–Köln–Graz, 1971. S. 263; *Makk F.* Op. cit. P. 25; *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 274–275.

¹⁸ См. указанные в прим. 17 работы; ср.: *Литаврин Г.Г.* Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025–1057 гг. // История Византии / Отв. ред.

- С.Д. Сказкин. М., 1967. Т. II. С. 271–272; *Ostrogorsky G.* Histoire de l'État Byzantin. Paris, 1969. P. 356.
- ¹⁹ Iohannis Euchaitorum metropolitae Quae in codice Vaticano Graeco 676 supersunt / Ed. P. de Lagarde (далее – P. de Lagarde) // Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingae, 1882. Bd. 28; *Follieri E.* Giovanni Maupode. Otto canoni paracletici a N.S. Jesu Cristo. Roma, 1967. P. 5–30; *Любарский Я.Н.* К биографии Иоанна Мавропода // *Byzantino-Bulgarica*. 1973. № 4. С. 41–51; *Kazhdan A.* Maupous John // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. P. 1318–1319.
- ²⁰ P. de Lagarde. № 186. § 1, 67, 69–70, 73; *Lefort J.* Rhétorique et politique: trois discours de Jean Maupous en 1047 // *Travaux et Mémoire* 1976. № 6. P. 265, 268, 271–272, 281.
- ²¹ P. de Lagarde. № 186. § 61; cf. § 66 P. 191, 193.
- ²² Ibid. Maupous. № 186 § 67; cp.: *Attaleiates M.* Historia / Rec. W. Brunet de Presle, I. Bekker. Bonnae, 1853. S. 29; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 442 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. V); *Psellos M.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Éd. par É. Renauld. Paris, 1928. Vol. II. P. 28.
- ²³ См.: *Каждан А.П.* Указ. соч. С. 183–184; *Každan A.P.* Once More About the «Alleged» Russo-Byzantine Treaty (ca. 1047) and the Pecheneg Crossing of the Danube // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1977. № 26. S. 65–77. Г.Г. Литаврин разделяет мнение А.П. Каждана, см.: *Литаврин Г.Г.* Внутренняя и внешняя политика Византии. С. 275.
- ²⁴ *Dujčev I.* Fontes Graeci Historiae Bulgaricae VI // *Fontes Historiae Bulgaricae. Serdicae* 1965. T. XI. № 1. P. 87
- ²⁵ *Diacou P.* Les Péchéhénègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970. P. 60.
- ²⁶ *Shepard J.* John Maupous, Leo Tornicius and an Alleged Russian Army: the Chronology of the Pecheneg Crisis of 1048–1049 // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1975. № 24. S. 65–77.
- ²⁷ *Attaleiates M.* Op. cit. P. 29
- ²⁸ См., прежде всего: *Bárányné Oberschall M.* The Crown of the Emperor Constantinos Monomachos. Bp., 1937; *Kádár Z.* Quelques observations sur la reconstruction de la couronne de l'empereur Constantin Monomaque // *Folia Archaeologica*. 1964. № 16. P. 113–124; *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Bp., 1970. P. 62–64; *Oikonomidès N.* La couronne dite de Constantin Monomaque // *Travaux et Mémoires*. 1994. № 12. P. 241–262.
- ²⁹ См., например: *Makk F.* Megjegyzések. P. 25.

³⁰ См., например: *Bogyay Th.* Moravcsik Gy. «Bizánc és a magyarság» // *Byzantinische Zeitschrift*. 1955. № 48. S. 392.

³¹ *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae. Bp., 1937. I. P. 99; *Makk F.* Op. cit. P. 23.

³² См. прим. 16, 17, 18, 23, 31.

³³ *Guillou A.* Le brébion de la métropole byzantine de Région (vers 1050). *Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile. Recherches d'histoire et de géographie* 4. Città del Vaticano, 1974. (См. о датировке грамоты см. Р. 5–8).

³⁴ Один официальный церковный документ, написанный в октябре 1457 г., упоминает о находящемся в Регийской епархии недалеко от Регия (Реджо ди Калабрия) монастыре Сорока Святых. Вероятно, что одноименный дом престарелых и этот монастырь с редким названием, были связаны друг с другом. Ср.: *Guillou A.* Op. cit. P. 44.

³⁵ *Guillou A.* Le brébion... P. 179. См. перевод на французский язык профессора Гию (Р. 46): «Domaine d'Oungros: une vigne, un champs d'environ 2 modioi».

³⁶ *Guillou A.* Les actes grecs de S. Maria di Messina // *Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neoellenici. Testi e monumenti*. Palermo, 1963. Testi 8. P. 44–46.

³⁷ Очевидно копия XII в. оригинальной грамоты 1076/1077 г. сохранилась среди рукописей Парижской национальной библиотеки (*Bibliothèque Nationale*) на пергаменте палимпсеста (*Codex Parisinus Graecus Suppl. 1315. 10*). Ср.: *Guillou A. Les actes grecs...* P. 41–42, 44.

³⁸ *Guillou A. Les actes grecs...* P. 46 vv. 3–5. Замена о и ω типична для вульгарного греческого языка того времени. См. прим. 3.

³⁹ Аналогией может служить среди других примеров употреблённая в южно-итальянской грамоте того же времени, в бребионе (строка 186) регийского митрополита форма Ἰωάννης Λαγουβάρδος вместо Λαγγουβάρδος.

⁴⁰ Этую ошибку писец допускает в 14 строке договора о купле-продаже, когда употребляет форму πρωγεγραμένος вместо προγεγραμμένος.

⁴¹ *Olajos T.* Felhasználatlan bizánci forrás a magyarság korai történetéhez // *Antik Tanulmányok*. 1987–1988. XXX. 24–27. old.

⁴² *Olajos T.* Felhasználatlan bizánci forrás... 26. old.; *Eadem. Source byzantine...* P. 437–439.

⁴³ В 239 и 275 строках бребиона упоминаются два землепашца по имени *Apelatés*; очевидно, это собственное имя образовано от нарицательного имени, обозначающего легковооружённого воина слова *apelatés*. Фигурирующее в 110 строке имя *Kl(e)isuriatés*, по всей вероятности, связано со словом, означающим нарицательное имя воина, служившего в дозоре (См.

Olajos T. Felhasználatlan bizánci forrás... 26. old.; *Eadem. Source byzantine.* P. 437–439).

⁴⁴ В 75 строке бребиона фигурирует Константин Сард (Konstantinos Sardos), в 187-й – Иоанн Лонгобард (Ioannés Lagubardos), в 294-й – Лакон (Lakon), в 465–466 строках упоминается Деметрий Влах (Demetrios Vlachos) (См.: Guillou A. Les actes grecs. P 167, 174, 182, 195–196).

⁴⁵ Guillou–Rognoni. S. 426.

⁴⁶ Monumenta Germaniae Historica Scriptores (далее – MGH SS) / Ed. G.H. Pertz. Hannoverae, 1844. T. V. S. 53.

⁴⁷ О походах Василия II см., например: Ostrogorsky G. Op. cit. P. 339–340; Falkenhausen V., von. La dominazione bizantina nell’Italia meridionale dal IX all’ XI secolo. Bari, 1978. P. 64–65; Guillou A., Burgarella F., Falkenhausen V., von et al. Il Mezzogiorno dai Bizantini a Federico II. Torino, 1983. P. 226.

⁴⁸ Chitoniti – фонетическое соответствие греческому κοιτώνιτης~ cubicularius. Фигурирующее здесь имя собственное *Ispo* без сомнения относится к императорскому камергеру, которого другие источники называют Орестом (*Orestes*), (См., например, Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum... P. 368, 383, 389.

⁴⁹ Об упоминаемых здесь влахах см.: Gyóni M. Влахи Барийской летописи //Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae 1951–1952. № 1. P. 235–245. Cp.: Olajos Th. La deuxième attestation de l’ethnonyme Valaque des Roumains dans les sources écrites // La Spiritualité de l’Univers Byzantin dans le Verbe et l’Image. Hommages offerts à Edmond Voordeckers à l’occasion de son éméritat / Éd. par K. Demoen, J. Vereecken. Turnhout, 1997. P. 231–237 (Instrumenta Patristica XXX).

⁵⁰ Планируемый большой поход из-за смерти императора не развернулся, византийские военачальники в последующие годы даже терпели многочисленные поражения от сарацинов. См., например: Falkenhausen V., von. Op. cit. P. 64–65.

⁵¹ Основу византийской армии в первой половине XI в. уже составлял контингент, набранный из чужеземцев, а из населения провинций формировались в большинстве случаев лишь второразрядные отряды. О византийских наёмных отрядах по праву замечает X. Арвейлер: «*Dès le début du XIe siècle, ils remplacent l’armée provinciale des themata, disparue sous le coup de la fiscalisation de strateia. Les tagmata sont dorénavant la seule formation militaire de l’empire: terme thema, corps militaire, participant aux diverses opérations,*

disparaît des sources». (Ahrweiler H. Etudes sur les structures administratives... P. 33). Cp.: *Falkenhausen V., von.* Op. cit. P. 132.

⁵² Хотя сицилийский поход после смерти Василия II потерпел крах, Орест был смешён правительством с итальянского поста лишь в 1034 г. (см.: Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum... P. 389). Однако слово «Скилицы» однозначно говорит о том, что сменился лишь предводитель: вновь прибывший сюда Лев Опос (*Leon Opos*) стал во главе оставшихся на месте сухопутных войск. Cp.: *Falkenhausen V., von.* Op. cit. P. 92–93.

⁵³ MGH SS. V. S. 54.

⁵⁴ Ibid. S. 55.

⁵⁵ По сообщению Скилицы (Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum... P. 383–384), Орест в 1031 г. вновь получил в подкрепление македонцев.

⁵⁶ MGH SS. V. S. 53. Cp. в кодексах *Lupus Protopatharius* под 1047 г. формы *Guarangi* ~ *Garangi* – *Guaragni*.

⁵⁷ См., например: *Falkenhausen V., von.* Op. cit. P. 95–96.

⁵⁸ Antapodosis. II. 4: MGH SS. III. P. 338–339; здесь Лиутпранд пишет о битве на поле Лех (Lech) летом 910 г. и называет победивших немцев венгров то *Hungari(i)*, то *Turci*. – Показательно, что хорошо знающий византийский мир Лиутпранд и составитель анналов в столице византийской провинции Бари вполне естественно употребляют латинский эквивалент *Turci* принятого в Византии названия венгров *Tourká*.

⁵⁹ Повествует о совершающих набеги венграх: MGH SS. V. S. 53.

⁶⁰ Из источников X в. уже было известно, что венгров тоже набирали в отряды императорской гвардии (См., например: Philotheos, Kletorologion // Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles / Ed. N. Oikonomidès Paris, 1972. P. 209; Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae. Rec. /. Reiske. Bonnae, 1829–1830. 661).

⁶¹ Guillou–Rognoni. S. 426.

⁶² Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle. Paris, 1900. Vol. II. P. 598–599; Primov B. Fontes Latini Historiae Bulgaricae. Serdicae, 1960. II. P. 358.

⁶³ Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján / Szerk. Serédi J. Bp., 1938. Vol. I–III. (Reprint 1988).

⁶⁴ Györffy Gy. István király és műve. Bp., 1977.

⁶⁵ Ibid. 286–289, 305–308, 321–323. old.

⁶⁶ Moravcsik Gy. Bizánc és a magyarság...

⁶⁷ Eadem. Byzantium and the Magyars...

⁶⁸ Из венгерских исследователей только ученик Дюлы Моравчика – Матьяш Дьони (См.: Gyóni M. Op. cit. P. 243) – лаконично указывает на эту возможность. «*Turci* наёмные солдаты из племени тюрков (турки-сельджуки, венгры) или же регулярные войска тюрков-вардариот». Однако это беглое замечание, оставляющее открытым и другие возможности, не обратило внимание исследователей на источник. Даже Дюла Моравчик его не использовал.

⁶⁹ Moravcsik Gy. Görög nyelvű monostorok Szent István korában // Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján. I. 415. old. (253. old. – Reprint). Моравчик датирует помольку принца Имре примерно 1015 г. (Ibid. 412–418. old.), а вслед за ним и подовляющее большинство исследователей (см., например: Györffy Gy. Op. cit. 286–289., 321–323. old.; Makk F. Magyar külpolitika (896–1196). Szeged, 1996. 59–60. old.; Vajay Sz. Géza nagyfejedelem és családja // Székesfehérvár évszázadai. 1967. № 1. 90–92. old.), свадьбу же он относит примерно к 1022 г. Этой датировке придерживаются, например, Дюла Кришто (см.: Kristó Gy., Makk F. Az Árpád-ház uralkodói. Br., 1995, 45. old.) и Ференц Макк (см.: Makk F. Magyar külpolitika. 63. old.).

Дюла Свак

О раннефеодальном характере России в начале Нового времени: к постановке вопроса

В сборнике материалов конференции, организованной Комиссией историков Венгрии и России, наверное, будет уместно коснуться вопроса о том, какое место во всемирной истории отводили России венгерские историки. Конечно, я имею в виду не исследования в области исторической русистики, ведь они находятся у нас в зачаточном состоянии. Однако в Венгрии в рамках изучения всемирной истории по традиции немало внимания уделялось истории Восточной Европы, причем активно применялся сравнительно-исторический метод исследования. За последние десятилетия было сделано несколько представляющих интерес попыток определить характерные черты исторического развития нашего региона. Понятно, что в центре внимания находилась история Венгрии, но в ходе типологизации предметом описания неизменно оказывалось и историческое развитие России.

Петер Ваци, автор посвященного Средневековью тома репрезентативной всемирной истории, опубликованной между двумя мировыми войнами, использует для описания истории венгерского народа и его историко-географического региона понятие «Восточная Европа». Он утверждает, что в рассматриваемый период здесь наблюдалось главным образом византийско-иранское, а также римское влияние. На основании этого П. Ваци делит Восточную Европу как бы на две сферы: к одной из них (так называемой латино-восточной) он относит феномен исторического развития Венгрии (Чехии и Польши), а к другой – России¹.

Известный исследователь всемирной истории того времени, Иштван Хайналь, в написанной им в 1942 г. статье «О научном сотрудничестве историков малых наций» также считает, что для России было свойственно историческое развитие европейского характера. По его мнению, сословия на Руси сложились на социальной почве, напоминающей западную, а удельная система внешне похожа на княжеский вассалитет. В его концепции, описывающей

историческое развитие прежде всего как развитие «интеллектуализма», решающее значение отводится так называемой обычности, присущей жизни общества. Особенности русского исторического развития историк объясняет именно отсутствием этой «глубокой обычности»².

После 1945 г. венгерская историческая наука в течение более десяти лет находилась под влиянием советской историографии. Первый после 1956 г. опыт обобщающего исследования по истории Восточной Европы был связан с именем Эмиля Нидерхаузера, который в опубликованной в 1958 г. статье «К вопросу о восточноевропейском развитии» рассматривал Восточную Европу как единый регион в социально-экономическом плане, объясняя особенности исторического развития (в том числе и России) различиями в области надстройки³.

Йожеф Перени, с 1957 г. в течение почти века руководивший кафедрой истории Восточной Европы Будапештского университета, в 1972 г. подвел итоги своих исследований в статье «Зоны экономического и социального развития в Восточной Европе». В ней он делит Восточную Европу на четыре изменяющиеся во времени и пространстве так называемые зоны развития, три из которых затрагивают территорию Российской империи. Особыми регионами он считает восточноевропейскую степь с характерным для нее кочевым скотоводством, а также лесную полосу Восточной Европы, населенную финно-угорскими народами, у которых долго сохранялся первобытно-общинный строй. В особой, крупнейшей восточноевропейской зоне развития находится Россия (вместе с Венгрией, Польшей, Чехословакией и Восточной Германией). Это так называемая «Восточная Европа в узком значении этого понятия». По мнению Й. Перени, история расположенных здесь территорий структурно объединяется сходством отношений между землевладельцами и крестьянами, но в то же время историк признает и различия в области так называемых надстроек явлений, считая, однако, эти различия второстепенными⁴.

Петер Гунст в опубликованной в 1974 г. статье «Некоторые вопросы социально-экономического развития Восточной Европы» подверг сомнению те главнейшие тезисы, которые ранее разделялись практически всеми венгерскими историками, занимавшимися рассматриваемой нами проблематикой. Он утверждал, что в Восточной Европе определяющей была земельная собственность восточного, азиатского типа с присущими ей сельскими общинами, несущими коллективную ответственность, и сложившейся на их основе деспотической властью. По его мнению, в данном регионе не существовало западного феодального землевладения, дворянство было здесь своего рода военно-бюрократическим по характеру, которое в большинстве случаев получало землю лишь на время службы, а крестьяне по существу являлись рабами. Гунст оперирует понятием единой Восточной Европы, однако при этом выде-

ляет в ней так называемую западную полосу (включающую в себя и Венгрию), народы которой оказались способными стать на путь западноевропейского, «ускоренного» развития. Следовательно, высказанные им положения на самом деле относятся только к территориям распространения православной церкви⁵.

В дальнейшем венгерские историки не согласились с такими взглядами. Ласло Маккаи в статье «Феодализм и изначальные особенности в Европе», вышедшей из печати в 1976 г., снова доказывал «европейский» характер исторического развития России. Вслед за Ж. Дюби он исходит из того, что модель феодализма сводится к двуединству воюющего землевладельца и работающего крестьянина. В то же время автор статьи считает, что «изначальной особенностью» на территории всей Восточной Европы было относительно долгое сохранение варварского рабовладения и военной службы свободных крестьян. По мнению Маккаи, процессы развития восточнославянского государства и польского или венгерского королевства совпадают, поскольку система «кормления» по существу тождественна чешской, польской или венгерской «служебной» системе; дальнейшей чертой сходства, как полагает историк, является то, что обработка вотчинных земель в основном рабским (холопским) трудом и поместное землевладение непосредственно выражают нужду главы государства в службе вольных людей.

Глубинную историческую причину названных явлений Маккаи видит в том, что легкая конница восточноевропейских войск не требовала концентрации феодальной ренты. Первая решающая перемена в жизни восточноевропейского региона, убежден ученым, произошла в XIII в. в результате восточной экспансии западноевропейского феодализма, ускорившей развитие Чехии, Польши и Венгрии. С этого времени указанные территории образуют особый регион в границах Восточной Европы, который Маккаи называет Восточно-Центральной Европой. В свою очередь, Россия, не затронутая западноевропейским влиянием, остается на пути собственно восточноевропейского, автохтонного развития⁶.

Появление, безусловно, наиболее значительной в венгерской исторической науке концепции Восточной Европы связано с именем Енё Сюча, опубликовавшего в 1981 г. обширное эссе под названием «Заметки о трех исторических регионах Европы». По существу принимая мнение Маккаи, он также пишет, что «приблизительно до начала 1200-х годов, казалось, шло формирование автохтонного «восточноевропейского феодализма», в культурном отношении ориентированного в двух направлениях, но скрепленного родственными структурными чертами». Однако после первого падения Византии (1204 г.) и татарского нашествия на русских землях «более или менее затвердел восточноевропейский архетип феодализма»⁷. В то же время страны так

называемой Восточно-Центральной Европы совершили переход «с западной окраины географической Восточной Европы на восточную окраину понимаемой в структурном смысле Западной Европы»⁸. В дальнейшем в России осуществлялось такое слияние цивилизации, империи и мировой экономики, в котором «наблюдается родство с ориентальными структурами». «На Западе абсолютизм остался историческим эпизодом, – пишет Сюч, – хотя и судьбоносным эпизодом, одним из тех плодотворных “кумулятивных” изменений, которые подготавливают очередную смену структур. На Востоке, напротив, российский абсолютизм сам был той структурой, которая в течение столетий обеспечивала рамки для любых кумулятивных изменений»⁹.

Позже, на состоявшейся в 1986 г. дискуссии об этой концепции, Сюч еще более четко сформулировал свое представление о единстве Восточной Европы в X–XII столетиях. По его мнению, Восточная Европа «была едина прежде всего как экономический регион». Во-вторых, «раннее венгерское государство по своим основным чертам было таким же – районированным – образованием “дружинного характера”, как киевское, польское или чешское государство». В-третьих, до 1200 г. в странах этого региона родственные черты наблюдались и в области так называемой «культурной инфраструктуры». Однако важнейшим сходством, как это имплицитно следует из рассуждений Сюча, было то, что историческое развитие этих территорий одинаково отличалось в это время от так называемого «западного феодализма»¹⁰.

Следовательно, венгерская историческая наука в последние десятилетия занималась Россией как частью Восточной Европы. Опираясь на эти взгляды, при изучении данной проблематики я исходил из анализа историографии так называемого русского феодализма и особенно из критики концепции Н.П. Павлова-Сильванского.

Мой конечный вывод состоит в том, что если произвести беглый количественный учет использованного Павловым-Сильванским западного (в первую очередь французского) материала, мы придём к очень существенному заключению о том, что значительная его часть взята из периодов формирования и раннего развития западного феодализма. И хотя Павлов-Сильванский сходство русского и западного феодализма видит и в одинаковой хронологии, мы должны предостеречь читателей его книг, чтобы они не дали ввести себя в заблуждение: обнаруженные им сходные черты действительно существуют, но они свидетельствуют об аналогиях между периодом раннего феодализма в Западной Европе и историей Руси XIII–XV вв.¹¹

Сам Н.П. Павлов-Сильванский, конечно, этого не заметил, по очень симптоматичным словам выдающегося историка-медиевиста М.М. Ковалевского, «при более детальном рассмотрении русский феодализм оказался бы

ближе стоящим к строю англо-саксонского общества времен Эдуарда Исповедника, нежели к французскому феодализму эпохи Гугона Капета»¹².

А позже, в конце 20-х годов XX в., в полемике, вызванной книгой С.М. Дубровского «К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала», А. Малышев высказал мнение, что вплоть до XVI в. в России существовал лишь ранний феодализм¹³.

В новейшей историографии русские историки не разделяют этой точки зрения. Несколько лет назад мне была предоставлена лестная возможность выступить в Институте российской истории РАН с докладом, в названии которого был заключен вопрос: «“Дурно” ли говорить о “русском феодализме”?» Оказалось же, что все участники дискуссии пользовались этим термином¹⁴. Известны, однако, и другие мнения. Вслед за В.Б. Кобриным и А.Л. Юргановым (а также некоторыми историками, участвовавшими в дискуссии об абсолютизме в конце 1960 – начале 1970-х годов), санкт-петербургский историк В.М. Панеях в книге «Власть и реформы», хотя и в осторожной форме, но опять пишет о восточной деспотии¹⁵. Л.В. Данилова, несмотря на употребление ею термина «феодализм», ввела в научный оборот понятие так называемого государственного феодализма как русской разновидности феодализма европейского¹⁶.

Но я все же исходил из дискредитированного Н.П. Павловым-Сильванским и особенно советскими историками термина «феодализм». На мой взгляд, русское развитие по своей сути отличается, например, от во многом сходного с ним турецкого, поскольку в Османской империи до XVIII в. не сложился класс светских землевладельцев и не возникли крупные поместья. Ещё очевиднее различия при сравнении с китайским развитием, описываемым с помощью понятия «азиатский способ производства», введенного применительно к обществам, занимавшимся ирригационным земледелием. И хотя длительный период русской истории характеризуется тенденцией к двухполюсности, бесспорно, что между двумя полюсами, царем и крестьянами, значительную роль играл светский класс землевладельцев.

В то же время в России – так же, как на Западе – сложились и долгое время служили основой социально-экономического порядка феодальные крупные владения двойной – состоящей из барской запашки и самостоятельных крестьянских хозяйств – структуры, и в этих владениях работали крестьяне, принуждаемые к труду внеэкономическим способом. Понятие феодализма, учитывая эти факторы, естественно, является более широким, чем политически детерминируемые понятия феодализма, в которых критерием считается наличие либо вассальной иерархии, либо политической раздробленности, либо их обеих. Такое узкое использование понятия практически исключает из долгого периода истории значительную группу европейских народов. Тогда как

предлагаемое нами, более широкое, понятие феодализма способно различить европейское и азиатское развитие.

Конечно, при таком широком употреблении понятия велика методологическая опасность неразличения, смывания различных по качеству исторических факторов. Этого можно избежать, если при обобщенном употреблении понятия особо и последовательно акцентировать в конкретном описании специфические черты каждого явления. Тогда, с одной стороны, будут проведены четкие различия между, скажем, русским и английским феодализмом, с другой стороны, не окажутся рядом средневековая русская и новая таджикская история. И поскольку мы имеем дело с историей, важна и хронология. Историографии удалось бы избежать множества методологических ошибок, если бы она не старалась сходные по качеству черты представить как совпадения во времени. Если вернуться к Н.П. Павлову-Сильванскому, то в действительности можно увидеть то, чего не увидел он: сходство есть, но оно наблюдается между ранним западным феодализмом и русским строем периода с XII до (даже) XVI в. То есть, на русской земле черты европейского раннего феодализма можно проследить в то время, которое, по меркам всеобщей истории, мы обозначаем как начало Нового времени. К таким чертам надо отнести большое число различающихся по своему юридическому статусу групп вольных крестьян и холопов, относительную незначительность светских земельных владений, преобладание государственной собственности на землю, поместную систему, напоминающую французский бенефиций, патrimonиальную власть правителя¹⁷.

Между прочим, к такому выводу пришел и известный русский историк С.М. Каштанов в не очень известной статье, когда писал: «Сложившееся к концу XV–XVI в. Русское государство имело в целом ту же социальную базу, что и империя Карла Великого. Более ранняя “империя Рюриковичей”, т. е. Киевское государство, в социально-экономическом плане совершенно не соответствует Каролингской монархии»¹⁸.

На основании всего сказанного в конце концов мне хотелось бы только повторить любимую пословицу видного советского экономиста С.Г. Струмилина. Говоря о русском феодализме, он сказал, что и это феодализм, и это Федот. И всё-таки: «Федот – да не тот!»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Váczy P. A középkori Kelet-Európa // Helyünk Európában. Nézetek és koncepciók a 20. századi Magyarországon / Szerk. Ring É. Bp., 1986. I. köt. 364–369. old. (Впервые опубликована в 1936 г.).

- ² Hajnal I. A kis nemzetek történetírásának munkaközösségről // Helyünk Európában. I. köt. 626–628. old. (Впервые опубликована в 1942 г.).
- ³ Niederhauser E. A kelet-európai fejlődés kérdéséhez // Helyünk Európában. Bp., 1986. II. köt. 213. old. (Впервые опубликована в 1958 г.).
- ⁴ Perényi J. Társadalmi-gazdasági fejlődési tájak Kelet-Európában // Tanulmányok Kelet-Európa történetéből. Bp., 1971. 27–35. old.
- ⁵ Gunst P. Kelet-Európa gazdasági-társadalmi fejlődésének néhány kérdése // Helyünk Európában. II. köt. 381–390. old. (Впервые опубликована в 1974 г.)
- ⁶ Makkai L. Feudalizmus és az eredeti jellegzetességek Európában // Helyünk Európában. II. köt. 455–473. old. (Впервые опубликована в 1976 г.).
- ⁷ Szűcs J. Vázlat Európa három történeti régiójáról // Helyünk Európában. II. köt. 538. old. (Впервые опубликовано в 1981 г.).
- ⁸ Ibid. P. 539.
- ⁹ Ibid. P. 546, 549.
- ¹⁰ Szűcs J., Hanák P. Európa régiói a történelemben. Bp., 1986. 7. old.
- ¹¹ Vita az orosz feudalizmusról // Dokumentumok történeti ruszin szisztekánk tárlyköréből. Bp., 2000. 16–17. old. (Poszt-Szovjet Füzetek. XV.).
- ¹² Ковалевский М.М. Рец. на кн.: Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 298.
- ¹³ Малышев А. К вопросу о сущности крепостного хозяйства – крепостная Россия. Л., 1930. С. 37.
- ¹⁴ Ср.: Vita az orosz feudalizmusról. 35–64. old.
- ¹⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 83–92.
- ¹⁶ Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России, М., 1993. Т. 1. С. 40; Она же. К вопросу о понятии «государственный феодализм» // Там же. С. 3.
- ¹⁷ Подробнее см.: Свак Д. Место России в Европе в Средневековье и раннее Новое время // The Place of Russia in Europe / Szerk. Szvák Gy. Bp., 1999. Р. 36–41. (Ruszin szisztekai Könyvek. V.).
- ¹⁸ Каштанов С.М. О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Чтения памяти В.Б. Кобриной. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 91.
- ¹⁹ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 162.

M.E. Бычкова

Формирование русской государственной идеи в XVI–XVII веках

Формирование идеи о происхождении и прерогативах государственной власти в России начало проявляться сразу после того, как вокруг Москвы были объединены земли соседних русских княжеств – в конце 80-х годов XV в. Отдельные аспекты этой идеи мы встречаем в различных документах, относящихся как к управлению страной, так и международным связям. В настоящей статье мы ограничимся лишь теми из них, которые формировались преимущественно в контексте разработок обряда возведения на престол и формированием комплекса регалий царской власти.

Одной из форм выражения власти государя является его титул, где есть упоминание о территории, на которую эта власть распространяется, и ранг правителя. Отметим, что для различных территорий ранг может быть разным.

В годы правления Ивана III появляется новый титул – «государь всея Руси», «государь всея России». В современной литературе существуют различные точки зрения о дате появления такого титула. А.А. Зимин в одной из своих последних работ называет 1485 г., имея в виду присоединение Твери, завершившее процесс объединения великих русских княжеств в единое государство¹. С.М. Каштанов и В.А. Кучкин указывают на 1479 г., когда к Москве был присоединен Новгород, но, по мнению А.А. Зимина, опираются на поздние списки грамот 1479–1484 гг., тогда как на сохранившихся оригиналах грамот этого времени нового титула нет. Первый известный исследователям подлинник грамоты, содержащей титул «государь всея Руси», датируется сентябрём 1484 г.²

О том, что на 1480–1490-е годы приходится процесс создания нового титула, свидетельствует и факт, что в 1492 г. Иван III был назван «государем самодержцем всея Руси». На первой печати с новым государственным символом – двуглавым орлом, датируемой 1497 г., Иван III назван «господарь всея Русии и великий князь» (на аверсе), и на реверсе – продолжение титула «вели-

кий князь владимирский и московский и новгородский и псковский и тверской и угорский и вятский и пермский и болгарский»³. Здесь явная претензия – «псковский», так как Псков еще сохранял независимость.

Вопрос о происхождении названий «Русь», «Россия», встречающихся в титуле, в свое время очень интересовал М.Н. Тихомирова, который привел сведения из летописца, составленного в Москве при Иване III (рукопись датируется 1476–1501 гг.), где есть упоминание о России и Русской земле⁴; надо отметить, что данные названия приводятся при описании событий X–XIII вв., т. е. времени существования Киевской Руси. Титул Ивана III в этой летописи – «великий князь всея России», в то время как на монетах он «господарь всея России».

Еще А.А. Зимин обратил внимание на то, что «новый титул великого князя означал не только итог и закрепление предшествующего объединительного процесса»⁵, но фактически был титулом-претензией.

Великокняжеский титул был сформулирован к концу 1490-х годов. «Государем всея Руси» великий князь назван в Судебнике 1497 г.; в Чине поставления на великое княжество 1498 г., когда Иван III возвел на престол своего наследника Дмитрия Ивановича Внука, он записан как «великий князь владимирский, новгородский и всея России самодержец»⁶, т. е. так же, как на печати 1492 г. Такие расхождения в близких по времени официальных документах могут свидетельствовать о том, что титул правителя еще формировался.

К середине XVI в. вырабатывается окончательная формулировка титула. В Чине поставления Ивана IV его отец Василий Иванович назван «всея Руси самодержцем», а сам Иван IV – «царь князь великий владимирский, новгородский и московский и всея России самодержец». В своих посланиях Иван IV подчеркивал, что он является самодержцем Российского царства. Перерабатываются и государственная печать: вокруг двуглавого орла помещаются эмблемы русских земель (их 24), входящих в состав государства⁷.

В конце века в Чине поставления царя Федора Ивановича (1584 г.) появляются, наряду с упоминанием княжеств Владимирского, Новгородского, Московского, царства Казанское и Астраханское, а также титул «государь и самодержец всея Великия России»⁸. В XVII в. к титулу «Великия России» будут прибавляться «Малая и Белая». Это не только уточнения, о каких русских землях, находящихся во владении московских государей, идет речь, но и преобразование «титула-претензии» в реальный титул русского царя.

Сама разработка Чина поставления на великое княжество (затем царство), осуществленная московскими идеологами в конце XV в., также должна была способствовать осознанию прерогатив власти московских государей.

К 1498 г., когда Иван III решил возвести своего внука Дмитрия Ивановича на престол, закрепив таким образом правило перехода власти от отца к

старшему сыну (отец Дмитрия – Иван Иванович, сын Ивана III от первого брака к этому времени уже умер), был составлен новый и первый среди сохранившихся Чин поставления на великое княжество. Для чисто политической акции (вскоре после возведения на престол Дмитрий был посажен в тюрьму, а после смерти Ивана III стал править его сын от второго брака Василий Иванович) был подготовлен документ, который надолго пережил само событие и лег в основу всех коронаций в России XVI–XVII вв.

Чин поставления был составлен по образцу обряда возведения на престол византийских императоров. Это был церковный обряд, совершившийся в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии иерархов русской церкви и ближайшего окружения наследника. От европейской коронации русский обряд возведения на престол XVI–XVII вв. принципиально отличался тем, что наследника сначала возводят на престол, вручая ему регалии власти, а уже над венчанным царем производят обряд миропомазания. Естественно, в 1498 г. обряд миропомазания не совершался⁹.

Во время коронации в речах митрополита, совершающего обряд, и великого князя неоднократно подчеркивается наследственный характер власти. Иван III говорил: «Божийм изволением от наших прародителей старина наша тои до сих мест; отцы великие князья сыном своим первым давали великое княжество»¹⁰. Следует заметить, что передача великокняжеской власти от отца к старшему сыну началась именно с Ивана III; до этого она могла перейти к старшему в роде, а во время татарского ига – к князю, получившему ярлык на великое княжение. Еще отец Ивана III великий князь Василий Васильевич несколько лет воевал со своим дядей и двоюродными братьями за московский престол; сам Иван III также был втянут в эту войну.

В конце XV в. такой принцип наследования провозглашался впервые.

Так в указанный период впервые был официально сформулирован принцип единонаследия, который поддержала православная церковь. В момент обряда митрополит в своей речи подтверждает великому князю право Дмитрия Внука занять престол.

Эта ситуация подтверждения наследственных прав на престол повторилась в 1547 г. во время коронации Ивана IV, а затем при коронации его сына Федора Ивановича. Иван говорил: «От наших прародителей великих князей старина наша и до сих мест: отцы, великие князи сыном своим первым давали великое княжество»; на что митрополит отвечает: «От ваших прародителей великих князей всея России старина ваша»¹¹.

Уже после возложения регалий власти митрополит произносит еще одну речь, где говорится о прерогативах власти государя. Для Дмитрия, возводившегося на престол при живом государе, это поучение звучало так: «Имей

страх Божий в сердце, люби правду и милость и суд правой. И имей послушание к своему государю и деду и великому князю, и попечение имей от всего сердца о всем православном христианстве»¹².

Для Ивана IV, который венчался на царство после смерти отца, поучение таково: «Имей страх Божий в сердце и сохрани веру християнскую греческого закона чисту и непоколебиму, и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко ныне приал еси от Бога, и люби правду и милость и суд правый и к послужным милостивное»¹³. Та же формулировка повторяется и при коронации Федора Ивановича, и очевидно, на протяжении всего XVII в. и начала XVIII в. вплоть до коронации внука Петра I, которая не состоялась, но чин был разработан.

Комплекс регалий власти, которые возлагались на наследника при возведении на престол («венец от камене честне» – это шапка Мономаха, цепь с крестом, имевшем особое значение, так как чудотворным крестом еще митрополит Петр благословил Ивана Калиту и его потомков на правление, бармы), формировался около ста лет и заменил более ранний, куда входили цепь и пояс¹⁴. После возложения перечисленных регалий наследника отводили на царское место и здесь ему вручали скипетр – символ власти русских государей. Дмитрию скипетр не вручали.

Одновременно с созданием коронационного обряда появилась легенда о передаче символов власти от византийского императора Константина киевскому князю Владимиру Мономаху. Она была записана сразу в нескольких публицистических произведениях конца XV – первой половине XVI в., а также официальном документе, связанном с разработкой Чина венчания. По легенде император Константин снимает со своей шеи и передает послам в Киев цепь с наперсным крестом и бармы; он также снимает со своей головы «венец от камене честне» (шапку Мономаха), т. е. именно те предметы, которыми венчались русские цари, и посыпает их великому князю Владимиру. И император передает символы власти со словами: «Приими от нас ... сия честныя дарове... на венчание твое волнаго и самодержавнаго царствия, нарицаешиси... да отселе боговенчаный царь, венчен сим царским венцом»¹⁵. Процитированные слова, раскрывающие символику посыпаемых из Константинополя регалий власти, еще раз подчеркивают самодержавность власти московских государей и их царский ранг.

Эта легенда закрепляла идею перехода символов власти к московским государям от византийских императоров через киевских князей. Она близка к другим европейским легендам о происхождении регалий государственной власти, в частности легенде о происхождении короны св. Стефана (Иштвана I Святого). В таких легендах подчеркивалось чудесное божественное происхо-

ждение регалий или их давняя передача родоначальнику династии от первых императоров.

Имя императора Константина и его матери Елены играло большую роль в славянской государственной традиции. Основатель Константинополя, который объединил христианский мир, император, обретший святой крест, надолго стал символом государственной власти¹⁶. Крест императора Константина в XI в. вошел в государственную символику Болгарского царства. Значение этой регалии было утрачено, когда Балканы постепенно стали завоевываться турками.

Крест императора Константина – символ власти, появляется в Москве скорее всего в первой четверти XV в. и происхождение этой идеи связано с именем митрополита Фотия. На его сакосе вышито изображение семьи великого князя Василия Дмитриевича (сам князь, его жена, дочь и зять); в руках у князя в качестве скипетра – крест императора Константина, а портрет самого императора и его матери Елены, также с крестами в руках, находится выше великоцняжеской семьи. Позднее летописец конца XV в. напишет об отце Василия – Дмитрии Донском: «На престоле царском седе, царскую багряницу и венец нося..., а крест Христов на рамо ношаše»¹⁷. Мы видим, что московский летописец уже тогда говорит о великоцняжеской власти, как равной царской и называет ее атрибуты – багряница, царский венец и крест императора Константина. Однако в легенде о передаче даров императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру нет упоминания о кресте Константина.

Культ креста императора Константина отразился не только на оформлении сакоса. В 1492 г. митрополит Зосима писал: Бог первому православному царю Константину «показа ему свыше на небеси знамение честного креста, одоление и победу на враги», и он же назвал Ивана III новым царём Константином новому граду Константину-Москве¹⁸. Об этом же свидетельствует роспись Святых сеней в великоцняжеском дворце Кремля, выполненная в конце XV в. Один из сюжетов росписи – сон императора Константина, прешествующий обретению святого креста. Позднее Иван Грозный объяснял послу из Рима Антонию Поссевино: «А что нас укоряет, что мы пишемся „носители креста Христова“, ино еще первому благочестии царю Константину сам создатель, господь наш Иисус Христос, первое явление в полудни явил: крест, звездами составлен, светлостию сил паче солнечных луч; второе: сонным видением своего воплощения видетись ему дал и глаголил ему: Костянтине, сим побеждой! Оттого убо владыки нашего Иисуса Христа милосердия и дарования всем християнским государем животворящий его крест носим»¹⁹.

В отличие от ранних славянских государств, где крест императора Константина был скипетром власти, в Русском государстве его вещественного

воплощения не было; крест лишь изображался как символ власти в живописи: кроме сюжета росписи в царском дворце, который восстанавливался при каждом обновлении живописи, крест Константина как инсигния изображен на конных портретах царя Михаила Федоровича и его сына Алексея (XVII в.). Единственный символ власти, который оба царя держат в руке, – это крест Константина.

Легенда о переходе символов власти от императора Константина к русскому князю впервые была сформулирована в родословной легенде 90-х годов XV в. о происхождении русских великих князей – ранней редакции Сказания о князьях владимирских – Чудовской повести, откуда перешла в Чин поставления. Мы не знаем авторов названных произведений конца XV в., но хочется обратить внимание на то, что древнейший список родословной легенды 40-х годов XVI в. сохранился в рукописи, принадлежавшей Чудову монастырю. Монастырь Чуда архангела Михаила в Московском Кремле был не только древнейшим в Москве, но и тесно связан с митрополичьей кафедрой. Такая принадлежность рукописи может свидетельствовать и о высоком ранге составителя повести и, несомненно, его связи с московской политической и интеллектуальной элитой.

В Чудовской повести также впервые четко сформулирована идея о происхождении русских князей Рюриковичей от римского императора Августа. Август «Пруса сродника своего поставил в брезех ... по реку, глаголему Немон, впадшую в море ... И оттоле и до сего времени зовется Прусская земля»²⁰. Потомка этого Пруса в четырнадцатом колене – Рюрика пригласили править в Новгород, от него пошли киевские князья, от них – московские.

Идея о связи между русскими князьями и римскими императорами возникла еще в 1489 г., когда послу от Ивана III к императору Священной Римской империи было велено говорить: «Прародители его (Ивана III. – М.Б.) по изначальству были в приятельстве и любви с передними римскими царями»²¹. Затем в 1492 г. митрополит Зосима напишет об Иване III как о «новом царе Константине новому граду Константину-Москве и всей земли Русской»²². И в конце XV в. окончательно формулируется идея о русских великих князьях – потомках римского императора Августа, которым император Константин передал регалии власти. Таким образом объединяется императорское происхождение московского великого князя и императорский ранг его регалий.

К возведению на престол Ивана IV в Успенском соборе было устроено царское место. По своей конструкции и заложенной в него идее оно восходит к сложившейся ранее практике и мыслилось как продолжение традиций создания трона царя Соломона, описанного в Библии, который на века стал ассоциироваться с императорской властью. Аналогичные троны были и у византийских императоров; они возводились в конце XV в. в разных европейских

столицах²³. Московское царское место украшали 12 резных пластин с изображениями сцен-иллюстраций рассказа о передаче регалий власти от императора Константина и коронации великого князя.

К сожалению, история создания царского места и его роль в разработке идей государственной власти долгое время не были предметом специального исследования. Лишь опубликованная недавно работа И.М. Соколовой, где воспроизведены все тексты, вырезанные на троне, позволяет изучить эту проблему.

Сопоставление текстов на пластинах трона с текстами соответствующих документов позволяет говорить, что на дверцах трона вырезан текст не Сказания о князьях владимирских, а Чина поставления на царство. Кроме того, из 12 пластин-иллюстраций на стенках трона, восемь действительно являются отражением текста Сказания, а два последние (на южной стенке), где изображено возложение регалий на великого князя Владимира, не связаны и с Чином поставления, и Сказанием о князьях владимирских, где таких сюжетов нет²⁴. Некоторые текстуальные расхождения между Чином поставления, Сказанием и надписями на троне позволяют говорить как о их одновременном создании, так и независимом происхождении, но окончательные выводы еще требуют специального исследования.

Так к середине XVI в. была визуально, в публицистике и официальных документах, закреплена идея царского происхождения русских правителей, их связи с римскими и византийскими императорами и переходе власти от киевских князей к московским.

И, наконец, еще одним грандиозным проектом, раскрывающим идею государственности в России и связи ее правителей с церковью, было создание Степенной книги царского родословия. Именно здесь переплетаются события, свидетельствующие о взаимодействии великих князей и их современников – церковных иерархов. Стоит только пожалеть, что этот памятник изучен недостаточно.

В начале XVII в., после избрания на престол Романовых, все активнее развивалась идея преемственности власти новой династии от прежних русских государей. В Чин посажения на царство добавляются новые элементы из Чина византийских императоров, царские венцы середины XVI в. все более по внешнему виду напоминают шапки киевских князей.

Новый всплеск идеологической деятельности относится к 60–70-м годам XVII в. В 1668 г. Симон Ушаков пишет икону «Насаждение древа Российского государства», где визуально объединена преемственность власти Рюриковичей и Романовых: царь Алексей Михайлович с семьей из-за стен Кремля наблюдает, как Иван Калита и московский митрополит Петр «насаждают» древо Российского государства.

В начале 1670-х годов в Посольском приказе создается комплекс произведений, посвященных обоснованию власти Романовых; они были оформлены в великолепно украшенные рукописные книги. Это лицевая рукопись, описывающая возвведение на престол Михаила Федоровича; книга Титулярник, показывающая место России среди других европейских стран, дающая официальное написание титула русского царя и описание государственной печати; сочинение Николая Спафария «Василиологион»²⁵. Несколько позднее была переведена с латыни книга герольдмейстера императора Священной Римской империи «Генеалогия», которую автор – Лаврентий Хурелич – преподнес Алексею Михайловичу. В ней через генеалогические росписи показано родство новой русской династии с европейскими королями, преимущественно благодаря бракам детей киевского великого князя Ярослава Мудрого²⁶.

Идея происхождения царской власти России и ее место среди основных империй, сменявших друг друга со времени сотворения мира, отражены в труде Николая Спафария «Василиологион», созданном в начале 70-х годов XVII в. Сама форма описания истории человечества «по царствам», «по империям», начиная с библейских и античных времен, присутствовала в европейской литературе и раньше. Первый опыт в России может свидетельствовать, что к последней четверти XVII в. история страны, ее существование мыслились во всемирном контексте неотрывно от европейских реалий.

Безусловно, необходимо провести комплексное сравнительное исследование этих произведений, созданных одновременно в 70-е годы XVII в., что не входит в задачу настоящей статьи. Но уже обращение к предисловию «Василиологиона», где автор определяет свое представление о государе, прерогативах его власти, может дать представление о том, как Николай Спафарий трактует идею самодержавной власти.

Прежде всего правитель должен служить примером для своего народа: «Владетель ко благодеянию идет, следствуем и мы, ко погрешению уклонится, и мы с ним уклонимся», потому, что «яко от солнца во всем мире или свет или тма бывает, сице и от царя к подданным своим или благая, или злая изливается». Право владеть и править государю дается от Бога. Но осуществление этого права требует от государя мудрости и труда, «аще любите престолы и скипетры, о царие народа, возлюбите мудрость». Именно таким царем назван Алексей Михайлович, который «ныне же яко солнце сияет на престоле царства»²⁷.

Как можно убедиться, к 70-м годам XVII в. уже оформилась идея о самодержавной власти русских царей, продолжающих дело древних императоров. Она давала основания признать эту самодержавную власть равной императорской, что и произошло в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 64.
- ² Там же. С. 281–282.
- ³ Подробно надписи на древнейших русских печатях проанализировала М. Агоштон. Приношу благодарность автору, предоставившей текст своего доклада.
- ⁴ Тихомиров М.Н. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 22–23.
- ⁵ Зимин А.А. Указ. соч. С. 64.
- ⁶ Чтения Общества изучения древностей российских (далее – ЧОИДР). 1883. Кн. I. С. 36.
- ⁷ Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. М., 1993. С. 9–39.
- ⁸ Собрание государственных грамот и договоров. СПб., Т. II. 1803. С. 74, 76.
- ⁹ См подробнее: Бычкова М.Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение идеи власти // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Т. XXXIV.
- ¹⁰ ЧОИДР. Кн. I. С. 33.
- ¹¹ Там же. С. 47, 48.
- ¹² Там же. С. 36.
- ¹³ Там же. С. 56.
- ¹⁴ Бычкова М.Е. Дары императора Константина: из истории русских регалий власти // У источника. Сб. статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштanova. М., 1997. Ч. 1.
- ¹⁵ Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.–Л., 1955. С. 184.
- ¹⁶ Бадаланова-Покровская Ф.К., Плюханова М.Б. Средневековая символика власти: крест Константинов и болгарской и русской традиции // Ученые записки Тартусского университета. Вып. 781. 1987. С. 133–138.
- ¹⁷ ПСРЛ. М., 1946. Т. 25. С. 215.
- ¹⁸ Идея Рима в Москве. XV–XVI вв. Рим, 1989. С. 123–124. Зосима сформулировал свои идеи в Предисловии к Пасхалии на восьмую тысячу лет. Приведенные в тексте даты (31 год царствования Ивана III и третье лето «пастыни пресвященного митрополита Зосимы») с учетом того, что в России было иное летосчисление, чем в других христианских государствах, позволяет уточнить хронологию документа. Иван III стал великим князем после смерти своего отца 27 марта 1462 г. (7970 г.), следовательно 31 год его правления начался с 27 марта 1492 г. (7000 г.) и кончался 26 марта 1493 г. (7001 г.). Зосима поставлен митрополитом 12 сентября 1490 г. (6999 г.), следовательно третий год его поставления надо начинать с 12 сентября

1492 г. (7001 г.) и заканчивать 12 сентября 1493 г. (7002 г.). Соответственно 31 год правления князя и 3-й год поставления митрополита совпадут с сентябрь 1492 г. (7001 г.) по март 1493 г. (7002 г.). Если пасхалии были рассчитаны на 7000 лет, то последний весенний праздник Пасхи на 1492 г. (7000 г.) год в них был включен, а осенью 1492 г. (с 1 сентября 7001 г.) наступило время создавать новую таблицу; соответственно текст Зосимы свидетельствует о том, что в Москве после 12 сентября 1492 г. приступили к созданию новой Пасхалии; можно предположить, что это была своевременная акция главы православной церкви.

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. Л. 181 об.

²⁰ Дмитриева Р.П. Указ. соч. С. 196–197.

²¹ Идея Рима в Москве XV–XVI вв. С. 5.

²² Там же. С. 124.

²³ Бочаров Г.Н. Царское место Ивана Грозного в Московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 44–48.

²⁴ Соколова И.М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001. С. 64–65. Мы сознательно не касаемся искусствоведческого анализа памятника.

²⁵ Кудрявцев И.М. «Издательская деятельность» Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. Сб. VIII. М., 1963.

²⁶ Бычкова М.Е. Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 42–44.

²⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. № 22. Л. 3.

Н.М. Рогожин

Центральные государственные учреждения России в XVII веке (на примере Посольского приказа)

XVII век занимает особое место в истории России. Это время небывалых противоречий и контрастов в политической, экономической, дипломатической и духовной жизни общества. Век по праву окрестили «бунташным». События Смутного времени, многочисленные народные движения создавали почти постоянное социальное напряжение.

Эволюция центральных правительственные учреждений – приказов (от слова «приказать» – «поручить») – протекала в рамках перехода форм государственного правления от сословно-представительной монархии к абсолютизму. По сути дела это была концентрация власти в руках боярской, приказной и военной бюрократии на всей территории единого государства¹. Прекращение созыва земских соборов, широкие народные движения, создание приказа Тайных дел, усиление роли приказного аппарата – наглядное тому подтверждение.

Как мы знаем, уже во второй половине XVI в. приказы стали ведать важнейшими отраслями управления, получили более или менее устойчивый штат, характерное делопроизводство. На протяжении XVI–XVII вв. существовало около ста таких учреждений. Однако нельзя считать, что все они действовали одновременно. Постоянно функционировали лишь 40–50 из них, остальные возникали и прекращали свою деятельность по мере надобности. Важнейшими приказами были три: Посольский, Разрядный и Поместный. Они являлись основным стержнем системы государственного управления России на протяжении более чем двухсот лет.

В неопределенности числа приказов состояла суть самого приказного строя – текущего, изменяющегося, приспособливавшегося к различным историческим условиям, и в то же время неизменного. Приказная система была для своей эпохи достаточно гибкой, эффективной и одновременно простой и

удобной. Над всем царил обычай, проверенный веками опыт, руководствуясь понятием предыдущего «примера», приказные люди легко разбирались в хитросплетениях разнородных дел.

В начале XVII столетия Московское государство вступило в полосу глубокого внутреннего и внешнеполитического кризиса – Смутное время. Борьба претендентов за царский престол, широкие народные движения, отказ целого ряда регионов подчиняться центральному правительству – всё это само по себе требовало от государства максимального напряжения ресурсов для стабилизации обстановки. Со временем избрания на престол Михаила Романова в 1613 г. начинается период восстановления государственности. В результате в 40–50-е годы в рамках сословно-представительного государства создается общее законодательство. В 1649 г. принимается Соборное уложение – главный законодательный акт России, как оказалось, на два следующих века. Соборное уложение стало регламентом для жизни и деятельности государственных учреждений. Утвердившееся приказное начало ограничило социальную среду комплектования, ввело «указное число» служащих для каждого учреждения и размеры отпускаемого им содержания, а также установило внутренний распорядок работы центральных учреждений.

Вторая половина века оказалась не менее напряженной. Попытка решения основных внешнеполитических задач – в первую очередь противоречий с Польшей и Швецией – вызвала расстройство финансов и ухудшение положения крестьянства. Ответной реакцией народа стали городские восстания в Москве (1648 г.), Пскове и Новгороде (1650 г.), «Медный бунт» (1662 г.), соловецкое восстание монахов (1668 г.), крестьянские войны под предводительством Степана Разина (1667–1671 гг.) и Кондратия Булавина (1707–1708 гг.) и стрелецкие бунты уже в конце XVII столетия. Постепенная европеизация России ставит перед государственными учреждениями и их штатами новые, сложные задачи, что вызвало резкий рост числа приказных служащих. Создается особая приказная бюрократическая среда, которая в значительной мере была способна сама себя воспроизводить².

Централизация и систематизация приказного управления в XVI–XVII вв. оказывалась невозможной потому, что в основе образования и функционирования приказной системы лежали территориальные принципы, не позволявшие ей сложиться в строгую систему отраслевого управления. Сосредоточение в отдельных приказах самых разнообразных дел сочеталось с распылением однородных, идентичных дел сразу между несколькими приказами, что создавало своеобразную ведомственную чересполосицу. Например, Посольский приказ занимался не только внешней политикой, но и массой других дел; в нем вели учет живших в России иностранцев, ведали касимовскими татарами, выкупом пленных и т. д.

С 60-х годов XVII в. Посольский приказ заведовал почтой, делами донских казаков, судом и сбором таможенных и кабацких доходов, назначением воевод, приказных людей и пр. Поместно-вотчинные дела судились в Поместном приказе, но и они же входили в компетенцию нескольких других приказов: Разряда, Сибирского, Казанского и т. д.

Другой причиной пестроты и хаотичности приказного управления в России являлось постоянное расширение территории страны за счет присоединения различных, неоднородных земель. Территориальный принцип управления был одним из важнейших при функционировании приказного строя. Он же и мешал процессу управленческой унификации, централизации и специализации. До конца существования приказной системы большая часть страныправлялась через территориальные (областные) приказы. Они обладали всей полнотой власти центральных учреждений, но только на определенной территории. В то время это было наиболее приемлемо для целостности государства и самодержавной власти, и поэтому вполне устраивало Центр.

В XVII в. отношения между приказами не регулировались каким-то конкретным законом. На практике вырабатывались те или иные приемы сношений между учреждениями, которым традиционно следовали приказные служащие. Приказы не могли давать распоряжения государственным учреждениям (приказам), подчиненным другим приказам. Специфической чертой приказного строя являлось существование своеобразной системы объединения приказов, состоявшей из главного приказа и приказов, принадлежащих к нему, или присудов (с 70–80-х годов XVII в. в подчинение Посольского приказа попали Малороссийский, Новгородский и иные приказы). Такой приказ, не меняя внутренней структуры, находился в подчинении у другого приказа и имел общего с ним судью, который был судьей начальствующего приказа. Он, наряду с делами своего приказа, разбирал дела присуда. Ликвидация приказа как самостоятельной единицы еще не означала, что в будущем у него нет перспективы возродиться в виде самостоятельного учреждения – полноценного приказа. Отмеченная неопределенность приказной структуры позволяла приказам сливаться и разъединяться в почти незаметных для современного исследователя формах.

Через приказы государство осуществляло дипломатические функции, отраслевое и территориальное управление, управление социальными группами, которые формировались и существовали в виде специфических общественно-служилых категорий – чинов. Приказы были не только административными, но и судебными органами.

Система финансирования приказов в конце XVII – начале XVIII в. оставалась весьма архаичной, с ее помощью было крайне трудно решать насущные финансовые проблемы. Финансирование приказов отражало суть приказ-

ной системы: создаваемые приказы были поручением, и под него изыскивался источник финансирования, будь то специальный налог или извлеченная из кассы другого приказа сумма. Кроме того, к каждому приказу была прикреплена определенная территория, с населения которой он взимал налоги.

Однако детальное изучение любого из приказов, в данном случае Посольского, поможет не только внести соответствующие корректизы, но и более фундаментально охарактеризовать значение приказного строя как уникального, самобытного явления в истории российской государственности и культуры.

Посольский приказ в XVII столетии, среди центральных учреждений с общегосударственной компетенцией, занимал одно из ведущих мест. Выявление структуры приказа, его функций и анализ делопроизводства, особенности ведения и хранения приказной документации позволяют установить степень его сопричастности к общегосударственным процессам.

Специфика деятельности Посольского приказа и его служащих, подразумевавшая постоянное общение с иностранцами, подготовку и участие в посольствах за границу, сделала персонал этого учреждения наиболее восприимчивым к западному влиянию. Сам Посольский приказ выступал при этом в роли своеобразного центра распространения в России элементов европейской культуры. В XVII столетии внешнеполитический курс страны был ориентирован в большей степени на Западную Европу, что убедительно подтверждается делопроизводством Посольского приказа. Вектор и динамику распространения внешнеполитических связей России легко проследить по результату их труда, а именно по количеству посольских книг, которые отложились в архиве Посольского приказа. В XVI в. была 21 «крымская» посольская книга (т. е. о связях России с Крымским ханством), в следующем веке их стало на 61 больше; «польских» книг было 25, а в XVII в. стало – 231; «ногайских» было десять и, прибавилось только две, зато «шведских» было семь, а в XVII столетии – 122 книги и т. д.

Смутное время, принесшее русскому народу огромные бедствия, поставившее под вопрос сам факт существования независимого Российского государства, тем не менее имело одно положительное следствие. Потрясения Смуты доказали верхушке московского общества, что для выхода из социально-политического кризиса, охватившего Россию на рубеже XVI–XVII вв., необходимо отказаться от господствовавшей в умах идеи полной самодостаточности и исключительности «Третьего Рима»³. Рост политического самосознания общества выразился в создании большого числа сочинений о Смутном времени. Это летописи и хронографы, истории и повести, сказания и жития, плачи, ведения и т. д.⁴ Именно Смута создала поколение русских людей, «которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на “ере-

тический” Запад в чаянии найти там средство для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины⁵. В ходе Смуты произошел буквально переворот в общественном сознании русских людей. «Они сами назвали преступным своё вечное желание отмолчаться. Но почувствовав себя ответственными за политический порядок, они не могли не почувствовать себя и его хозяевами»⁶. Речь Посполитая, в силу своей географической, этнической и языковой близости, стала своеобразным посредником в заимствовании Россией элементов европейской культуры. Некоторые изменения в дипломатической практике просуществовали лишь до завершения Смуты, а другие пережили породившую их эпоху и стали прообразом петровских внешнеполитических реформ.

Для деятельности Посольского приказа в первой четверти XVII в. наиболее характерны следующие особенности.

I

На протяжении всего Смутного времени исполнение дипломатических функций Посольского приказа осложнялось нарушенными связями с соседними государствами. Одновременно существовало несколько «альтернативных» внешнеполитических ведомств. Каждый новый претендент на российский престол старался проводить свою самостоятельную внешнюю политику. Так, уже в конце 1604 г. Лжедмитрий, достигнув первых успехов в борьбе за трон, отправил в Польшу своего посла – князя Б.П. Татева, задачей которого было противодействовать послу Бориса Годунова – Постнику Огарёву⁷. Спустя год, когда Лжедмитрий уже утвердился на московском престоле, попытка вести свою тайную дипломатию была предпринята боярами князьями Голицыными и Шуйскими: в январе 1606 г. в Krakow к Сигизмунду III прибыл царский гонец Иван Безобразов и от лица бояр просил содействия в свержении самозванца, которого предполагали заменить королевичем Владиславом⁸.

Позднее, в 1608–1610 гг., параллельно с Посольским приказом свою внешнюю политику пытались проводить сторонники «Тушинского вора»: в 1608 г. перешедший на сторону Лжедмитрия II астраханский воевода И.А. Хворостинин отправил грамоту к ногайскому князю Иштереку, предлагая ему присягнуть «царю Димитрию»⁹; в 1609 г. из тушинского лагеря в Польшу выехали послы (о чём сообщала в особом письме Юрию Мнишеку его дочь Марина)¹⁰; наконец, в начале 1610 г. в лагерь короля Сигизмунда III под Смоленск по приглашению польской стороны прибыло тушинское посольство, в результате переговоров с которым был заключён известный договор 4 февраля 1610 г. Обе стороны оговорили условия избрания королевича Владислава русским царём¹¹.

Подобное положение, когда помимо Посольского приказа действовали дипломатические службы сил, оппозиционных Москве, сохранялось вплоть до 1615 г. Усилия противоборствующих внешнеполитических ведомств, преследовавших различные цели, усугубляли и без того сложную ситуацию. Например, летом 1611 г. практически одновременно в Ногайской Орде действовали два российских дипломата: Прокофий Вражский, посланник Боярской думы, присягнувшей Владиславу, а также Семён Ушаков, отправленный в Орду руководителями Первого ополчения. При этом Вражский от лица свергнутого за год до этого Василия Шуйского просил у князя Иштерека помощи против осадивших Москву «воров» (ополченцев), а Ушаков передал просьбу Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого послать ногайские отряды против засевших в столице «изменников»¹².

В 1611–1615 гг. пытался проводить независимую от Москвы внешнюю политику Новгород Великий: в 1611 г. под давлением шведской армии новгородские власти подписали договор об избрании русским царём королевича Карла-Филиппа; в 1613–1615 гг. новгородцы дважды отправляли свои посольства в Москву и поддерживали контакты со Швецией¹³. Известно, кроме того, что руководитель Второго ополчения Д.М. Пожарский вёл переговоры с английским и австрийскими дипломатами, а также со шведами (при посредничестве Новгорода), стремясь заручиться их поддержкой в борьбе с Польшей¹⁴. И.М. Заруцкий и М. Мнишек также пытались обеспечить себе поддержку зарубежных государей: в 1614 г. они отправили в Персию своего посланника Ивана Хохлова¹⁵. И лишь к 1616 г., когда было подавлено движение Заруцкого и начались русско-шведские мирные переговоры, Посольский приказ вернул себе «монополию» в определении внешней политики Московского государства.

Отсутствие стабильного правительства оказало негативное влияние на общее состояние международных связей России. Начиная с 1608 г. Москва практически не посещалась иностранными дипломатами: поездка в государство, охваченное гражданской войной, была чрезвычайно опасным мероприятием. Даже подписание столь важного для Московского государства договора 1609 г. со Швецией, по которому Стокгольм обязался оказывать Василию Шуйскому помощь против Лжедмитрия II, происходило не в Москве, а в Выборге, Торжке и Калязине. Кроме того, сложности в обмене послами усугублялись одновременным существованием нескольких претендентов на российский престол. В этом отношении большой интерес представляют хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) две грамоты от персидского шаха Аббаса, где не указано не только время их отправления, но даже не названо имя государя, которому были адресованы данные послания (в

РГАДА в описи фонда 77 – Сношения России с Персией, указанные документы помещены между 1607 и 1610 гг.)¹⁶.

Наибольшее число изменений относится к короткому периоду правления Лжедмитрия I. Прежде всего обращает на себя внимание необычное для Московского государства оживление дипломатических контактов с римской курией. «Царь Димитрий Иванович» поддерживал переписку с Ватиканом лично, а также через посредничество папского нунция в Польше Клавдия Рангони. В фондах РГАДА – 78 (Сношения России с римскими папами) и 149 (дела о самозванцах и письмах Лжедмитрия) – сохранились списки с грамотами Лжедмитрия к папе римскому Павлу V¹⁷. Оживление контактов между Москвой и Ватиканом было вызвано, скорее всего, личными интересами самозванца, и, в данном случае, вряд ли можно отрицать влияние Польши на столь неожиданный поворот в деятельности Посольского приказа. При этом следует отметить, что восстановление связей с римской курией после 25-летнего перерыва не было продиктовано крайней необходимостью, как это было на исходе неудачной для России Ливонской войны.

Наконец, следует обратить внимание на некоторую «полонизацию» терминологии, использовавшейся Посольским приказом при «царе Димитрии». Боярская дума именовалась Сенатом; печатник и казначай А.И. Власьев, фактически руководивший в это время внешней политикой Московского государства, носил звание «великого секретаря и надворного подскарбия»; за собой Лжедмитрий I на переговорах с польскими послами требовал признать титул «император» (а не «царь», как утвердилось в российской дипломатической документации с середины XVI в.)¹⁸.

Анализ изменений в деятельности Посольского приказа в 1605–1606 гг. позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, большинство отмеченных трансформаций (восстановление связей с папским престолом, вступление царя в частную переписку, нарушения посольского церемониала), безусловно, произошло под непосредственным влиянием Речи Посполитой. Инициатором вышеперечисленных изменений в деятельности российского дипломатического ведомства был, по всей видимости, царь Лжедмитрий, вернувшийся из Польши поклонником культуры и обычаям этой страны. Руководитель внешней политики России А.И. Власьев, скорее всего, не разделял симпатий своего государя: известно, что он с пренебрежением отзывался о папе римском¹⁹, а также был сторонником досконального соблюдения всех тонкостей московского дипломатического церемониала (чем вызвал насмешки во время своего пребывания в Польше)²⁰. Таким образом, отдельные изменения в практике Посольского приказа, имевшие место в 1605–1606 гг. под влиянием Речи Посполитой, объясняются пропольскими симпатиями Лжедмитрия I, а не на-

зревшей потребностью частичного реформирования дипломатического ведомства Российского государства.

II

Можно отметить отклонения от норм дипломатической практики, уставившихся в концу XVI в. Так, необычным новшеством в практике Посольского приказа в 1605–1606 гг. стало вступление русского царя в переписку с частными зарубежными лицами. В описи 149 фонда РГАДА перечислено большое количество писем и грамот, адресованных «царем Димитрием» его «наречённому тестю» Юрию Мнишеку, будущей тёще и шурину Станиславу Мнишеку²¹. Любопытно также, что не всегда в этих случаях инициатива в начале переписки принадлежала коронованной особе: в описи упоминается письмо, датированное 4 февраля 1606 г., адресованное Лжедмитрию польским шляхтичем Боболей (который в своём послании заступался за Сигизмунда III и убеждал самозванца в добром к нему отношении короля)²². Двумя месяцами раньше, в декабре 1605 г., письмо аналогичного содержания было отправлено «царю Димитрию» Александром Гонсевским, послом Сигизмунда III, в Москву²³. Неоднократно обращался к Лжедмитрию с письмами и Юрий Мнишек. Следует отметить, что контакты самозванца с его «наречённым тестем» вообще носили специфический характер: отправляя к Мнишеку своего секретаря Слонского, Лжедмитрий снабдил его верительной грамотой (что практиковалось лишь при переписке с коронованными osobами)²⁴. Подобная переписка русского монарха с частными лицами, являющимися подданными другого государства, находит себе аналогии лишь в эпохе Петра I и, отчасти, в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским. Необходимо упомянуть и о том, что в отдельных случаях письма Лжедмитрия писались на латыни (к Павлу V)²⁵ и на польском языке (жалованная грамота Юрию Мнишеку от 14 октября 1605 г.)²⁶. До сих пор невыясненным остаётся вопрос о том, кем составлялись указанные документы. По мнению российских историков В.А. Бильбасова и С.А. Пташицкого, Лжедмитрий I был недостаточно знаком с польским языком и латынью²⁷. Во время пребывания самозванца в Польше его письма готовились учёными-иезуитами. В Москве латинские и польские грамоты «царя Димитрия» могли составляться как кем-либо из его сподвижников-поляков, так и служащими Посольского приказа, владевшими этими языками.

Ко времени царствования Лжедмитрия I относятся также факты отдельных нарушений и изменений в дипломатическом церемониале Посольского приказа. Известно, в частности, что приближённый царя, боярин П.Ф. Басманов, встречавший, по приказу Лжедмитрия, в Москве Марину Мнишек, выехал навстречу поезду царской невесты в «гусарском платье»²⁸,

что было грубым нарушением обычая. Позднее, в правление царя Михаила Федоровича Романова, в 1615 г. посланники в Персию М.Н. Тиханов и А. Бухаров, по возвращении в Москву, получили выговор за то, что оделись «в его, шахове, платье» и этим «царскому величеству учинили нечестъ же»²⁹. В правление первого представителя династии Романовых известный русский вольнодумец князь И.А. Хворостинин, среди прочих прегрешений, был обвинён в желании выехать на переговоры с иностранными послами, одеввшись «по-гусарски»³⁰. Ко времени царствования Димитрия Ивановича относится и другая попытка изменения дипломатического церемониала. Новый царь, учредивший по польскому образцу при своём дворе должность мечника, к четырём рындам, традиционно стоявшим у трона при приёмах иноземных послов, добавил пятого, державшего обнажённый меч. Это нововведение было отменено после убийства самозванца, однако после, при первых Романовых, в особо важных случаях (при аудиенциях австрийским, английским и польским дипломатам) количество рынд увеличивалось до шести человек³¹. Новшеством в практике Посольского приказа стали нарушения отдельных процедур (в сторону их упрощения), допущенные Лжедмитрием во время приёма польских послов Гонсевского и Олесницкого³².

В правление царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.) сколько-нибудь заметных изменений в работе Посольского приказа обнаружить не удается. Незначительные отклонения, имевшие место в российской дипломатической практике в указанные годы, были характерны для всей эпохи Смуты, а не только для времени царствования этого государя. Все изменения – начало нарушения связей между Московским государством и соседними державами, функционирование независимых от центрального правительства дипломатических ведомств, длительное принудительное задержание в Москве зарубежных посольств – были результатом дезорганизации в деятельности посольской службы, следствием общей анархии, царившей в России в начале XVII в. Персонал Посольского приказа не остался в стороне от событий разгоравшейся гражданской войны: большинство служащих приказа остались верны Василию Шуйскому, в то время как часть подьячих с П.А. Третьяковым во главе перешли на сторону «Тушинского вора»³³. Несмотря на это, в деятельности московского дипломатического ведомства 1606–1610 гг. нельзя обнаружить новшеств, каковыми был богат предшествующий период царствования Лжедмитрия I. Напротив, царь Василий Иванович, стремясь подчеркнуть легитимность своей власти, в отличие от свергнутого им «расстриги», демонстрировал свое уважение к нормам посольского обычая, сложившимся при его предшественниках. При Василии Шуйском Посольский приказ в своей работе стремился следовать образцам и традициям, установившимся в дипломатической практике до начала Смутного времени.

Особое внимание следует обратить на так называемый период «междуцарствия», когда после свержения В.И. Шуйского на русский престол был избран польский королевич Владислав. Обстоятельства времени наложили свой отпечаток и на деятельность Посольского приказа. Избрание царём польского принца, стремление короля Сигизмунда III самому воцариться в Москве, пребывание в русской столице польского гарнизона, начальник которого А. Гонсевский фактически отстранил от власти боярское правительство – всё это обусловило значительное польское влияние на работу российской дипломатической службы. В немалой степени распространению этого влияния способствовало то, что в августе 1610 г. печатником и судьёй Посольского приказа был назначен дьяк И.Т. Грамотин, за полгода до этого перешедший на службу к Сигизмунду III. Результатом сложившейся ситуации стало то, что в течение двух лет (с августа 1610 по август 1612 г.) Речь Посполитая оставалась фактически единственным внешнеполитическим партнёром Москвы. На протяжении этого времени из России в Польшу было направлено три посольства: в 1610 г. – «великое посольство» митрополита Филарета и князя В.В. Голицына; в 1611 – М.Г. Салтыков-Морозов и князь Ю.Н. Трубецкой; в 1612 г. – думный дьяк и печатник И.Т. Грамотин. При этом отношения между двумя государствами носили двусмысленный характер: польский королевич был избран русским царём, в то время как его отец вёл боевые действия на территории Российского государства. В подобной ситуации не могло быть и речи о равноправном диалоге между Россией и Польшей. Посольскому приказу приходилось лишь создавать видимость внешнеполитической самостоятельности Московского государства. Так, контакты между канцелярией Сигизмунда III и боярским правительством поддерживались в обход «великого посольства», официально представлявшего интересы России в королевском лагере под Смоленском.

Интересен также тот факт, что в конце 1610 г. установилась личная переписка между главой Посольского приказа И.Т. Грамотиным и канцлером Львом Сапегой. Российский дипломат сообщал своему польскому коллеге о важнейших событиях, происходивших в Московском государстве (о присяге москвичей Владиславу, о смерти Лжедмитрия II)³⁴. Канцлер Сапега, в свою очередь, обращался к русскому печатнику с требованиями личного характера: в описи архива Посольского приказа 1626 г. зафиксирован «лист от Лва Сопеги к диаку к Ивану Грамотину, что велено по королевской грамоту пану Яну-Петру Сопеге дати 2000 рублей, и те де ему деньги даны не сполна, и он бы велел те достальные деньги додати ...»³⁵ Контакты подобного рода между главами дипломатических служб Российского государства и Речи Посполитой ранее не наблюдались в практике Посольского приказа. Язык, которым напи-

саны послания И.Т. Грамотина, также представляет большой интерес. Н.И. Костомаров в одной из своих работ отметил, что «в Смутное время, едва только объявлено было о воцарении Владислава, многие великорусские дво-ряне начали в письмах своих и официальных бумагах писать полурусским языком, сбиваясь на лад западнорусской речи»³⁶. Ярким образчиком подобного письма являются две грамоты (сентябрь—декабрь 1610 г.), адресованные судьёй Посольского приказа и печатником Иваном Грамотиным литовскому канцлеру Льву Сапеге. Послания эти изобилуют «полонизмами», совершенно необычными для московской письменности XVI–XVII вв. –«ознаймую вашей милости», «сподеваемся вперёд вшекого добра», «рачь ваша милость у него выслушает», «жедаю... от вшитких народов славы и пошанования» и т. д. Одна из вышеупомянутых грамот была подписана: «Иван Грамотин, печатник великие монархии Московские» (термин «монархия» также был необычен для российского делопроизводства этой эпохи)³⁷. Следовательно, оживление русско-польских контактов после избрания на российский престол королевича Владислава оказало влияние и на язык документов, исходивших от служащих Посольского приказа.

Новшеством в делопроизводстве Посольского приказа, относящимся к 1610–1612 гг., является сосредоточение в архиве этого ведомства большого количества списков указов и жалованных грамот короля Сигизмунда III, не имевшего права подписывать подобного рода документы, не будучи избранным на русский престол³⁸.

Таким образом, 1610–1612 гг. представляют собой второй период серьёзных изменений и нововведений в работе Посольского приказа. В указанные годы влияние Речи Посполитой на деятельность российской дипломатической службы является ещё более бесспорным, чем в 1605–1606 гг. Однако, и в этот период инициатива вышеперечисленных нововведений исходила не от персонала Посольского приказа и даже не от московского правительства. Трансформации в практике Посольского приказа на сей раз были обусловлены интересами Речи Посполитой и ее дипломатическим и военным давлением на российское руководство.

Итак, мы видим, что практически все изменения в деятельности Посольского приказа происходили под прямым влиянием Речи Посполитой и не были инициированы персоналом этого ведомства.

III

С воцарением Михаила Федоровича Романова нововведения, произошедшие в Посольском приказе в годы Смуты, были свёрнуты. Начало правления, подобно царствованию Василия Ивановича Шуйского, было отмечено

стремлением вернуться в сфере дипломатии к традициям докризисного времени. С 1613 г. Посольский приказ активно занимается восстановлением нарушенных внешнеполитических связей Московского государства. Параллельно пресекались попытки других ведомств проводить свою особую внешнюю политику (в 1614 г. были схвачены И.М. Заруцкий и Марина Мнишек, а также новгородские послы, отправлявшиеся в Швецию; в 1615 г. Новгород окончательно отказался от претензий на независимую от Москвы дипломатию). Восстанавливая регулярные контакты с зарубежьем, Посольский приказ возвращался к традициям делопроизводства и церемониала, существовавшим на рубеже XVI–XVII вв., до начала Смутного времени. При этом нововведения в практике Посольского приказа, навязанные волей Лжедмитрия I и влиянием Польши, отвергались и уходили в прошлое. Однако и начало правления царя Михаила не обошлось без влияния (правда, своеобразного) Речи Посполитой на деятельность Посольского приказа. Так, для обоснования своей правоты в спорах с польскими послами русские дипломаты использовали совершенно новый для них источник: выписку из польской печатной книги о воцарении в Москве королевича Владислава и о бедах, причиненных им Российскому государству³⁹. Этот факт, правда, является исключением из правил: в условиях продолжавшейся войны между Россией и Польшей российская дипломатия отказывалась возвращаться к попыткам реформ периода польского господства, а также перенимать опыт польской внешнеполитической службы.

Лишь по окончании Смуты в России Посольский приказ пошёл на некоторые нововведения в своей деятельности, стремясь использовать позитивный опыт, приобретённый в годы кризиса. Инициатива частичного реформирования деятельности российского внешнеполитического ведомства принадлежит его главе И.Т. Грамотину. Жестокий, беспринципный и корыстолюбивый, Иван Грамотин был профессионалом в области дипломатии и умел отстаивать свои взгляды на внешнюю политику (при Михаиле Фёдоровиче его противником был царский отец патриарх Филарет, и, тем не менее, ему удалось убедить царя в своей правоте). В ходе своей профессиональной деятельности, а также во время пребывания за границей, он пришел к убеждению в необходимости проведения некоторых реформ в деятельности Посольского приказа. Эталоном для задуманного реформирования, вероятнее всего, стала польская дипломатическая служба. В 1620-е годы он, по образцу своей прежней переписки со Львом Сапегой, налаживает полуофициальные контакты с английским купцом и дипломатом Джоном Мериком⁴⁰. В 1634 г., во время руководства И.Т. Грамотина Посольским приказом была предпринята первая в российской истории попытка создания постоянного дипломатического представительства за границей – резидентуры в Швеции⁴¹. Думается, что пе-

речисленные реформы были предприняты Грамотиным на основании опыта, приобретённого в ходе общения с поляками в годы Смуты, а также во время эмиграции в Польшу. Один из современников (Исаак Масса) подтверждает эту версию, характеризуя И.Т. Грамотина следующими словами: «Похож на немецкого уроженца, умён и рассудителен во всём и многому научился в плену у поляков и пруссов»⁴².

Лишь позднее, по окончании Смутного времени, московское правительство сочло возможным воспользоваться позитивным опытом европейских государств (и прежде всего Речи Посполитой) в области дипломатии.

Вторую половину века и особенно годы царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) и Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) можно назвать временем расцвета приказной системы в целом и Посольского приказа в частности. На этом этапе чётко определяется состав его служащих: думные чины (бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки), дьяки, подьячие, переводчики, толмачи, золотописцы, станичники, приставы, сторожа, а также различные категории специалистов, прикомандированных на срок от нескольких дней до нескольких лет для решения конкретных задач – золотописцы, иконописцы, писцы, музыканты, артисты и др. Во главе Посольского приказа стояли думные чины: после Андрусовского мира (1667 г.) общегосударственное значение Посольского приказа настолько повысилось, что он перестаёт быть зависимым от Думы и становится особым самостоятельным управлением. Начальники Посольского приказа в государственном отношении стали, по сути дела, вторыми после государя персонами в администрации. Теперь царь повышал их статус, дав боярское достоинство и изменив титул и наименование должности. С 15 июля 1667 г. ближний боярин А.Л. Ордин-Нащокин был назначен начальником Посольского приказа с титулом «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель»⁴³.

Начальники осуществляли общий надзор за деятельностью вверенного им учреждения, выходили к царю и Боярской Думе с решением тех или иных текущих проблем на еженедельном докладе, а также своим личным авторитетом и пристрастиями оказывали в той или иной степени влияние на избрание направлений внешней политики Российского государства. Самостоятельными группами подбираются дела и дипломатические документы, хранившиеся в отдельном ящике начальников Посольского приказа. Как правило, это были наиболее важные и «актуальные» посольские грамоты и чаще всего в подлинниках⁴⁴.

Товарищами или помощниками начальников оставались приказные дьяки. С появлением во главе приказа знати (бояре, окольничие, думные дворяне) товарищами (помощниками) становятся и думные дьяки, которых можно рассматривать как первых заместителей начальника. До середины XVII в. помощники начальников находились в единственном числе и были вынужде-

ны заниматься всем спектром вопросов, ведавшихся в этом учреждении. С 1649 г. их число увеличивается и к 1670-м годам в Посольском приказе насчитывалось одновременно до четырех товарищей начальника. Вероятно во второй половине столетия вторые дьяки имели собственное делопроизводство и архив⁴⁵.

Подьячие приказа делились на четыре статьи (разряды): подьячие первой (старые), второй (средние), третьей статьи («молодшие»), неверстанные подьячие. Деление на старых и молодых (второй или «иной» статьи), по-видимому, существовало на протяжении всего рассматриваемого времени. Третья статья впервые официально зафиксирована в 1653/1654 г. – дана по случаю рождения царевича Алексея Алексеевича⁴⁶. Основным показателем принадлежности к тому или иному разряду является размер годового оклада, который прослеживается с 1640-х годов. Неверстанные подьячие сформировались в конце 60-х годов XVII в. – первое официальное упоминание относится к 1668/1669 г.⁴⁷

Старые подьячие стояли во главе повытий – отделов, ведавших сношениями с определенными странами, а также рядом дел (иностранный почта, надзор за иностранцами, татарами, толмачами, переводчиками и др.). Они же, старые подьячие, ведали деньгами, собираемыми с подведомственных городов на содержание приказа. Но казна находилась в руках одного человека, по-видимому, первого в списке подьячих⁴⁸. Молодые и средние – выполняли роль переписчиков, составляли справки по текущим делам. Неверстанные подьячие брались в приказ без жалованья для того, чтобы они присматривались к делам, знакомились со спецификой внутриприказной работы данного учреждения, доказывали свою профессиональную пригодность, к ним же можно отнести и учеников приказных школ начального образования при приказе⁴⁹.

Количество повытий и распределение дел, которые в них ведались, между старыми подьячими не было постоянным и могло изменяться. Среднее число повытий на протяжении второй половины XVII в. оставалось неизменным – пять. Если не считать дел, не относящихся к дипломатическим отношениям, то три повытья (Максима Алексеева, Нефимонова и Тарасова) ведали сношениями с Европой и два повытья (Симоновского и Никиты Алексеева) – с Азией⁵⁰. Когда кто-либо из старых подьячих временно отсутствовал (отправлялся в посылку и т.д.) его дела распределялись между оставшимися. Назывались повытья, как правило, по имени своего руководителя, не отражая при этом характера дел в них производившихся.

Деление на статьи намечается и среди переводчиков. Так же, как у подьячих, определяющим в этом случае оставался размер годового жалованья. Кроме того, происходит выделение из среды данной категории служащих

дворян по московскому списку, что постепенно становится более устойчивым критерием.

Функции толмачей значительно разнообразнее – перевод устной речи и постоянное участие в зарубежных посылках (переводчики достаточно редко покидали пределы страны) и полковые службы в действующей армии⁵¹.

Золотописцы оформляли красками, золотом и серебром дипломы и грамоты, посылаемые с посольствами в сопредельные государства, а также жалованные грамоты, книги для царского и приказного обихода и некоторые иные заказы. Золотописцев можно разделить на старших и младших.

Судебные приставы появились в составе служащих Посольского приказа между 1664 и 1668 гг. Они взяли на себя часть функций, выполняемых до этого толмачами. В их обязанности входили поиск, поимка, взятие под стражу ответчиков по судебным делам, некоторые функции приставов у иностранных послов и посланников в Москве.

Станичники Посольского приказа выполняли роль путевых приставов, возможно, гонцов в мусульманские страны. Зафиксировано их деление на станичных голов и рядовых станичников. В начале 50-х годов XVII в. эта категория служащих пропадает из приказа, а ее функции, по-видимому, переходят к толмачам татарского языка (составлявших до 50% толмачей приказа).

Сторожа дежурили в приказе по двое, день и ночь через сутки, помимо этого на них возлагалось следующее: сечение дров, возможно, топка печей, охрана заключенных, находящихся под стражей, покупка свечей, чернил и некоторые другие мелкие поручения, а также охрана архива Посольского приказа и приём челобитных по судебным делам.

Для выполнения различных поручений Посольский приказ привлекал людей со стороны (иных служащих), причем, при этом их число постоянно возрастало. С 1672 по 1676 г. в связи с бурной издательской деятельностью (дорогие книги для царского и приказного обихода) и управлением делами придворного театра их насчитывалось до нескольких сотен одновременно.

Не существует документа, который бы устанавливал строгую иерархию служащих Посольского приказа во второй половине XVII в., но можно попытаться воссоздать ее на основании косвенных данных:

- думные чины: бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки.
- дворяне по московскому списку: переводчики 1-й статьи, переводчики 2-й статьи, толмачи.
- дьяки.
- подьячие: 1-й статьи, золотописцы 1-й статьи; подьячие 2-й, 3-й статей; неверстанные подьячие.
- служилые люди по отечеству: переводчики 1-й статьи; переводчики 2-й статьи; толмачи; станичные головы; станичники.

– служилые люди по прибору: переводчики 1-й статьи; переводчики 2-й статьи; золотописцы 2-й статьи; толмачи; станичники; приставы; сторожа.

Данное построение является попыткой соотнести положение того или иного служащего в приказе и общеприказной иерархии. Каждый, кто поступал на службу в приказ, независимо от социального положения причислялся к служилому сословию.

На примере Посольского приказа видно, что после Смуты во второй половине XVII в. наблюдается расцвет приказной системы управления в России. Расширялся бюрократический аппарат, увеличивалось количество приказов. В итоге, в последней четверти века в России сложилась столь мощная и громоздкая система управления, что она затрудняла делопроизводство. Следует принять во внимание и численность всех служащих московских приказов. Во всём центральном аппарате управления Российского государства общее число служащих в середине 20-х годов XVI в. составляло всего 623 человека, а к концу столетия их количество возросло до 2 739 человек⁵². Для сравнения укажем, что в середине XVIII в. общая численность чиновников составляла 5 379 человек, а к началу XX в. – около 500 тысяч⁵³.

Можно сформулировать факторы, обусловившие неизбежность реформы центрального управления и ликвидации приказной системы:

1. Отсутствие централизованной системы организации источников финансирования самодержавной власти.

2. Наличие большого числа приказов с переплетающимися функциями и ведомственная чересполосица.

3. Недостаточная унификация и специализация приказов.

4. Запутанность ситуации с штатами приказов и архаичное делопроизводство.

5. Кризис приказной системы в условиях Северной войны. Первые годы войны показали, что старая система исполнительной власти уже не в состоянии справиться с масштабами и темпами все возрастающей нагрузки. На первый план выступили проблемы общей координации управления на высших и низших этажах (невозможно было быстро обеспечить армию деньгами, рекрутами, припасами и т. д.).

6. Кризис служилой поместной системы привел к реформе армии. Новой регулярной армии стали не нужны старые органы организации и управления поместно-территориальной службой. Следствием этого стало падение роли Разряда и всех тех приказов, которые ведали служилыми людьми.

7. Отмена патриаршества и создание Монастырского приказа привело к крушению системы патриарших приказов.

8. Создание губерний в 1708–1710 гг. В ходе этого процесса был разрушен один из основополагающих принципов приказного строя – территориальное ведение дел.

В 1711 г. был образован Сенат, который стал высшим административно-судебным учреждением, и с этого времени руководил всем управлением в государстве. Вместо приказов учреждены 10 коллегий, подчинённые Сенату и состоявшие из президента и 11 членов, решавших дела большинством голосов. Всё служилое сословие было разделено Табелью о рангах (1722 г.) на 14 классов, каждому из которых соответствовал известный чин.

Таким образом, система центральных учреждений оказалась не включенной в новую властную вертикаль: губернии подчинялись Сенату, как и приказы, но, одновременно, они не подчинялись приказам. Петр I был вынужден пойти на реформирование центральной системы управления, чтобы установить соответствие государственного аппарата новым внутренним и внешнеполитическим потребностям страны, её положению державы общеевропейского уровня⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 14–16.

² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 190–191.

³ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 56.

⁴ Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000.

⁵ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 1995. Кн. 2. С. 412–415.

⁶ Яковлев А.И. Безумное молчание (причины Смуты по взглядам русских современников ея) // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 664.

⁷ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 147.

⁸ Соловьев С.М. Соч. Кн. IV. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 8. С. 427.

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 149. Оп. 1. Д. 61.

¹⁰ Там же. Д. 66.

¹¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 8. С. 539.

¹² Акты времени междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.). М., 1915. С. 8–44.

- ¹³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1611 г.); Д. 4. (1613 г.); Д. 4. (1614 г.); Д. 2. (1615 г.); Оп. 3. Д. 16; Ф. 156. Оп. 1. Д. 86.
- ¹⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 8. С. 651, 652, 658.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 10.
- ¹⁶ Там же. Д. 6, 7.
- ¹⁷ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. См. также: Ф. 149. Оп. 1. Д. 14, 18(б), 29, 39, 41.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 249.
- ²⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 8. С. 423.
- ²¹ РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 7, 8, 10, 11, 18, 21, 24, 26, 30, 34, 38, 43(а), 43(б), 44–50(а).
- ²² Там же. Д. 40.
- ²³ Там же. Д. 22.
- ²⁴ Там же. Д. 15.
- ²⁵ Там же. Д. 18(б).
- ²⁶ Там же. Д. 18(а).
- ²⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. I: А–З. СПб., 1992. С. 237.
- ²⁸ Дневник Марины Мнишек. С. 39.
- ²⁹ Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведётся ...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII века. М., 1988. С. 37–38.
- ³⁰ Соловьев С.М. Соч. Кн. V. История России с древнейших времен. М., 1990. Т. 9. С. 317.
- ³¹ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 103–104.
- ³² Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 8. С. 433.
- ³³ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 279.
- ³⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиою. СПб., 1841. Ч. 2. С. 357, 365, 366 (далее – Акты исторические).
- ³⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1–2. С. 123.
- ³⁶ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 302.
- ³⁷ Акты исторические. Ч. 2. С. 357, 365, 366.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1610–1612 гг.); Оп. 2. Д. 13, 17, 18.
- ³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 4. (1610 г.).

- ⁴⁰ Phipps G.M. Sir John Merrick English Merchant – Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville (Mass.), 1983. P. 182.
- ⁴¹ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.
- ⁴² Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1912 гг.). СПб., 1912. Т. 1. С. 390.
- ⁴³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 43.
- ⁴⁴ Опись архива Посольского приказа 1673 г. (далее – Опись 1673 г.). М., 1990. Л. 1028–1045
- ⁴⁵ Там же. Л. 1046–1071.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 138. Д. 1667/26. Л. 2–3.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 63. Л. 9об.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1658/1. Л. 2.
- ⁴⁹ Демидова Н.Ф. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 152–167.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 19. Л. 100–103.
- ⁵¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 87.
- ⁵² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия... С. 23.
- ⁵³ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 247–272.
- ⁵⁴ Лисецкий Д.В. Посольский приказ в начале XVII века: Источниковедческое исследование. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; Гуськов А.Г. Великое посольство 1697–1698 гг. Источниковедческое исследование. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Шандор Гебеи

**Дипломатические переговоры
Швеции и Трансильванского княжества
по разделению Речи Посполитой
в 1656 году**

В процессе исследования международных отношений Восточной и Центральной Европы XVII в. историки пришли к общему согласию, что с середины столетия Россия начинала играть все большую роль в перераспределении политических сил в этом регионе. Среди динамичных, экспансивных, даже агрессивных стратегических направлений ее внешней политики начиная с 50-х годов XVII в. нам хотелось бы рассмотреть роль России в войне Трансильванского княжества против Речи Посполитой.

Начнем с незначительного эпизода в трансильвано-русских отношениях. В 1656 г. царь Алексей Михайлович, поменяв польскую войну на шведскую, как раз был занят штурмом Риги, когда посол трансильванского князя Дёрдя II Ракоци – Дёрдь Рац, человек православного вероисповедования, знаяший славянские языки, прибыл в русский лагерь. Носивший уже тогда титул «государя Великой, Малой и Белой Руси» русский царь не только дружелюбно принял прибывшего издалека посла, но и был готов установить дипломатические отношения. Царь не отказался и от обсуждения общих проблем, касавшихся Трансильванского княжества и России, т. е. от обмена мнениями по вопросу будущего Польско-Литовской дворянской республики.

Царь Алексей Михайлович, который в 1656 г. в Вильно (совр. Вильнюс в Литве) при посредничестве Австрии согласился приостановить войну против Речи Посполитой и которому там же и тогда же польские делегаты предлагали польский королевский титул, стремился, по крайней мере, удержать Дёрдя II Ракоци от польской войны, особенно от союза с врагом России – Швецией.

Русское предупреждение, так же как и предупреждение контролировавших этот регион великих держав (Габсбургской монархии и Османской

империи), не возымело нужного влияния, напротив, мы можем быть свидетелями группировавшихся на стороне Швеции так называемых вассалов. В сентябре 1656 г. в трансильванском городе Дюлафехерваре (совр. Альба Юлия в Румынии) родился союз Трансильванского княжества и считавшегося подданным русского царя Запорожского войска, в ноябре 1656 г. было подписано шведско-бранденбургское военное и политическое соглашение, а спустя немногим менее месяца – шведско-трансильванское.

Поскольку детали последнего соглашения менее известны в исторической литературе, хотя оно повлияло и на польско-русские отношения, мы решили посвятить настоящую статью этому кругу вопросов, который, на наш взгляд, привлечет внимание российских исследователей.

Предложение военной помощи со стороны Ракоци весной 1656 г. оказалось для шведского короля Карла Густава весьма кстати, поскольку из-за военных поражений (Големб, Варка) и объявления Россией войны Швеция была вынуждена наряду с бранденбургским фронтом угрожать Польше и со стороны Малой Польши (Краков). Для того, чтобы эта потенциальная угроза превратилась в настоящий источник опасности, следовало только подтвердить ход мыслей Ракоци. Таким образом, не следовало делать ничего другого, как пообещать ему часть польских территорий. В мае Карл Густав отправил в Трансильванию двух опытных дипломатов Целестина Штернбаха (Стернбаха) и Готтарда Веллинга, снабдив их подробными инструкциями¹.

Сначала посланники короля предложили сепешские (или спишские) города, естественно в форме шведского феода или шведского графства (*Grafschaft von dem Königreiche Schweden*)². Для Карла Густава было совершенно ясно, что эта «подачка» не может реализовать «союз оружия» (*in armorum societatem*), поэтому король попробовал сделать свое обещание более привлекательным, предложив впридачу часть Русского (Львовского) воеводства. Шведский король уступал князю «*ex palatinatu Russiae districtus duos: primo Haliciensem districtum*» (район Галича), территорию, непосредственно прилегающую к границам Трансильванского княжества, а также «*secundo: Districtum Leopoliensem cum urbe et aliis suis appertinentiis*» (район Львова с городом и другими территориями). Русское воеводство с районами Перемышля и Санока вместе с территориями Бельзи и Хельми Карл Густав считал своими (*reservat ... sibi*), а шведско-трансильванская граница должна была бы проходить по верхнему течению Западного Буга, а также вдоль южных границ районов Перемышля и Санока. Ракоци мог распоряжаться этими новыми территориями по своему усмотрению, вплоть до наследования («*Supradicti ... districtus cum suis appertinentiis possunt accrescere et assignari principi Transylvaniae jure summae et independentis potestatis, eoque haereditario*»), кро-

ме того, мог выбрать себе новый титул, который ему больше нравился, хотя «следовало бы форсировать принятие титула галицкого великого князя», читаем мы в инструкциях, данных послам (*«existimare titulum et qualitatem magni ducis Haliciae»*). Карл Густав готов был разделить также Подолию, но об этом следовало вынести решение на основе предложений самого Ракоци³.

Инструкции распространялись и на методы убеждения, поскольку предстояло добиться «благорасположенности» Дёрдя II Ракоци в противовес полякам. Наряду с преимуществами военного союза со Швецией Штернбах и Веллинг подчеркивали ущемление протестантских интересов в Польше, возможность присоединения Трансильвании к протестантским державам (Англия, Голландия, Швеция), рост значения дома Ракоци и т. д. В наборе инструментов воздействия был даже подкуп. Доверенному лицу князя, Яношу Кеменю, за подготовку договора обещали солидный гонорар. Кроме самборской префектуры шведские послы сулили ему 5 тыс. имперских талеров в год (из краковских соляных доходов) и беспошлинный импорт 300 бочек венгерского вина (*«trecenta dolia vini Hungarici sine nullo vectigali»*)⁴.

Карл Густав рассчитывал на скорый успех, поэтому его посланцы взяли с собой в Трансильванию даже проект договора. Военный союз между Швецией и Трансильванией должен быть заключен «против польского короля Яна Казимира и его потомков» и иметь силу до конца польской войны или до заключения совместного мира. Швеция и государь Трансильвании должны сражаться отдельно, соответственно пакту, князь (*«occupet partes sibi in Polonia»*) должен оккупировать польские территории. 2 000 трансильванских солдат поступало на службу к шведскому королю, Швеция получала разрешение на вербовку в Венгрии и Трансильвании 2–3 тыс. солдат. Если военные обстоятельства потребуют, *«ex cuncti consensi»* две армии должны были объединиться под верховным командованием шведского короля. Если по каким-то причинам требовалось уточнить договор, представители обеих сторон могли начать отдельные переговоры⁵.

В июле 1656 г. политическое положение основательно было нарушено, когда посол Ракоци Янош Меднянски в новодворском лагере Карла Густава (у впадения Вислы в Нарев) коснулся проблемы, остававшейся до сих пор не затронутой: как отнеслось бы его королевское величество к тому, что трансильванский князь был бы избран польским королем⁶.

Из этого для шведов следовало, по крайней мере, три вывода. Во-первых, не оставалось сомнений, что польская дипломатия уже посулила Ракоци корону, к тому же предложение короны было куда заманчивее шведских обещаний. Во-вторых, очевидно в голову Дёрдя Ракоци уже запала мысль о приобретении польской короны, поэтому, выбирая между польскими и швед-

скими предложениями, он примет наиболее для себя выгодные. В-третьих, фiasco, которое потерпел Карл Густав на королевских выборах 1655 г., открывало дорогу к польскому трону другому кандидату, возможно, что и Ракоци.

На вопрос трансильванцев, заданный 3 (13) июля 1656 г., через три дня последовал ответ. За это время шведский король основательно все обдумал. Однозначно отказаться от польского трона он еще не был готов, поскольку пожалования польских территорий толковались как действия будущего польского короля, но в то же время он не мог оттолкнуть от себя Дёрдя Ракоци, так как военное положение не допускало вмешательства новой воюющей стороны. 16 июля король отправил с гонцом в Трансильванию дополнительные инструкции послам, чтобы его уполномоченные освоились с новой ситуацией. Инструкции предписывали: если на переговорах речь зайдет об избрании князя польским королем (*«si forte a celsissimo principe Transylvaniae... iniciatur de ejus electione in regem Poloniae»*), не следует отказываться от этого, но обязательно надо консультироваться одновременно со Швецией и Бранденбургом (*«simil consulatur»*)⁷.

Мы находимся в том счастливом положении, когда знакомясь с инструкциями, данными Яном Казимиром послам, можем заглянуть за кулисы происходивших событий. Личный секретарь короля Миколай Пражмовский в самое удачное время, после победы поляков под Варкой, обрисовал Ракоци весьма заманчивые перспективы. За помощь – военную или материальную – в войне со шведами, сына Ракоци изберут польским королем, однако коронация может быть только после смерти самого Яна Казимира. Молодому Ракоци необходимо сменить вероисповедание на католическое, жить при дворе короля, чтобы усвоить польские традиции. Административные посты при избранном короле могут принадлежать исключительно полякам. Ян Казимир и его супруга готовы признать Ференца Ракоци собственным сыном. Если же князь сам желает занять польский трон, говорилось в инструкции, то его следует отговорить от такой идеи. Протестант никоим образом не может быть избран королем католической державы, но если – предполагая невозможное – это случится, то Дёрдь Ракоци не сможет ступить на польскую землю, ибо законный король жив. Ракоци также не сможет лично возглавить армию против поляков, но обязан возложить командование на своего помощника. Максимум, чего мог добиться Дёрдь Ракоци, был титул *«rex electus»* вне Польши⁸.

Думаю, не будет ошибкой утверждать, что именно это похожее на ловушку, следующее принципу «получить, но не дать», предложение поляков возбудило у Ракоци интерес к польской короне, поскольку «торг» короной не мог быть не чем другим, как проявлением слабости государства. Вероятно, именно тогда по-настоящему созрело в нем решение осторожно поинтересо-

ваться мнением сильной стороны, т. е. Карла Густава, об этом щепетильном вопросе. Так, Ракоци могло показаться, что торговаться о короне можно и надо не с польским, а со шведским королем (посольство И. Меднянский). Его позиция на продолжавшихся переговорах резко переменилась в период с июля по сентябрь 1656 г. С одной стороны, потому что бранденбургский курфюрст все с большим недовольством отзывался о подписанным со шведами пакте, о непропорциональном бремени Бранденбурга, в результате чего роль Трансильвании возросла. С другой стороны, потому что проходящие между Трансильванией и Запорожским войском переговоры о заключении оборонительного и наступательного союза приближались к успешному завершению. Карл Густав просто не был в том положении, чтобы иметь возможность отказаться от объединенного военного потенциала Трансильвания (Молдавия, Валахия) – Запорожское войско.

Именно поэтому в Дюлафехерваре трансильванская делегация назначала все более высокую цену за вступление Трансильвании в войну. Торгом руководили сам Дёрдь Ракоци и его доверенное лицо Янош Кемень. В тех переговорах 11 августа, на которых разгорелся спор о территориальном разделе, приняли участие обе стороны. Ракоци говорил о том, что вступление в польскую войну весьма рискованно, так как ни Порта, ни Австрия не отнесутся с воодушевлением к союзу князя со шведским королем. Если все-таки шведско-трансильванское сотрудничество станет фактом, каким образом Швеция сможет защитить Трансильванию от нападения врагов? Штернбах и Веллинг говорили об эффективности большой коалиции – Швеция, Бранденбург, Трансильвания, Запорожское войско (Украина), а также о константинопольских и западноевропейских дипломатических успехах. Отбросив принятый в таких случаях вежливый тон, Кемень с необычайной резкостью поинтересовался: уполномочены ли послы обсуждать территориальные уступки? После положительного ответа шведов он перешел к конкретным проблемам.

Трансильвания не намерена обещать Швеции союз за передачу двух территорий Русского воеводства только потому, что предложенное пожалование было непропорционально риску. С другой стороны, Ракоци предложил, чтобы Карл Густав отказался от всего Русского воеводства, т. е. не только галицких и львовских территорий, но и от Санока и Перемышля, присоединив к указанным районам Бельзкое воеводство (*Palatinatum Belzensem cum districtu Sanocensi et Premisliensi concessissent*). Шведы резко протестовали, ссылаясь на то, что украинские интересы казаков не могут быть ущемлены, тем более что Украина находилась под их контролем (*excepta pro Cosaccis Ucraina*). Во всяком случае на новых переговорах следует уточнить пограничную линию, проходящую «*по территории от санокского района до Буга* и в

*Подлесье» (a districtu Sanocensi usque ad Bugum et Podlachiam)⁹. Вспыхнувшую из-за Белзского воеводства, Санока и Перемышля ссору Ракоци якобы прекратил следующим заявлением, которое можно быть воспринять и как угрозу: поляки готовы признать его, Дёрдя Ракоци, своим защитником (*ihn die Polen freiwillig zu ihren Beschützer annehmen mögten*)¹⁰.*

Несмотря на неприятную сцену, переговоры продолжались. Кемень и пара Штернбах–Веллинг отказались от горячности и во второй раз приступили к обсуждению проблемы. Пока шведы удивлялись жадности Ракоци (*nach mehreren begierig war*), выяснилось, что поколебать трансильванскую точку зрения невозможно. Трансильванский магнат категорически заявил, что, если Трансильвания не получит упомянутые территории, на объединение военных сил нет никакой надежды (*keine Hoffnung zu einer Vereinigung der Waffen*). Шведы были вынуждены уступить. В конце концов они предложили Ракоци все требуемые им воеводства с зафиксированным в отдельном соглашении титулом, а также с условием, что князь может получить во владение новые территориальные приобретения только после объединения своих военных сил со шведской армией. В ответ на это Кемень сразу же поднял цену военного сотрудничества. Князь хотел быть уверен, что «*Carolus Gustavus ... dignitatem regiam in Polonia usurparurus ipse, an eandem in alium translaturus sit?*» (*Сохранит ли Карл Густав статус польского короля за собой или уступит его другому?*). Ведь ради таких незначительных территорий, как Русское и Бельзкое воеводство, не имеет смысла рисковать покоем Трансильвании. По мнению Яноша Кеменя, князь спокойно мог претендовать на территории до Буга, на Krakow и на доходы с соляных копей Малой Польши¹¹. Эту явную жадность не могли удовлетворить даже подробные инструкции Карла Густава. Штернбах и Веллинг обратились к королю за дополнительными указаниями.

15–25 октября в Фрауэнбурге Карлом Густавом было составлено поручение и быстро отправлено Штернбху и Веллингу. Оказалшийся в трудном положении король принял все требования и условия трансильванского князя и так инструктировал своих послов, что «все Русское воеводство и Бельзкое старство со всеми землями и принадлежностями» (*in satisfactionem totum palatinum Russiae et Satrapiam Belensem cum omnibus singulisque suis terris et pertinentiis*) может быть отдано Ракоци, но только в том случае, если вопрос о принадлежности названных территорий не отравит отношения Трансильвании и Запорожского войска. Никогда не упускайте из виду самую главную цель, указывало королевское напутствие, что коалиция Швеция–Трансильвания–Запорожское Войско должна противостоять «общему врагу», ничто не может помешать совместному военному нападению. Под знаком этой стратегии шведский король согласился на королевский титул для Ракоци (*princeps regia*

dignitate in Polonia coronetur) и даже обещал повлиять в этом направлении «на бранденбургского курфюрста и казаков»¹². Если Дёрдь Ракоци попросит за военный союз краковское воеводство вместе с городом, коснулся Карл Густав нового центра напряженности, послы должны действовать осмотрительно. За город Краков надо назначить высокую цену. Князь может получить наряду с короной и древний коронационный город за 1 млн, минимум 400–500, имперских талеров. Такую сумму надо положить в залог в Штеттине или Гамбурге, шведский гарнизон Кракова останется в городе до прибытия этой суммы.

Шведский король был необычайно либерален и в отношении Запорожского войска. Среди его предложений фигурировали следующие: «украинская свободная республика» (*libera respublica in Ucraina*), или полная автономия в рамках Польши, или доля в разделенной Польше (*Polonia laceranda sit*), или, по их усмотрению, признание власти короля (*sub quo Rege potissimum vivere placeat?*). За максимальными уступками стоял разрыв русско-казацких связей, поскольку король прекрасно использовал обстоятельства, которые отравляли русско-казацкие отношения. По указаниям, данным послам, Хмельницкого следует убеждать, что Россия не только ущемила, но уничтожила свободу казаков. Царь Алексей Михайлович, государь Малой и Белой Руси, нё удовлетворен титулом великого литовского князя, он провозгласил себя также государем Волыни и Подолии. Эти территории должны принадлежать казакам, равно как они должны владеть и Киевом. Швеция предложила помочь Запорожскому войску, чтобы казаки взяли себе в законное владение Киев, «освободились от московских гарнизонов» (*oppida a praesidis Moscicis liberandi*), чтобы выбрали для себя наиболее благоприятное будущее. За предложение союза король рассчитывал получить из района Днепра 30 тыс. казаков¹³.

Казалось, что усилия Карла Густава увенчиваются успехом, под договорами Швеции с Трансильванией и Запорожским войском осталось только поставить подпись, кольцо вокруг Польши окончательно сомкнулось. Однако тщательно спланированная или выглядевшая такой концепция в ноябре 1656 г. претерпела третий кризис. Эту третью волну снова вызвал бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм.

Восемнадцатисячная шведско-бранденбургская коалиционная армия, которая сражалась на польском фронте – почти половина её (8 500 человек) были солдатами Фридриха Вильгельма¹⁴ – хотя и не потерпела поражения, была вынуждена обороняться. Эта армия находилась в Польше в качестве завоевателя, но не победителя. Обещанная шведским королем быстрая победа не состоялась, доля в разделе польской добычи не была получена и в преддверии завершения военного года. Карл Густав также чувствовал это все более усложняющееся положение, поэтому был готов в третий раз сесть с Фридри-

хом Вильгельмом за стол переговоров. Подчеркиваем, что привилегии, данные Бранденбургу заключенным 10 (20) ноября 1656 г. в Лабяве соглашением, иллюстрируют слабеющие позиции Швеции.

Ни с кем не желавший в 1655 г. делиться, «северный лев» после длившегося полтора года спора был вынужден выпустить из своих рук Прусское княжество. Бранденбургский курфюрст и его «законные прямые наследники» получили полный суверенитет над Пруссией и ермландским (вармским) епископством, и это право у Бранденбурга не могли оспаривать в будущем ни польский король, ни шведский. Последний договорился с бранденбургским курфюрстом как с суверенным государем, князем Пруссии, о том, что обе стороны на собственные деньги снаряжают на польскую войну по 3 500 пехотинцев и по 1 500 всадников, а сама война может быть завершена только взаимовыгодным миром¹⁵.

К договору было приложено тайное, состоящее из четырех пунктов дополнение. Здесь были указаны подлежащие аннексии территории. Швеции доставалась Померания с Кашубией, вся Литва, Курляндия с Семигалией, Самогития (Жмудь или Жемайтия). Бранденбургу, в зависимости от заключающих войну переговоров, переходило бы четыре воеводства Великой Польши или их большая часть. В дальнейшем Швеция не получит долю в доходах от таможенных пошлин прусских портов, но в случае нужды – только в случае военной опасности – будет защищать порты курфюршества. На основе тайного дополнения Швеция могла рассчитывать на военную помощь Бранденбурга исключительно только в Польше, в захваченных же Швецией на побережье провинциях (Померания, Ливония, Курляндия и т. д.) – нет¹⁶.

Одновременно со шведско-бранденбургской встречей шведские и трансильванские уполномоченные в третий раз собирались для продолжения переговоров. В Трансильвании дела шли как в Лабяве. Карл Густав отступил почти во всех спорных вопросах, в интересах Ракоци он выполнил почти все условия. Бранденбургская (мальборкская) инструкция от 14 (24) ноября 1656 г. торопила Штернбаха как можно быстрее закончить переговоры. Карл X больше «не мелочился», Ракоци мог приобрести себе в Польше достойную часть польского королевства. Не настаивая на линии Западного Буга как пограничной, Ракоци был готов признать за Польшей Подлесье (до реки Нарев) на север от Западного Буга и Мазовию на запад. Он хотел удержать только устье Буга и Нарева, Нарева и Вислы и расположенный здесь Новодвор (Новы Двор)¹⁷. Объясняется это тем, что Новодвор защищал бы восточные и юго-восточные границы воображаемой новой Швеции.

В ноябре 1656 г. Швеция – по версии короля – выглядела бы следующим образом: Померания, Самогития, Курляндия, Семигалия, внутренние

части Пруссии (Боруссии) до Двины, или до Буга (*parti Bugi vel Dunaे ... adjacet*) и Куявия, восточная граница которой – Нарев (*linea nostra ex Cuiavia correspondeat fluvio Narvae*). Пограничная линия великопольских территорий Швеции и Бранденбурга располагалась по реке Нотец – граница Куявии на западе, но таким образом, чтобы оба берега реки находились под шведским господством (*Cuiaviam aut quod ab utraque Notessii parte ... Nobis competit*). Представляя интересы князя Радзивилла, Карл Густав подчеркивал, что Ракоци должен признать суверенитет литовского магната, его суверенное государство, которое состоит из Слуцкого княжества и Новогрудского воеводства, а также из частных владений Радзивилла (*nostra sententia est, ut exceptis ducatu Slucensi et palatinatu Nowogrodensi ... jure habeantur*)¹⁸. Определенное Радзивиллу государство – это находящиеся на территории современной Белоруссии лесистые болотистые территории по Припяти и верхнему течению Немана.

Позиция Карла Густава понятна. Он сделал вывод из польского фиаско, однако еще не покорился. От титула польского короля он с легким сердцем отказался, потому что извлек необходимые уроки из своей попытки годичной давности – безуспешного созыва сейма для избрания короля в Варшаве. Он даже был рад тому, что на дипломатической арене появился добровольный претендент Ракоци. Карл Густав ответственно или безответственно мог смело превзойти поступки Яна Казимира, потому что наряду с титулом предложил государство.

В ноябре 1656 г. Дёрдю Ракоци и Михаю Микешу представился случай наряду со шведским взвесить и предложение поляков. Чтобы уменьшить шведское влияние придворный маршал Ежи Любомирский отправил к Ракоци своего родственника, галицкого прапорщика Михала Станиславского. «...My suppetias potrzebowali w ludziach i pieniadzach, in recompensum offerebatur Regnum» (Мы просили солдат и денег за королевство)¹⁹.

Не случайно Дёрдь Ракоци был разгневан просьбой Любомирского, ведь в предложениях польских магнатов (С. Потоцкого, Е. Любомирского) и польского короля (посольство Пражмовского в мае) постоянно повторялось одно и то же. Поляки желали получить деньги и трансильванское войско за пустое обещание *electus non coronatus* или за усыновление королем сына Ракоци. Несравненно приятнее и авторитетнее было выбирать, какой из предложенных Карлом Густавом титулов наиболее подходит тщеславному государю Трансильвании: «*Caeterum titulo regni sive Minoris sive Citerioris sive Orientalis Poloniae sive etiam regni Haliciae et dominii Minoris Poloniae, ducis Lituaniae... se scribere possit...*»²⁰. Ракоци вообще не задумывался над тем, что он не мог пользоваться подписями и печатями короля Малой Польши, Цис-Польши или

Восточной Польши, или короля Галиции и территории Малой Польши, великого князя Литовского княжества в отношениях со Швецией и Бранденбургом.

Карл Густав очень хорошо почувствовал слабые стороны трансильванского князя. Представляющая польскую корону Малая Польша вместе с Mazovиeй и Подлесьем составляла уже такой комплекс территорий, за получение которого Ракоци был готов забыть даже о турецкой угрозе и вступить в борьбу с врагами Швеции.

Самая тайная часть ноябрьского мандата занималась вопросами ратификации, представляя Карлу Густаву правовой выход из любого ранее непредвиденного положения. Хитрость и лукавство шведского короля состояла в том, чтобы армию Ракоци «как можно быстрее» (*«primo quoque tempore»*), уже зимой, когда дороги замерзли и проходимы, «у Ловича» (*«circa Lovitium»*), на запад от Варшавы, по крайней мере в 700 км от Трансильвании или «в другом месте» (*«alio in loco»*)²¹ соединить со шведской армией. По сути дела, король стремился использовать военный потенциал Трансильвании еще до ратификации, до предоставления правовой ответственности и гарантий, чтобы поставить в зависимость от военного положения или отложить этот дипломатический акт. Карл Густав просто устроил Дёрдю Ракоци ловушку. Шведские послы тайно получили задание в целях успокоения торопящего ратификацию Ракоци ссылаться на традицию, т. е. на то, что одобрение проведенных министрами переговоров всегда было и есть прегоративой короля. «В течение весьма короткого времени» (*«nec diu»*) договор будет ратифицирован и Швецией²². 6 декабря в Радноте был подписан шведско-трансильванский договор, по которому Польша была разделена между пятью государствами (Швеция, Бранденбург, Трансильвания, Запорожское войско, Литва)²³.

Было бы ошибкой думать, что Ракоци начал польский поход без гарантий из-за своей неосведомленности в традициях или неопытности в дипломатических делах. Он прекрасно понимал «хореографию» международных договоров. Он до тех пор ничего не сделал для отправки готовой в поход армии, пока Богдан Хмельницкий, запорожский гетман, совместно со своим командованием не поклялся по предложенной Ракоци формуле соблюдать союзный договор от 7 сентября. Ракоци не сделал ничего другого, как строго следовал букве договора. В отношении Карла Густава он не решился на такой шаг и, напротив, несмотря на неблагоприятные погодные условия, сам торопил начало зимнего похода. Очевидна разница по отношению к двум сторонам. В Хмельницком он признавал только полководца (*campiductor*), солдата, но не принимал его как политика, руководителя государства, равного себе политического партнера по переговорам. Он восхищался Карлом Густавом, чувство-

вал качественное отличие княжеского достоинства от королевского, слепо верил в непоколебимость слова короля.

Анализируя политические ошибки и оплошности Дёрдя Ракоци мы можем решительно заявить, что политические цели трансильванского князя и казацкого гетмана расходились. Заинтересованное в уничтожении Польского королевства Запорожское войско было солидарно с Дёрдем Ракоци не в том, чтобы посадить князя на польский трон, а в том, чтобы стереть с лица земли Польское королевство, чтобы Польское королевство не сохранилось даже в титулах.

Факт отсутствия ратификации шведами договора и незнание целей казаков уже само по себе было достаточной причиной для сомнений в исходе похода. Все же самым серьезным недосмотром Дёрдя Ракоци явилось то, что он неверно оценивал действие европейской политической системы. Коалиция, созданная в целях раздела Польши, активизировала европейские великие державы – Габсбургскую монархию, Османскую империю и Россию. Равновесие сил необходимо было восстановить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hiltebrandt C.J. Dreifache schwedische Gesandtschaftsreise nach Siebenbürgen, der Ukraine und Constantinopel (1656–1658).* Leiden, 1937.

² *Pufendorf S. Sieben Büchern von denen Thaten Carl Gustavs Königs in Schweden.* Nürnberg, MDCXCVII. Drittes Buch. S. 222 (далее – *Pufendorf S. Drittes Buch*).

³ *Szilágyi S. Erdély és az északkeleti háború. levelek és okiratok.* Bp., 1891. II. köt. 137, 141. old. (далее – *Szilágyi S. Erdély*).

⁴ *Ibid.* 140. old.

⁵ *Ibid.* 140–141. old.

⁶ *Ibid.* 142. old.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Kubala L. Wojna szwecka w roku 1655 i 1656. Szkice historyczne.* Lwów, 1913. S. 310–311; *Walewski A. Hystorya wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza (1655–1660).* Kraków, 1868. T. II. S. 3; *Жерела до історії України–Руси. Т. 12. Матеріали до історії української козаччини / Вид. під загальн. ред. М. Грушевського. Т. 5. Акти до хмельниччини, 1648–1657 / Від. М. Кордуба.* Львів, 1911. С. 373 (далее – Жерела).

-
- ⁹ *Pufendorf S.* De rebus a Carolo Gustavo Sveciae Rege gestis commentariorum Libri septem. Norimbergae, MDCXCVI. Liber III. (далее – *Pufendorf S.* Liber III).
- ¹⁰ *Pufendorf S.* Drittes Buch. S. 224.
- ¹¹ Ibid. S. 224–225.
- ¹² *Szilágyi S.* Erdély. 177–179. old.
- ¹³ *Pufendorf S.* Liber III. S. 205–207.
- ¹⁴ *Neuber A.* Der schwedisch-polnische Krieg und die österreichische Politik (1656–1657). Prag, 1915. S. 23.
- ¹⁵ *Pufendorf S.* Drittes Buch. S. 188.
- ¹⁶ Ibid. S. 189.
- ¹⁷ Ibid. S. 226–227.
- ¹⁸ Ibid. S. 226; *Szilágyi S.* Erdély. 185–186. old.
- ¹⁹ Жерела. С. 408.
- ²⁰ *Pufendorf S.* Drittes Buch. S. 226; *Szilágyi S.* Erdély. 185. old.; *Walewski A.* Op. cit. T. II. S. 4–5.
- ²¹ *Szilágyi S.* Erdély. 184. old.
- ²² Ibidem; *Pufendorf S.* Drittes Buch. S. 227.
- ²³ *Grondski S.* Historia belli Cosacco-Polonici, (conscripta authore Samuele Grondski de Grondi, anno MDCLXXVI). Pestini, 1789; *Szilágyi S.* II. Rákóczi György. Вр., 1891. 170. old.; *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. Тернополь, 1889. С. 39 (Русская историческая библиотека. Т. 12); *Павлищев Н.И.* Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. Ч. II // *Павлищев Н.И.* Сочинения. СПб., 1878. Т. 2. С. 199.

Г.А. Санин

Россия, Украина и Трансильвания в системе международных отношений середины XVII века*

Формировавшийся в конце XVI – начале XVIII в. абсолютизм перестраивал по-новому всю жизнь европейских народов, сочетая черты старого, феодального строя и развивающегося нового социально-экономического уклада. Этот процесс отразился и на формировании системы международных отношений.

Вопрос о сущности термина «система международных отношений» и о применимости его к европейской международной ситуации середины XVII в. был поднят в советской историографии Б.Ф. Поршневым в конце 60-х годов XX в.¹, но так и не стал предметом специальной научной дискуссии, хотя отмеченные автором различные точки зрения на понимание этого термина имеют место и по сей день.

Одна из точек зрения была высказана французским историком и социологом Раймоном Ароном в книге «Мир и война между народами», опубликованной в Париже в 1962 г.² Он полагает, что говорить о сложившейся системе международных отношений можно только тогда, когда между государствами «существуют прямые регулярные отношения и прямой учет силы»³, когда установилась «всеобщая универсальная связь всех со всеми»⁴. Такой тип системы международных отношений, считает Р. Арон, возникает примерно в середине XVIII в., во времена просвещенного абсолютизма, и достигает наивысшего расцвета в XX в. (Венская система международных отношений 1815 г., Версальская система 1919 г.).

По мнению Б.Ф. Поршнева, о системе международных отношений можно говорить и применительно к более ранним этапам истории. Он отмечает её существование уже в конце XVI в., подчеркивая, что строилась она на

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

иных принципах и имела другой вид: «Не было ещё всеобщей универсальной связи всех государств со всеми. Каждое вело политику по отношению к своим соседям, которых только как следует и знало. Два народа или два государства могли в историческом прошлом объективно находиться в каком-то взаимном отношении, даже и не подозревая о существовании друг друга. Между ними была цепная, непрямая, опосредованная связь»⁵. Такой тип системы международных отношений Б.Ф. Поршнев прослеживает в конце XVI в., но он существовал значительно раньше. И.В. Можейко исследует такую «цепную связь» народов и государств от Индокитая и Японии до Палестины, Руси, Византии, Рима и Англии в 1185 г.⁶ Вероятно, её можно проследить и во времена античного мира.

К началу Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., в которую были вовлечены в основном Франция и Священная Римская империя, упрочились экономические, политические, культурные и прочие взаимосвязи стран и народов, усложнились объединяющие, или, напротив, взаимоисключающие интересы. Логика международных отношений требовала от их участников для достижения своих целей искать всё более отдаленные связи и союзников. Как утверждал Б.Ф. Поршнев, «сплеталась и складывалась уже весьма широкая, если не всеобщая, система взаимосвязанных договорами, или, напротив, враждебностью, государств»⁷.

Процесс формирования нового типа системы международных отношений, основанной на «всеобщей связи всех со всеми», завершился в ходе Тридцатилетней войны и был юридически оформлен решениями Вестфальского конгресса в Мюнстере и в Оsnабрюке (Вестфальский мир 24 октября 1648 г.). Европейская значимость зафиксированной Вестфальским миром новой системы международных отношений объяснялась главным образом тем, что в работе конгресса участвовали все государства Европы, кроме охваченной революцией Англии и России.

Предшествующая система «цепной связи» складывалась в значительной мере «эмпирически», при отсутствии выработанных и общепризнанных постулатов международного права. Всеевропейский характер Вестфальской системы основывался на общепризнанных теоретических положениях и юридических нормах, сформулированных ещё Н. Макиавелли в его знаменитом сочинении «Государь» (1533), нидерландцами Балтазаром Айлой в книге «О праве войны и военных учреждениях» (1582) и Гуго Гроцием в трудах «Свободное море» (1609 г.) и «О праве войны и мира» (1625).

Разработанные в этих общепризнанных работах нормы и принципы международных отношений провозглашали прежде всего соблюдение «государственного интереса» своей страны (не династии! Впрочем, она часто отождествлялась дипломатами и правителями со страной и государством). Дос-

тичь этого «государственного интереса» предполагалось путем поиска союзников, формирования блоков государств и поддержания таким образом нужного «равновесия сил». Официально целью «равновесия сил» провозглашали не выгоду своего государства, а сохранение «справедливого мира». Одним из средств обеспечения «государственного интереса» было установление «естественных границ» своей страны, которые должны были находиться в прямой зависимости от силы державы и проходить по очерченным природой и хорошо защищенным рубежам.

К середине XVIII в. сложились два противостоящих блока государств, внешняя политика каждого из которых определялась прежде всего своими национальными интересами, но была связана либо с австрийскими Габсбургами, либо с соперничающей с ними за преобладание в Европе Францией (габсбургская и антигабсбургская (или бурбонская) группировки держав).

Впрочем, необходимо отметить, что Вестфальская система не столько сформировала равновесие сил, сколько обеспечила их перевес в пользу Франции и её союзников (в данном случае уместнее говорить не о равновесии, но о балансе сил). Присоединив Эльзас и Лотарингию, Франция вышла к среднему течению Рейна и начала осуществлять геополитическую концепцию Армана де Ришелье о «естественнých границах» страны на востоке по левому берегу Рейна и на юге по Пиренеям. Священная Римская империя германской нации всё больше децентрализовалась, и германские князья фактически не зависели от императора в Вене, получили право самостоятельной внутренней и внешней политики, свободу выбора конфессии. Став независимыми от Вены, германские князья попадали под влияние Парижа. Обострилось франко-австрийское соперничество и в Северной Италии. Получали независимость Нидерланды и Швейцария. После 1648 г. Франция явно преобладала на политической карте Западной и Центральной Европы, не только расширив свои владения, но и объединив вокруг себя значительную часть германских князей, Баварию, Нидерланды, Швейцарию, Швецию.

Габсбурги теряли свои позиции в империи, власть Фердинанда III над немецкими князьями значительно ослабела. Вместе с тем распространенное мнение о том, что Вестфальский мир «фактически покончил с империей»⁸, принципиально неверно: католический (габсбургский) блок государств продолжал существовать, в него входили: Речь Посполитая, Венеция, Бранденбург, до 1659 г. Испания. Позднее к перечисленным присоединились Англия и Нидерланды. Имперскому послу на Вестфальском конгрессе фон Траутмансдорфу удалось полностью сохранить австрийские владения Габсбургов и тем самым обеспечить со временем новый подъем их политического влияния.

Преобладание Франции в Европе, конечно же, вызывало раздражение не только при императорском дворе в Вене, но и почти во всех странах, в том

числе и среди её союзников. Недовольство ширилось вместе с ростом могущества французского короля Людовика XIV и увеличением подвластной ему территории. Осенью 1659 г. была победоносно завершена изнурительная война с Испанией, начавшаяся ещё в 1635 г. По Пиренейскому миру у побежденного Филиппа IV Габсбурга отобрали часть Люксембурга, Артуа (у берегов пролива Па-де-Кале), Гагенау и предгорье Пиренеев – Руссильон. В 1660 г. Людовик XIV женился на дочери Филиппа IV Марии-Терезии, вынудив Испанию идти в русле французской политики, а заодно получив право претендовать на испанский престол⁹.

Европейская система международных отношений начинает постепенно меняться после того, как Франция победоносно завершила франко-голландскую войну 1672–1679 гг. и по Нимегенскому миру получила Камбрэ и Валансен в Бельгии и Франш-Конте на восточных границах. Чрезмерное усиление Людовика XIV тревожило других «потентатов», и против него сформировалась Аугсбургская лига в составе Нидерландов, Испании (впоследствии перешедшей на сторону Франции), герцогства Савойя, императора Леопольда I Габсбурга и недавнего «друга» Франции – Швеции. Кольцо врагов вокруг Франции замкнулось, когда в Англии в 1688 г. произошла «Славная революция» и на королевский престол избрали штатгальтера Нидерландов Вильгельма Оранского. Англия была обеспокоена ростом силы Франции на океанских путях и в колониях, а потому примкнула к её противникам. Кризис разразился войной за испанское наследство 1701–1713 гг. и завершился в мире Утрехте¹⁰, который привел к формированию новой, Уtrechtской системы международных отношений.

Вместе с тем объяснять Вестфальскую систему исключительно франко-габсбургским соперничеством, как это имеет место в исторической литературе, представляется излишне упрощенным. Система эта была не столько биполярна, сколько полицентрична. Полицентричность объясняется прежде всего делением Европы на своего рода регионы по внешнеполитическим целям и центрам противоречий. О регионе Центральной и Западной Европы говорилось выше.

Другой регион и другой блок внешнеполитических отношений, составлявший Вестфальскую систему, охватывал Скандинавию и Балтийское побережье, на котором Швеция по Столбовскому мирному договору с Россией 1617 г. и Вестфальскому миру получила стратегически важные участки: Карелию, Ижору и устье Невы у России, устья почти всех судоходных рек Речи Посполитой, имперские территории Западной Померании и остров Рюген. Во второй половине XVII в. Швеция ставила целью захватить всё побережье Балтийского моря и взять под контроль политику и торговлю прибалтийских

стран. Это неизбежно сталкивало шведское королевство с Речью Посполитой, монархией Габсбургов, Данией, Россией, Бранденбургом и Мекленбургом.

В юго-восточном регионе Европы и частично в её центре стержнем политической ситуации было отражение агрессии Османской империи и стремление Габсбургов сохранить господство на Дунае и расширить его на Балканы. Закрепить свое влияние на Дунае и на Балканах пыталась и Речь Посполитая. Органически вписывалась в этот блок противоречий борьба Трансильванского княжества за независимость¹¹.

В европейскую политику органически вплетался регион Восточной Европы, где в середине XVII в. шла война между Россией и Украиной против Речи Посполитой за украинские, белорусские и западнорусские земли. К этому же региону можно отнести и противоречия России, Украины и Речи Посполитой с Османской империей и Крымским ханством, порожденные необходимостью отражения постоянных нападений татарских отрядов и агрессией османов на украинские и южнорусские земли.

Конечно же, подобное деление Европы на регионы носит достаточно условный характер, но вместе с тем оно отражает несомненный факт: «цепная связь» государств, характерная для более ранней системы международных отношений, сохранилась и дополняла Вестфальскую систему. События в одном регионе прямо, или опосредованно, влияли на ситуацию в другом. Скажем, англо-голландская морская война 1654 г. косвенно влияла на отношения России и Речи Посполитой, а от хода турецко-венецианской войны 1646–1669 гг. зависела активность военных действий татар и турок против России и Речи Посполитой.

Тем не менее, при отмеченном «полицентризме» Вестфальской системы практически исчезало понятие «центра» и «периферии» политики. Для Франции «периферией» была борьба трансильванского князя Дёрдя II Ракоци с Османской империей, или с Речью Посполитой. Так же как для Варшавы или Москвы «периферией» была франко-испанская война 1635–1659 гг.

Каким образом в эту международную систему вписывались Россия и Трансильвания? И Россия, и Венгрия находились в принципе в одной и той же geopolитической зоне: на «стыке» европейского и азиатского типов цивилизаций, в весьма беспокойной и опасной «контактной зоне» и вместе с другими славянскими народами они «прикрывали» Европу своими щитами от нападений кочевников и вторжений османов. Одновременно и русским и венграм приходилось отбиваться и от постоянного давления западных соседей, появившихся на их землях.

В ходе глубокого структурного кризиса, охватившего Россию в начале XVII в. (Смутное время), она потеряла последний клочок побережья Финского залива в устье реки Невы, который по Столбовскому миру 1617 г. отошел к

Швеции. Деулинское перемирие 1618 г. с Речью Посполитой передало польско-литовскому государству Смоленск, Северскую Украину и Чернигов с прилегающими землями. С юга постоянно нападал крымский хан, сформировавшаяся к 80-м годам XVI в. система обороны южных границ России с помощью засечных черт была к этому времени полностью разрушена, и татарские отряды доходили до Москвы.

Следовательно, в XVII в. перед Россией стояли три geopolитические проблемы: во-первых, воссоединение с ней западнорусских, а затем украинских и белорусских земель; во-вторых, обеспечение безопасности южных границ со стороны Крымского ханства и Османской империи; в-третьих, возвращение выхода в Балтийское море. Решение названных geopolитических проблем неизбежно сталкивало Россию с Речью Посполитой, Швецией, Османской империей, монархией Габсбургов, а через них по «цепной связи» Москва включалась и в Вестфальскую систему международных отношений. Одновременно решить все три geopolитические проблемы, стоявшие перед восточным славянством едва ли не со времен великого переселения народов¹², Россия не могла ни в XVII в., ни в XVIII в., и дело здесь не только в недостатке сил: одновременное решение исключалось существовавшей системой международных отношений.

Наиболее важной проблемой было возвращение Смоленска, находившегося в опасной близости от Москвы. К тому же польские короли до 1634 г. открыто претендовали на российский престол. Лишь по Поляновскому миру, закончившему неудачную для России Смоленскую войну 1632–1634 гг., Речь Посполитая отказалась от этих претензий, но планы овладеть западнорусскими и украинскими землями возникали в магнатских кругах вплоть до разделов Польши в XVIII в.

Война с Речью Посполитой делала реальным союз России и Швеции, ибо последняя враждовала с Польшей и стремилась к захвату балтийских берегов, а при удаче и всей Речи Посполитой. Такой вариант требовал отказа от попыток вернуть утраченные берега Балтики и максимально возможного спокойствия на южных рубежах. Война против Речи Посполитой обостряла отношения России с Австрией, ибо императоры Священной Римской империи видели в Польше естественного союзника в антиосманской борьбе и вовсе не желали ослабления союзника.

Напротив, война России и Швеции делала возможным союз Москвы, Варшавы и Копенгагена, заметно сближала интересы Вены и Москвы. В войне 1655–1660 гг. Речь Посполитая, Дания и монархия Габсбургов заключили союз против Швеции, притянуть к которому Россию не удалось. Естественно, союз с Польшей требовал отказа от воссоединения русских, украинских и белорусских земель.

Наконец, третий вариант – борьба против Османской империи и последующее продвижение к Чёрному морю – тоже требовал союза с Речью Польской и империей, нейтрализации Швеции, а, следовательно, отсрочки решения украинского и белорусского вопросов.

Внешнеполитическое положение Трансильвании и её место в системе международных связей невозможно определить однозначно, оно менялось на протяжении интересующих нас 1650-х годов в зависимости от того, какие настроения и политические силы преобладали во внутренней борьбе: во-первых, возврат Трансильвании в состав Венгерского королевства (фактически под власть императора Священной Римской империи), во-вторых, вассальная зависимость и подданство турецкому султану, в-третьих, создание независимого ни от султана, ни от императора государства.

Преобладание той или иной политической ориентации в Трансильвании зависело от многих внутренних и внешних обстоятельств, прежде всего от успехов или неудач германского императора, военной активности султана и стабильности внутреннего положения в Османской империи.

Тридцатилетняя война заканчивалась неудачно для Габсбургов, особенно после того, как Густав Адольф и Людовик XIII в 1630–1638 гг. нанесли поражение Католической лиге. По Вестфальскому миру 28 октября 1648 г. Вена делала перечисленные выше территориальные и политические уступки.

В те же годы Османская империя переживала острый внутренний кризис. Власть султана Ибрагима утрачивала силу, империя фактически разваливалась на полусамостоятельные пашалыки, следствием чего было ослабление натиска османов на Центральную Европу и прежде всего на Венгерское королевство. Трансильвания ещё в итоге пятнадцатилетней австро-турецкой войны конца XVI – начала XVII в. попала в вассальную зависимость от Османской империи. Вассальные отношения определялись выплатой ежегодной дани (10 тыс. золотых). Порта формально не обладала правом назначать трансильванского князя и лишь утверждала того, кого выберет Государственное собрание княжества. Таким образом, сохранение власти правящим князем зависело не только от Стамбула, но и от соотношения сил в Госсобрании. Правда, «свободное избрание князя допускалось лишь постольку, поскольку оно не подвергало риску власть султана над княжеством»¹³. При всем при том вассалитет обеспечивал довольно широкую автономию княжества, и в годы Тридцатилетней войны тот же Габор Бетлен или Дёрдь I Ракоци действовали часто независимо от воли султана, воюя и мирясь с Католической лигой. Впрочем, присутствие османских отрядов говорило само за себя.

Политические планы князей Трансильвании историки трактуют по-разному: от объединения Венгерского королевства и Трансильванского княжества в единое национальное королевство до овладения польским престо-

лом, чтобы таким путем усилиться и освободиться и от власти Габсбургов, и от вассалитета султану.

И в том, и в другом случае в конфликте Габсбургов, Бурбонов и османов Трансильвания занимала в конечном итоге антиавстрийскую и антиосманскую позицию. В годы Тридцатилетней войны позиция трансильванского князя Дёрдя I Ракоци была скорее антигабсбургской, чем антиосманской. Так, с согласия султана, заключив союз со Швецией и Францией, Ракоци начал поход в северные комитаты Венгерского королевства, дабы овладеть троном. Поход был остановлен только после того, как 18 июня 1645 г. император Фердинанд III и султан заключили тайный договор, и султан запретил Ракоци занимать венгерский трон, приказав остановить поход¹⁴.

Династическими планами Дёрдя I Ракоци попытался воспользоваться гетман Богдан Хмельницкий, возглавивший Освободительную войну украинского народа 1648–1654 гг. Гетман обещал в 1648 г., когда умер король Речи Посполитой Владислав IV, поддержать кандидатуру трансильванского князя в его претензиях на польский престол¹⁵. Впрочем, Хмельницкий готов был поддерживать не только трансильванского князя. В первом же своем письме к царю Алексею Михайловичу он предлагал и ему бороться за трон Речи Посполитой¹⁶.

После завершения Тридцатилетней войны Трансильвания оказалась в эпицентре политических противоречий юго-восточного региона Европейского континента. Исследователи отмечают тесную взаимосвязь между итогами Тридцатилетней войны и перспективами «Большой турецкой войны». В Европе полагали, что освободившиеся силы христианских государств могли, а, по мнению многих, должны быть направлены на изгнание османов из Европы¹⁷. Идея общей борьбы в защиту христианства, несмотря на политические противоречия, всегда присутствовала в общественном мнении европейских стран. По вполне понятным причинам вождями этой борьбы Европа считала папу римского Александра VIII, императора Фердинанда III, а затем его наследника Леопольда I.

Особые надежды на коалиционную европейскую войну возлагали патриотические силы Венгерского королевства и Трансильванского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Турции. Отношение австрийских Габсбургов к антиосманскому движению в венгерских землях и в Трансильвании было весьма противоречивым. По понятным причинам император поддерживал движение, был заинтересован в нем и даже приобрел славу главного защитника христианства. Но вместе с тем ему на руку было ослабление Трансильванского княжества, которое оставалось главной опорой венгерских словий в их борьбе с австрийским абсолютизмом. И в то же время Вене была

нужна сильная Трансильвания, ибо в случае падения княжества исчезал «буфер», прикрывающий границу с Османской империей.

После Тридцатилетней войны монархия Габсбургов оказалась крайне истощенной, с пустой казной и слабой армией. В этих условиях в середине XVII в. династия вынуждена была любой ценой поддерживать мир с османами, даже пойдя на прямое предательство антиосманской борьбы венгров. Надежды венгров на широкомасштабную коалиционную войну против Стамбула во главе с императором таяли. Это привело к усилению в 50-х годах XVII в. недовольства Габсбургами. Те, кто видел главную задачу в освобождении венгерских земель от турок и восстановлении единого венгерского государства, группировались вокруг хорватского бана Миклоша Зрини. С ними состоял в переписке трансильванский князь Дёрдь II Ракоци¹⁸.

Новый трансильванский князь (с 11 октября 1648 г.) придерживался скорее антиосманских, нежели антигабсбургских позиций. Во всяком случае, его войска вместе с отрядами польского короля и валашского господаря вплоть до лета 1654 г. сражались против Украины. Если учитывать, что с 1648 по осень 1653 г. союзником Богдана Хмельницкого был крымский хан Ислам-Гирей, то антиосманский характер политики Дёрдя II Ракоци станет очевидным. В 1649 г. на венгерском Государственном собрании он выступил с идеей антиосманского союза и предложил императору Фердинанду III совместно выступить против турок, но тот, боясь осложнения отношений, сообщил о планах Ракоци в Стамбул¹⁹.

Особенно активные военные действия против Хмельницкого Ракоци вел в 1650–1653 гг., в результате которых были разбиты казацкие войска в Молдавии, предводительствовавший ими сын гетмана Хмельницкого, Тимофей, погиб, а господарем Молдавии стал ставленник Дёрдя II – Георгий Стефан²⁰. Внешнеполитическая ситуация на востоке и юго-востоке Европы меняется после того, как 1 октября 1653 г. Земский собор в Москве, а 8 января 1654 г. всеукраинская рада в Переяславе приняли решение о воссоединении Украины с Россией и о войне с Речью Посполитой. Ни в Москве, ни на Украине эту войну не мыслили иначе, как войну коалиционную.

Идея создания коалиции принадлежала Б. Хмельницкому и была подхвачена Москвой. Посольский приказ предпринял поистине беспрецедентную акцию, направив в Швецию, монархию Габсбургов, Венецию, Данию, Нидерланды, Бранденбург, Молдавию, Валахию, Крымское ханство, Стамбул и даже в далекую Францию своих дипломатов с объяснениями причин войны и с призывами примкнуть к России и Украине. Переговоры об антипольском союзе вел со Швецией, Молдавией, Валахией, Трансильванией, Крымом и Стамбулом и Б. Хмельницким²¹. Самые влиятельные европейские страны – Франция и Священная Римская империя – отвергли идею союза и даже пред-

ложили России отказаться от смоленских земель и Украины и заключить с Польшей мир. Дело в том, что и в Вене, и в Париже надеялись поглубже втянуть Речь Посполитую в конфликт Габсбургов и Бурбонов, а для этого нужно было спокойствие «от стены восточной», как высокопарно писалось в польских памфлетах того времени²².

Оказались тщетными попытки России и Украины привлечь на свою сторону крымского хана. Ислам-Гирей не признал воссоединения Украины и России, разорвал существовавший с 1648 г. союз с Хмельницким и заключил союз с Речью Посполитой. Решения Переяславской рады и Земского собора противоречили намерению Ислам-Гирея присоединить Украину к владениям ханства. Ханский везир Сефергазы-ага открыто говорил русским послам, что запорожские казаки «были в подданстве у польских королей восемьсот лет, а после у них (у хана. – Г.С.) были в подданстве лет с семь, и оне, крымские люди, проча их, черкас, себе и чая от них впредь правды и постоянства, за них стояли и с польскими и литовскими людьми бились, и многие неповинные крови проливали, и в обиду их никому не давали... А гетман де Богдан Хмельницкий ...хотел быть за ними в подданстве и до веку, а ныне де те запорожские черкасы им соглаши и воровством своим от них отложились, и доброту их забыли, а называются государевыми»²³. Утверждение, что Украина была 800 лет в подданстве у польских королей откровенно ложно, но оставлять его без внимания тем не менее не стоит: в нем отчетливо звучит стремление доказать, что воссоединение лишено исторической основы и исторических прав.

Хорошо известна и ненадежность татарской помощи казакам. Татары изменяли неоднократно: и под Зборовым в 1649 г., и под Берестечком в 1651-м, и под Жванцами в 1653 г. Примеры можно множить. Наконец, связи Хмельницкого с ханством никогда не были отношениями подданства. Это был военный союз, за который Украина платила дорогой ценой многочисленного полона и опустошительных грабежей²⁴.

Следует иметь в виду, что ханство всегда стремилось поддерживать выгодный для него «баланс сил» между Россией и Речью Посполитой, не позволяя опасно усилиться ни той, ни другой стороне. Внешняя политика ханства отнюдь не была столь примитивной, как это иногда ещё проскальзывает в литературе, и определялась она далеко не только ценностью и размерами «поминок» хану и придворным. Ханство всегда предпочитало помогать слабому из своих соседей, чтобы таким образом ослабить сильного²⁵. После воссоединения более сильной стороной стала, несомненно, Россия, поэтому хан предпочел помочь Польше и заключил с ней против России союз. К тому же в Крыму боялись сильного Российского государства, границы которого после объединения с Украиной опасно приблизились к пределам полуострова. Сре-

ди населения поползли тревожные слухи о близком конце ханства и мусульманской веры. Российские посланники в Бахчисарае записали в статейном списке: «Сказывали волхвы их, абызы, что де идет Крымскому юрту кончина, и немного де быть им на Крымском юрте. И царь (так в Москве титуловали крымского хана в XVI–XVII вв. – Г.С.) де по три дни плакал и итить на войну не хотел, и пошел де поневоле, бояся крымских татар»²⁶.

Изменение ситуации в Восточной Европе эхом отозвалось на Дунае. Появились новые реальные основания для присоединения Трансильвании и Дунайских княжеств к антипольскому союзу, который теперь, после соединения в 1654 г. сил Речи Посполитой и Крымского ханства, приобретал и антиосманскую направленность. В своей борьбе за независимость Молдавия, Валахия и Трансильвания уже не могли искать поддержку в Варшаве, как это было до 1654 г., но у них появились надежды на помощь Москвы. Однако мешали негативные традиции вражды. Сложность была в том, что в Дунайских княжествах постоянно присутствовали татарские отряды, поэтому в царских грамотах Георгию Стефану, валашскому господарю М. Басарабу, князю Дёрдю II Ракоци московские дипломаты проявляли осторожность и пока не ставили вопрос о союзе, предлагалось лишь сохранять нейтралитет в русско-польской войне.

Впрочем, в Молдавии Г. Стефан сразу же сам заговорил о подданстве русскому царю. Со слезами на глазах, взирая на образ Божий, он клялся в верности царю Алексею Михайловичу. Но это не помешало Стефану тут же отправить гонцов в Крым, ложно уверяя хана, что царский посланник Гавриил Фёдорович Самарин именем царя предложил ему вступить в русское подданство, от чего он будто бы наотрез отказался и просит хана перехватить посланника в пути²⁷.

В Валахии М. Басараб вообще отказался принять Г.Ф. Самарина, без церемоний забрав у него на границе царские грамоты. И Стефан, и Басараб немедленно переслали копии царских грамот в Бахчисарай, сопроводив их советами не помогать казакам, ибо те присягнули на верность России²⁸.

Переговоры с Дёрдем II Ракоци вел сам гетман Хмельницкий. Ещё в июле 1653 г. в Трансильванию прибыли послы от гетмана с предложением заключить мир²⁹. В ответном письме Ракоци явно искал возможности поддержать контакты с Хмельницким и смягчить трагические последствия неудачи и гибели сына гетмана – Тимофея. Примечательно, что в этом письме, написанном почти полгода спустя после неудачи в Молдавии, Ракоци вообще не упоминает ни о поражении казаков, ни о гибели Тимофея, философски утешая в горе и призывая к миру: «Когда дело сделано – разделаться не может. Судьбами то божьими делано быти, веруем ... готов есми к любви взаимной ... нежели кровь христианскую проливати»³⁰.

Итак, в 1654 г. началось постепенное изменение политики Дунайских княжеств и Трансильвании в отношении Украины, что неизбежно должно было привести к перемене места их во всей системе международных отношений Юго-Восточной Европы: от союза с Речью Посполитой к союзу с Украиной и Россией, к войне против Польши и её союзника Крымского ханства. Этот процесс ускорился и приобрел большую чёткость после ошеломляющих и неожиданных для европейских стран (польские короли до 1634 г. претендовали на российский трон!) успехов украинских и русских войск в 1654–1655 гг.

Весной 1654 г. было отбито наступление войск Речи Посполитой на Украину, и 15 мая из Москвы к литовской границе выступили главные силы России, взяв с собой чудотворную Иверскую икону Божией матери. 26 июня началась осада Смоленска, и 13 сентября польский воевода Обухович и комендант Корф сдали город. На юге Богдан Хмельницкий с 60 тыс. казаков и 15-тысячным корпусом русских войск под командой вначале В.Б. Шереметева, а потом В.В. Бутурлина в январе 1655 г. нанесли окончательное поражение польскому войску под Ахматовым и летом очистили всю Украину до Днестра.

К осени 1655 г. русские войска овладели всей Белоруссией (до Гродно и Бреста), вошли в Литву и взяли Вильно (совр. Вильнюс) и Ковно (совр. Каунас). Хмельницкий и Бутурлин в сентябре–октябре осаждали Львов и сняли осаду (получив с города контрибуцию) ввиду приближения почти стотысячного войска крымского хана Мухаммед-Гирея. В битве под Озерной 4–11 ноября крымский хан потерпел поражение³¹.

8 июля 1655 г. начала войну с Речью Посполитой Швеция. Шведский «потоп» охватил всю Польшу вплоть до Krakowa, и лишь отдельные «островки» вокруг Львова, Бреста, Торуни, Каменец-Подольского и легендарного Ченстоховского монастыря сохранили верность польскому королю Яну Казимиру, который бежал из страны. Речь Посполитая оказалась на грани полного краха. Нависла угроза её существованию.

В этих условиях перед Дёрдем II Ракоци открылась реальная возможность овладения троном Речи Посполитой, дабы затем избавиться от османского вассалитета, воссоединить под своей властью Венгрию и Трансильванию и встать во главе независимого венгерского королевства. Впрочем, необходимо отметить, что в историографии утвердилась оценка Дёрдя II Ракоци как политического авантюриста, своими непродуманными действиями нанесшего непоправимый вред освободительному движению венгров. Прежде временное, неподготовленное выступление против Османской империи и Габсбургов привело к потере уже достигнутой его великим отцом Дёрдем I фактической независимости княжества. Больше всего историки критикуют действия Дёрдя II Ракоци, направленные на овладение престолом Речи По-

сполитой. По мнению авторитетного венгерского историка Шандора Гебеи, князь не учитывал реальную и неблагоприятную для него ситуацию, сложившуюся на театре польско-шведской войны к моменту польского похода Ракоци в 1657 г., действия трансильванского князя во многом были спровоцированы самим Яном Казимиром и польскими магнатами, поддерживавшими иллюзии получения им польской короны. К тому же Ракоци явно переоценил прочность союза с Хмельницким³².

Российская исследовательница К.Т. Медведева, солидаризируясь с оценкой Ш. Гебеи, подводит довольно печальный итог деятельности Дёрдя II Ракоци: «Большой ошибкой трансильванского князя было нарушение установленного порядка взаимоотношений с Османской империей»³³; «Дёрдю II Ракоци не удалось с выгодой для Трансильвании использовать все завоевания его отца Дёрдя I. Дёрдь II Ракоци утратил многие преимущества нового международного положения, полученные в результате Вестфальского мира»³⁴.

По мнению О.В. Хавановой, высказанному в великолепной, оригинальной и аргументированной статье, в первые годы правления молодой князь проводил осторожную линию великого отца и старательно избегал всего, что могло вызвать конфликт с собственными подданными и с соседями. «Однако стремление любой ценой заполучить польскую корону, без учёта или при недостаточной осведомленности о реальном соотношении сил на международной арене, помноженное на роковое для Ракоци стечние обстоятельств и усиленное его личной безответственностью в решающие моменты истории, привело к тому, что его правление стало последними годами внутри- и внешнеполитической самостоятельности княжества»³⁵, – утверждает она.

Между тем обвинения Дёрдя II Ракоци в авантюризме вряд ли основательны. Они строятся на том, что князь потерпел поражение, а нужно исходить из оценки реальных факторов того времени и ставить вопрос о многовариантности исторического развития, когда современники просто не могли предугадать, какая перспектива окажется преобладающей. Если планы Дёрдя II Ракоци были авантюрией, то почему мы не называем так же в принципе подобные замыслы его современника и соотечественника Миклоша Зрини, тоже оставшиеся не осуществленными? Разве не выглядел авантюристом в 1648 г. другой современник Ракоци – Богдан Хмельницкий, добившийся победы в своей борьбе с Речью Посполитой? И уж тем более, сущей авантюрией могло показаться в 1700 г. объявление Петром I войны Швеции. Повидимому, более правильно оценивать действия Дёрдя II Ракоци как закономерный этап национально-освободительной борьбы венгров.

Ещё в декабре 1654 г. послы Ракоци при дворах Швеции, Дании, Бранденбурга, Нидерландов, Англии, Венеции выясняли возможности антигабсбургского союза. Благоприятный ответ получили только от шведского короля

Карла X Густава, тоже претендовавшего на польский трон³⁶. Династические и освободительные планы Ракоци поддержали в Венгерском королевстве сторонники М. Зрини. Отношение Вены, в принципе заинтересованной в антиосманских планах Ракоци, оставалось двойственным. Как справедливо отметила Т.П. Гусарова, позволить Порте расправиться с Трансильванией – значило подвергнуть опасности не только Венгерское королевство: трансильванские крепости закрывали путь туркам в Моравию и саму Австроию. Но с другой стороны, помочь Ракоци означало довести до крайне опасной (если не критической) точки отношения с султаном, а воевать с турками в Вене не решались, ибо казна была пуста, надежды на скорое создание антиосманской коалиции оставались весьма неопределенными, войска Габсбургов были посланы в Польшу. В данной ситуации Вену вполне устраивало, что силы османов оказались блокированы Кандийской войной^{*} с Венецией³⁷.

Вопроса о посылке австрийского корпуса войск в Речь Посполитую Т.П. Гусарова не раскрывает, а между тем здесь кроется главная причина недовольства Вены польским походом Ракоци. Вступая в войну со Швецией, Австрия имела целью не только противодействовать шведской экспансии в Речи Посполитой и в германских княжествах. Фердинанд III и его наследник Леопольд I намеревались овладеть южными польскими землями, каковые и получили по Оливскому миру 1660 г., завершившему шведскую (или, как её иногда называют, первую Северную) войну. Если не учитывать этот факт, то остается непонятной ещё одна причина недовольства Вены походом Дёрдя II Ракоци: претензии трансильванского князя на польский трон могли помешать территориальной экспансии Габсбургов на земли Речи Посполитой.

Династические планы Дёрдя II Ракоци тесно переплетались с планами московской дипломатии и гетмана Хмельницкого создать широкую антипольскую коалицию держав. К 1655 г. удалось достичь заметных успехов в реализации этих планов, несмотря на то, что Франция и Священная Римская империя отказались от участия в таком союзе.

Стержнем создаваемой коалиции должен был стать, по мысли московских дипломатов и Богдана Хмельницкого, русско-шведский союз. К лету 1655 г. в ходе переговоров были выработаны взаимоприемлемые условия в главном вопросе: владения Речи Посполитой в Восточной Прибалтике должны были перейти к Швеции, а за царем Алексеем Михайловичем признавался титул «Всея Великия и Малыя и Белыя Русии самодержца» с включением белорусских земель и западной Украины до реки Сан и верховий Вислы³⁸.

* Имеется в виду война за остров Крит. – Прим. ред.

Ещё больших успехов достигли дипломаты Б. Хмельницкого: им удалось заключить союз, по условиям которого шведские войска должны были ударить на Ригу и восточную Прибалтику, а украинские (и русские) полки наступать на Львов и Минск³⁹. Дело союза России и Украины с Дунайскими княжествами продвигалось ещё успешнее. В июле–августе 1655 г. из Чигирия в Молдавию, Валахию, Трансильванию были направлены новые предложения о союзе сил против Речи Посполитой и заключены соглашения о ненападении друг на друга⁴⁰. 15 марта 1656 г. в Москву из Ясс направили молдавское посольство с просьбой о подданстве, и 29 июля последовало решение царя о принятии Молдавии. Такое же посольство прибыло из Валахии. Вопросы эти поднимались Молдавией и Валахией и позднее⁴¹.

Намеченный русской и украинской дипломатией союз государств Восточной Европы против Речи Посполитой постепенно становился реальностью, но в сентябре–декабре 1656 г. последовала резкая и неоправданная перемена внешнеполитического курса России. Ошибочно посчитав завершённой борьбу за Украину, царь Алексей Михайлович решил воспользоваться близостью русских полков к Балтийскому морю (был взят Ковно) и, начав войну со Швецией, которая уже овладела Литвой, пробиться к побережью.

16 мая 1656 г., не завершив войны с Речью Посполитой, не сформировав антишведского союза, Россия начинает новую войну. Открывшиеся в сентябре 1656 г. русско-польские переговоры в Вильно воочию показали просчет царя: Варшава не только отказалась признать за Москвой утраченные земли, но даже отказалась обсуждать этот вопрос, и он не был включен в условия подписанныго перемирия. Договаривающиеся стороны формально объявили о союзе сил против Швеции, но это была чистая формальность: по условиям «союза» Россия и Речь Посполитая даже не объединяли войска, действуя каждая на свой страх и риск.

Между тем война со Швецией требовала создания принципиально иного блока сил, нежели тот, который уже фактически сложился у России для разгрома Польши. Российские дипломаты могли рассчитывать на австрийских Габсбургов, с октября 1655 г. пытавшихся посредничать в русско-польском споре и предлагавших России и Польше заключить антишведский союз. Естественными противниками шведов выступали Дания, Нидерланды и Бранденбург, к коим и было направлено московское посольство во главе с князем Д.Е. Мышецким, но сделано это было с большим опозданием, уже после начала русско-шведской войны. Заключить союз Д.Е. Мышецкому не удалось. Таким образом, резко сменив внешнеполитический курс, Россия не только ослабила формирующуюся антипольскую коалицию, но и оказалась в дипломатической изоляции.

Можно предположить, что смена внешнеполитического курса не обошлась без борьбы придворных группировок и мнений. Одни рекомендовали пробиваться к Балтийскому морю и считали вопрос о Смоленске, Белоруссии и Украине решенным (солёный морской ветер после взятия Ковно явно кружили им головы). Другие не считали нужным ограничиваться тем, что русские и украинские полки уже подошли к Львову и даже овладели Люблином, дошли до берегов Вислы, они полагали, что Речь Посполитая ещё не побеждена, что нужно завершить в союзе со Швецией её разгром и окончательно закрепить Украину и Белоруссию под скипетром царя.

К Балтике рвались люди из числа «новых» при дворе – будущий глава Посольского приказа боярин А.Л. Ордин-Нащокин и его окружение, на их сторону склонялся и сам Алексей Михайлович. Богдан Хмельницкий отставал прежний внешнеполитический курс и прямо писал о своем несогласии с новым. При царском дворе его активно поддерживали все те, кто хорошо знал украинские дела: патриарх Никон, князь Н.И. Одоевский, боярин В.В. Бутурлин, принимавший присягу в Переяславе и много воевавший вместе с гетманом в 1655–1656 гг., и его сын, киевский воевода А.В. Бутурлин⁴².

По-видимому, решившись на новый курс, Алексей Михайлович испытывал колебания и сомнения в его правильности. Во всяком случае, идея коалиционной войны против Речи Посполитой не была отброшена окончательно, она оставалась «запасным вариантом». Разрабатывал этот вариант с ведома и при одобрении московского правительства гетман Богдан Хмельницкий. В Москве не только знали о продолжающихся переговорах со Швецией, Трансильванией, Молдавией и Валахией, но и награждали Хмельницкого за эти переговоры⁴³. Гетман прямо писал киевскому воеводе А.В. Бутурлину, что Украина будет как и прежде продолжать переговоры о союзе со Швецией: «Мы, полагая несподручным в такой обстановке раздраживать себя на своих соседей (шведов. – Г.С.), хотим иметь себе приятелей, нежели неприятелей»⁴⁴.

«Приятелями» виделись старому гетману Трансильвания, Швеция, Молдавия, Валахия, переговоры с которыми о союзе вступили в завершающую фазу. В июле 1656 г. к Хмельницкому прибыл посол от Ракоци боярин Ференц Себеши (Шебеши) с сообщением о планах трансильванского князя овладеть польским престолом. Уведомив киевского воеводу А.В. Бутурлина о прибытии Себеши, гетман со слов трансильванского посла писал, что поляки обещали взять себе королем либо самого Дьёрдя II Ракоци, либо его сына, что Ракоци «предлагает нам жить в дружбе», на что незамедлительно последовало согласие гетмана. Кстати, во время переговоров с Ф. Себеши гетман многозначительно именовал Ракоци *венгерским королём*⁴⁵, что лишний раз подчёркивает и планы Ракоци, и отношение к ним Хмельницкого.

Седьмого сентября 1656 г. был заключен союзный договор с Дёрдем II. По условиям договора Ракоци был обязан по просьбе гетмана выступить в поход против Польши и дать «всякую потребу до войны надлежащую», соединенными силами оборонять общие границы⁴⁶. («Общих границ» у Украины и Трансильвании в 1656 г. не было. Вероятно, речь идет о заключенных незадолго до этого союзах с Молдавией и Валахией – в заключительных строчках договора гетмана с трансильванским князем читаем: «также с господарем волоским и мультиянским слово в слово писанный»⁴⁷.)

8 октября 1656 г. гетман и генеральный писарь И.А. Выговский ратифицировали договор в присутствии трансильванского посла Ладислава (Ласло) Улаки, и в этот же день появились первые реальные результаты договора: гетману донесла разведка, что 15 тыс. татар идут против Ракоци, и Хмельницкий немедленно направил к хану письмо с требованием прекратить поход на его «приятеля – семиградского князя», угрожая в противном случае нанести удар по Крыму⁴⁸. Тогда же, при ратификации, договорились, что Украина пошлет Ракоци 15 тыс. казаков с «добрными» орудиями и всем «воинским прикладом»⁴⁹.

На последующих переговорах в ноябре–декабре 1656 г. только уточнялись детали: казаки под командой киевского полковника Антона Ждановича должны были соединиться с Ракоци 13 декабря на Мараморошском перевале через Карпаты. Гетман брал на себя защиту тыла от нападений татар, 8 января 1657 г. под Белой Церковью назначался сбор главных сил Украины и российского корпуса войск, чтобы со своей стороны действовать против Крыма⁵⁰.

Претензии Дёрдя II Ракоци на польский трон были фактически поддержаны Карлом X Густавом. 27 ноября (6 декабря) 1656 г. между ними был заключен договор о союзе. Договорились, правда, в общей форме, вновь изгнать Яна Казимира из его страны и разделить земли Речи Посполитой. Договор предусматривал передачу «казакам запорожским» Украины «и что кроме того можно было бы им уступить». Впрочем, Ракоци внес довольно существенную оговорку: «Всякая большая уступка Украине будет мешать его будущему положению в Польше, потому его высочество сохраняет себе претензии к целости и протестует, покуда в этом пункте не придем до понимания между королем и ним»⁵¹. Однако планам Ракоци, Швеции и Хмельницкого активно мешала австрийская дипломатия: Польша заключила договор с императором, уступив ему половину доходов от соляных пошлин и пообещав сверх того 12 тыс. золотых⁵².

⁴⁶ Семиградье (от немецкого Siebenbürgen) было русским названием Трансильвании. – Прим. ред.

Старания Хмельницкого создать антипольскую коалицию Швеции, России, Украины, Трансильвании, Молдавии, Валахии не пропали втуне. Несмотря на начавшуюся войну России со Швецией, при царском дворе отнюдь не препятствовали этим намерениям гетмана и весьма благожелательно встретили посланца Дёрдя II Ракоци – Джорджа (Дёрдя) Раца: 6 августа 1656 г. Рац прибыл на царский стан под Ригой, принадлежавшей тогда шведам и осажденной царскими войсками.

Грамота князя, привезенная Рацем, формально не содержала никаких предложений, была наполнена лишь вежливыми изъявлениями готовности к «повольным своим услугам» и просьбами «принять его в любовь и приязнь»⁵³. Два месяца спустя, 2 октября вместе с Джорджем Рацем в Трансильванию был отправлен гонец Григорий Волков. В ответной грамоте Алексей Михайлович обещал «милостивую любовь и ссылку держати... и ваше доброхотение принимаем в любовь»⁵⁴. В наказе Г. Волкову предписывалось предложить Ракоци не помогать ни польскому, ни шведскому королям, а «буде он, свейский король, учнет послов, или посланников просить на помочь, и ни денгами, ни норядом, ни чем не помогать»⁵⁵. Примечательно, что в это время уже подходили к концу переговоры России и Речи Посполитой в Вильно о перемирии и о союзе против Швеции, и тем не менее Польша воспринималась как враждебная страна, о чём и свидетельствует требование не помогать польскому королю.

Дёрдь II Ракоци начал вооруженную борьбу за престол Речи Посполитой 12 января 1657 г. Он двинулся в поход во главе внушительного войска из 20 тыс. венгров, 6 тыс. молдаван и валахов и направился к Львову. На соединение с ним шел 16-тысячный отряд казаков полковника Антона Ждановича. 1 февраля Ракоци получил тревожную весть о том, что шведский гарнизон Krakova сможет защищать город от польских патриотических сил, осаждавших его, не более шести недель и, изменив маршрут, поспешил на выручку шведам. Неподалёку от Ярославля (Ярославца) на реке Сан, у села Медыки (Горки), силы казаков и венгров соединились, 13 февраля переправились через Сан и 18 марта с триумфом вступили в Krakov, сняв осаду с крепости. Задерживаться в городе Ракоци и Жданович не стали, а поспешили на соединение с основными силами Карла X, пробивавшегося из Померании к Krakову. 1 апреля 1657 г. они вошли в лагерь шведов под Меджибожичами⁵⁶.

Вторжение войск Ракоци и казаков вызвало сильную тревогу в Речи Посполитой. Сенат постановил направить против Ракоци и Ждановича квартальное (наемное) войско под командой С. Потоцкого, было принято решение о созыве «посполитого рушения», в Крым и Стамбул были направлены послы с задачей получить от хана экстренную помощь на основании заключенного в 1654 г. союзного договора⁵⁷.

Впрочем, как всегда в критической ситуации татары не спешили на помощь, выжидая исхода боев и предпочитая действовать против ослабленного неприятеля. Эта задержка во многом объясняется и противоречивой позицией Стамбула, который терпел серьезные неудачи в войне с Венецией и то требовал немедленно оказать помощь Яну Казимиру, то, напротив, приказывал не нападать на казаков и их союзников венгров. Дождавшись очередного султанского фирмана, на этот раз о выступлении в поход, хан Мухаммед-Гирей, собрав около 150 тыс. войска, подошел 23 мая к днепровским переправам у Шел-Керменя, но был задержан стоявшими здесь соединенными украинскими и русскими силами. К тому же к берегам Крыма прорвались 33 струга донских казаков (60–80 человек в каждом). Упорные бои в низовьях Днепра шли примерно до конца июля. В середине же месяца казацкие отряды даже попытались взять штурмом Шел-Кермень. Лишь незначительная часть татар во главе с ханом в июле смогла в обход казацких войск двинуться на соединение с Потоцким, оставив основные силы под командой калги Кази-Гирея для обороны крепости Ор (совр. Перекоп)⁵⁸.

Задержка татарских отрядов позволила Карлу X Ракоци и Ждановичу достичь довольно заметных успехов. Двигаясь на север, они форсировали Вислу, захватили Люблин, Брест-Литовск, 9 июня 1657 г. в очередной раз овладели Варшавой⁵⁹. В задачи автора не входит подробный анализ кампании 1657 г., но названные выше факты позволяют ещё раз высказать сомнения в правильности оценки похода Дёряя II Ракоци как авантюры. Он действовал не как авантюрист, но обстоятельства вынудили его начать военные действия с некоторым опозданием. (Существует предание, что когда Ракоци выступал в поход, под ним споткнулся конь и всадник едва не упал. Многие посчитали это дурным предзнаменованием.)

Действительно, время наибольшего ослабления Речи Посполитой было упущено. 1657 год дал толчок к новому изменению политической ситуации в Европе. Речь Посполитая, воспользовавшись тем, что часть шведских сил оказалась занята войной против России, оправилась от поражений и перешла в наступление. Положение Карла X и его союзников в Польше особенно ухудшилось после того, как в мае 1657 г. в войну вступила на стороне Польши Дания. Карл X, оставив Ракоци и Ждановича в Польше, с основными силами поспешил против нового противника.

Прорыв части татарских сил в обход позиций казаков и русских в устье Днепра и их соединение под Каменец-Подольским с Потоцким резко ухудшили положение венгерско-казацкого отряда. В этой ситуации, оставив часть войска для блокады Крыма, гетман приказал перебросить другие силы в район Брацлава на Буге и Шаргороды на Днестре. Сюда же отступали Ракоци и Жданович, для помощи которым и были сосредоточены гетманские полки⁶⁰.

16 июля Хмельницкий обратился с письмом к белгородскому воеводе Г.Г. Ромодановскому (который по царскому указу должен был в случае нужды оказать немедленную помощь Украине) с просьбой ускорить выступление новых русских сил на помочь гетману⁶¹.

Отмеченные выше факты позволяют оспорить утверждавшуюся в литературе точку зрения о том, что казаки Антона Ждановича по приказу Хмельницкого покинули союзника накануне решающего боя с польскими войсками, чем и обрекли венгров на страшное поражение. В действительности приказ гетмана был диаметрально противоположным. Жданович ушел по приказу генерального писаря И.А. Выговского,циальному вопреки воле и без ведома Хмельницкого, здоровье которого к тому времени заметно ухудшилось (он страдал гипертонией). 14 июля отряды Ракоци были окружены войсками С. Потоцкого на Украине под Меджибожем на Буге (не путать с Меджибожами) и после ожесточенных боев 22 июля капитулировали.

В историографии утверждалось мнение, что после поражения Ракоци, нанесенного польскими войсками, боеспособность венгров была равна нулю и татары легко добили несчастный отряд, захватив в полон почти 10 тыс. воинов. Сам князь спасся только потому, что сразу после капитуляции, понадеявшись на слово С. Потоцкого, покинул отряд и отбыл в Трансильванию, поручив Я. Кеменю вести воинов домой. Об этом пишут, в частности, польские исследователи С. Хербст и Б. Барановский⁶². Но их выводы можно оспорить. В глазах татар, участвовавших в бое, картина гибели отряда приобрела совершенно другой вид. Уцелевший после боев под Меджибожем десятитысячный отряд татары уничтожили с помощью обмана: пообещали отпустить трансильванцев с миром, если за каждого воина получат по два иоахимсталера. Выкуп собрали и передали Мухаммед-Гирею, но когда осажденные неосторожно разомкнули кольцо защищавших их боевых возов, татары ворвались в лагерь, и закипел жестокий бой. Венгры, спасаясь от плена, дрались насмерть. Все воины Ракоци полегли в этой сече, татарам удалось захватить в плен ничтожно малое число венгров: по сведениям одних очевидцев – 15, другие уверяли, что 20 человек^{*}. Сами татары в этом последнем бою потеряли, по их свидетельству, 15 тыс. бойцов⁶³. Несмотря на поражение отряда Ракоци, для крымского хана поход закончился явно неудачно. Русские посланники в Бахчисарае Родион Васильевич Жуков и Ларион Пашин писали в статейном списке, что многие татары «бегут из войны» и добычи с ними никакой нет. В Крыму « чают большой погибели хану», так как «с походу идут с

* Ср. данные о численности пленных в статье М. Иванич (с. 129–130). – Прим. ред.

горем»⁶⁴. Тем не менее, неудачный для хана, поход оказался трагичным для Дёрдя II Ракоци.

Известие о том, что Жданович вышел на соединение с основными силами казаков один, покинув союзника в самые критические для него часы, Хмельницкий получил в своей столице, в Чигирине, 21 июля и был взбешён поступком казацкого полковника. По свидетельству шведского посла при гетмане Лилиенкрона, в гневе Хмельницкий отдал приказ казнить Ждановича⁶⁵: рушилась давняя мечта гетмана о создании антипольской коалиции. Вскоре последовало кровоизлияние в мозг, Богдан Хмельницкий потерял речь, и 27 июля (5 августа) Зиновий Богдан Хмельницкий, выдающийся политический деятель и полководец Украины и России, скончался. Смерть гетмана спасла от наказания Ждановича, да, вероятно, и Выговского.

По условиям капитуляции Дёрдя II Ракоци отказался от претензий на трон Речи Посполитой и теперь сосредоточил внимание на борьбе за независимость Трансильвании от Османской империи.

Между тем негативные последствия не вовремя начатой русско-шведской войны стали очевидны не только для Трансильвании, но и для России. Уже осенью 1658 г. ей пришлось воевать не только против Швеции, но и против окрепшей Речи Посполитой, и против изменившего России нового украинского гетмана И. Выговского, и против Крымского ханства⁶⁶. В июне 1659 г. русские войска потерпели страшное поражение от казаков И. Выговского и крымских татар под городом Конотопом. Менялась вся geopolитическая ситуация в Юго-Восточной Европе. Вместо возможного антипольского союза России, Швеции, Украины, Трансильвании, Молдавии и Валахии начал действовать антироссийский союз Речи Посполитой, Крыма и части Украины. Поскольку Россия вела одновременно и войну со Швецией, она оказалась в международной изоляции. Перед Россией замаячила весьма неприятная перспектива возможной потери всей Украины. Положение лишь отчасти стабилизировалось после того, как в августе 1659 г. против И. Выговского и польских войск поднимается восстание казаков и крестьян, на раде в городе Переяславе выбрали нового гетмана – Юрия Хмельницкого, и Украина вновь присягнула царю. Положение на Украине было восстановлено, но международная изоляция России сохранилась⁶⁷.

В состоянии изоляции находилась и Трансильвания. Сложившаяся критическая ситуация и открытая война России и Крымского ханства побудили Дёрдя II Ракоци ещё раз поднять вопрос о союзе с Россией. 7 апреля 1660 г. в Киев к командующему русской армией на Украине воеводе князю В.Б. Шереметеву прибыл посол от Дёрдя II Ракоци с предложением союза сил против Турции, Крымского ханства и Речи Посполитой. Шереметев с санкции правительства начал переговоры с посланцем Ракоци. Однако было уже позд-

но. Не успев заключить союз, Ракоци был вынужден 22 мая 1660 г. вступить при Сасфенеше в бой со ставленником Турции Акошем Барчай, в сражении получил тяжелую рану и 7 июня скончался.

В.Б. Шереметев смог выступить в поход против Речи Посполитой только в конце августа и рассчитывать на поддержку Трансильвании уже не мог. Целый ряд военных и политических просчётов воеводы и измена гетмана Юрия Хмельницкого, перешедшего на сторону Польши и Крымского ханства, привели к поражению Шереметева под Чудновым 28 октября (7 ноября) 1660 г. Несколько тысяч русских ратных людей и сам воевода попали в плен к татарам.

В 1660 г. международная обстановка в Европе меняется особенно заметно. 3 мая был заключен Оливский мир Польши и монархии Габсбургов со Швецией, по условиям которого Речь Посполитая утратила часть своих прибалтийских земель, но получила возможность укрепиться на Украине (имеем в виду вышеупомянутое поражение русской армии под Чудновым). 27 мая, через 5 дней после поражения Ракоци под Сасфенешем, был подписан Копенгагенский мир Швеции и Дании, по условиям которого Дания уступала Швеции часть Норвегии. Швеция явно преобладала на севере Европы.

Развитие новой политической ситуации в Восточной и Юго-Восточной Европе завершилось подписанием 21 июня 1661 г. Кардисского мира России со Швецией на условиях статус-кво и Андрусовского перемирия 1667 г. России и Речи Посполитой, по условиям которого России возвращался Смоленск и Новгород-Северский, отходила Левобережная (к востоку от Днепра) Украина, на правом берегу Днепра – Киев (формально на два года), Запорожье находилось под двойным подданством (кондоминиум) России и Речи Посполитой. Вместе с тем Андрусовский договор не только завершал формирование существовавшей региональной системы международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе, но и одновременно закладывал основы новой системы международных отношений в этом регионе, связанной с борьбой европейских государств против усилившейся экспансии Османской империи и начавшимся на этой почве сближением политических интересов России и Речи Посполитой⁶⁸. В свою очередь, региональная система являлась составной частью всеевропейской Вестфальской системы международных отношений.

Таким образом, можно констатировать не только то, что и Трансильвания, и Украина, и Россия оказывали весьма заметное – а в 1657 г. решающее – влияние на развитие международной ситуации в регионе Восточной и Юго-Восточной Европы. Защищая свои национальные интересы, эти государства органически вписывались в Вестфальскую систему, до 1667 г. примыкая к антигабсбургскому блоку держав. Правда, в конце 50-х годов XVII в., после поражения в польском походе, внимание Дёрдя II Ракоци переключилось на

борьбу за власть в княжестве со ставленниками Османской империи. Что же касается России, то и Андрусовский договор, и последующие войны и мирные договоры с Османской империей и Речью Посполитой в 70–80-х годах XVII в. свидетельствовали о сближении её политических интересов с габсбургским блоком держав. Россия становилась весьма влиятельной (если не ведущей) политической силой в Восточной Европе⁶⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поршинев Б.Ф. Франция. Английская революция и европейская внешняя политика в середине XVII в. М., 1970. С. 7.
- ² Aron R. Paix et querelle entre les nations. Paris, 1962.
- ³ Цит. по: Поршинев Б.Ф. Указ. соч. С. 10.
- ⁴ Там же. С. 31.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Можейко И.В. 1185 год. Восток. М., 1996; Он же. 1185 год. Запад. М., 1996.
- ⁷ Поршинев Б.Ф. Указ. соч. С. 31.
- ⁸ История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 211.
- ⁹ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 101.
- ¹⁰ История дипломатии. Т. 1. С. 216.
- ¹¹ История Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2000. Т. 1. С. 138–154.
- ¹² Сахаров А.Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) (далее – ИВПР). М., 1999. С. 15–105.
- ¹³ Шушарин В.П. Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1 (далее – ОИСЦВЮВЕ-1). С. 44–45.
- ¹⁴ Шушарин В.П. Трансильвания в завершающий период Тридцатилетней войны // ОИСЦВЮВЕ-1. С. 177–178.
- ¹⁵ Шушарин В.П. Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов 1640–1650-е гг. // ОИСЦВЮВЕ-1. С. 225–226.
- ¹⁶ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. В 3-х т. / Под ред. П.П. Гудзенко, А.К. Касименко. Т. II. 1648–1651. М., 1953. С. 33. (1648, июня 8. – Письмо Б. Хмельницкого к царю).
- ¹⁷ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е годы XVII в. // Османская империя и страны Центральной,

- Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. (далее – ОИСЦВЮВЕ-2). М., 2001. С. 148.
- ¹⁸ Там же. С. 156–157.
- ¹⁹ Там же. С. 155.
- ²⁰ Крип'якевич І.П. Богдан Хмельницький. Київ, 1954. С. 175–192.
- ²¹ Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 33–45.
- ²² Санин Г.О. Боротьба України й Росії проти турецької агресії в 1672 р. // Український історичний журнал. 1971. № 12. С. 51.
- ²³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 37. Л. 85об.–86 (Статейный список посланников Д. Жеребцова и С. Титов).
- ²⁴ Шевченко Ф.П. Політичні та економічні звязки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959.
- ²⁵ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1987. С. 555.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 406 (1657 г. – Статейный список Р. Жукова).
- ²⁷ Санин Г.А. Отношения России и Украины... С. 292.
- ²⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1878. Т. 10. С. 590 (1654 г. – Статейный список посланного к гетману Томилы Перфирьева: запись его беседы с Г. Самариным).
- ²⁹ РГАДА Ф. 40. Сношения с Венгрией. Оп. 1. 1654. Д. 1. Л 1. (1654, января 30 – Лист Дёрдя Ракоци к Б. Хмельницкому).
- ³⁰ Там же. Л. 3.
- ³¹ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVIII века. М., 1974. С. 31–107; Санин Г.А. Отношения России и Украины... С. 131–177
- ³² Gebei S. II. Rákóczi György erdélyi fejedelem külpolitikája (1648–1657). Eger, 1996; *Idem*. II. Rákóczi szerepe a Rzeczpospolita felosztásí kísérletében (1656–1657) // Századok. 2000. 134. évf. 4. sz. 801–848. old.
- ³³ Медведева К.Т. Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества в 50–60-е годы XVII в. // ОИСЦВЮВЕ-2. С. 194.
- ³⁴ Там же. С. 196.
- ³⁵ Хаванова О.В. Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е годы XVII в. // Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 135.
- ³⁶ Шушарин В.П. Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов... С. 228.

³⁷ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 157.

³⁸ Санин Г.А. Отношения России и Украины... С. 77–49, 147–180.

³⁹ Документи Богдана Хмельницького, 1648–1657 / Упоряд. І. Кріп'якевич, І. Бутич. Київ, 1961. С. 364–365 (1654, июня 28 – Письмо Б. Хмельницкого к королеве Христине).

⁴⁰ Грушевський М.С. Исторія України–Руси. Т. IX. Ч. 2. Роки 1653–1657. Київ, 1931. С. 1104–1109.

⁴¹ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х т. Т. II. 1633–1673. М., 1968. С. 286–287 (1656 г., июня 29 – Жалованная грамота царя Алексея Михайловича молдавскому господарю Г. Стефану о принятии Молдавии в русские подданство); Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1969. С. 56–57.

⁴² Санин Г.А. Внешняя политика России во второй половине XVII в. // ИВПР. С. 305.

⁴³ Там же. С. 307; Санин Г.А.. Отношения России и Украины... С. 180–181.

⁴⁴ Грушевський М.С. Указ. соч. С. 1237.

⁴⁵ Там же. (1656, июля 13 – Письмо Б. Хмельницкого к А.В. Бутурлину).

⁴⁶ АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 547–548 (1656, сентября 7. – Союзный договор Дёргя II Ракоци с Богданом Хмельницким).

⁴⁷ Там же. С. 549.

⁴⁸ Грушевський М.С. Указ. соч. С. 1311 (1656, октября 9 – Реляция посла Л. Уйлаки трансильванскому князю).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 1312.

⁵¹ Там же. С. 1313 (1656, ноября 27 (декабря 6) – Договор Трансильвании и Швеции).

⁵² Шушарин В.П. Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов... С. 228.

⁵³ РГАДА. Ф. 40. Сношения с Венгрией. Оп. 1. 1656. Стб. 1. Л. 4, 5. (1656, октября 2 – Грамота царя к Дёрдю II Ракоци). Содержание грамоты трансильванского князя восстанавливается по ответной царской грамоте.

⁵⁴ Там же. Л. 6.

⁵⁵ Там же. Л. 31 (1656, октября 2 – Наказ Г.В. Волкову).

⁵⁶ Polska w okresie drugiej wojny północnej. Warszawa, 1955. Т. 1. С. 105.

⁵⁷ Ibid. S. 105; АЮЗР Т. 3. С. 598 (1657, марта 13 – Письмо гетмана Б. Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу).

⁵⁸ Санин Г.А. Отношения России и Украины... С. 216–226.

⁵⁹ *Polska w okresie...* S. 106.

⁶⁰ Документи... С. 606–607 (1657, июля 10 – Б. Хмельницкий воеводе Г.Г. Ромодановскому).

⁶¹ Там же. С. 611 (1657, июля 16 – Б. Хмельницкий воеводе Г.Г. Ромодановскому).

⁶² *Polska w okresie...* S. 108, 483.

⁶³ РГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 40. Л. 432, 435–436об. (Статейный список российского посланника в Крымском ханстве Родиона Жукова. Записи за 8 и 26 августа 1657 г.).

⁶⁴ Там же (Запись за 19 июля).

⁶⁵ Грушевський М.С. Указ. соч. С. 1455.

⁶⁶ Санин Г.А. Порта, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-х годах XVII в. // ОИСЦВЮВЕ-2. С. 54–55.

⁶⁷ Там же. С. 56–57.

⁶⁸ Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681) // ОИСЦВЮВЕ-2. С. 148–187; Артамонов В.А. Страны Восточной Европы и войны Османской империи (1683–1699) // Там же. С. 295–327; Санин Г.А. Внешняя политика России... С. 330–342.

⁶⁹ Санин Г.А. Внешняя политика России... С. 330–342.

Мария Иванич

Трансильванские пленники в Крымском ханстве в 60-е годы XVII века

Народы Восточной и Центральной Европы в течение веков страдали от опустошительных набегов татар. Историки, однако, большей частью довольствуются фактическим описанием татарских военных походов и почти не занимаются внутренними пружинами этих набегов, изучением крымского общества и его экономического устройства, судьбой попавших в рабство христиан¹.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что крымские татары основали свое государство на территории, с древности являвшейся местом захвата и торговли рабами. Именно благодаря работорговле и сбору дани с итальянских причерноморских городов-колоний они получили доступ к значительным материальным ресурсам, которые позволили им, отделившись в XV в. от Золотой Орды, создать и поддерживать в течение трех веков собственное государство. Плотность населения на контролируемых татарами территориях была весьма низкой, а сельское хозяйство неразвитым. Господствующие в южно-русских степях экстремальные климатические условия, недостаток воды, техническая отсталость и низкая плотность населения не позволяли заниматься обработкой целинных земель. Для интенсивного сельского хозяйства была пригодна лишь прибрежная полоса. Однако получаемого здесь урожая было не достаточно, чтобы прокормить уже немалую военную прослойку населения, в отличие от плодородных почв на Балканах, которые на протяжении столетий надежно обеспечивали продовольствием османские завоевания.

Для большей части покорившихся крымскому хану и ведущих кочевой образ жизни ногайских татар, осевших в степи и Буджаке, из-за частой засухи и эпидемий единственным надежным способом жизнеобеспечения оставался захват рабов, а составлявшим военную элиту и обосновавшимся на Крымском полуострове татарам были постоянно необходимы рабы для обработки их поместий². Таким образом, доходы от работорговли и труд рабов в течение веков оказывались необходимыми для поддержания жизнеспособности Крымского ханства.

Большое количество рабов татары захватывали в ходе своих набегов, которые были направлены в первую очередь против русских, поляков и черкесов. Походы и набеги против русских и поляков были успешны потому, что их южные границы оставались открытыми. Россия выстроила южные оборонительные рубежи лишь к концу XVI в. Положительные результаты создания цепи гарнизонов оказались уже в скором времени, после 1571 г. татарские набеги уже больше не достигали стен Москвы. Во второй половине XVII в. система обороны стала еще более эффективной, так как и русские, и поляки стали привлекать для предупреждения татарских нападений живущих в буферной зоне казаков и калмыков.

Совершенно иной характер носили татарские походы против земель, входивших до 1526 г. в состав королевства Венгрия. Крымские татары попадали на венгерскую территорию как вспомогательные группы основной османской армии или по приказу Порты для усмирения вассальной Трансильвании. Присутствие крымцев на этой территории охватывает примерно двухвековой интервал (1521–1717). В отличие от набегов против русских или поляков, которые повторялись ежегодно, а иногда и чаще, в Венгрии могло пройти полвека без татарских нападений. Однако это не означало, что страна подвергалась меньшему разорению, поскольку во время длительных войн турок с Габсбургами татары годами оставались на венгерском театре военных действий и истощали здесь целые регионы. Возможности захвата рабов татарами в разорванной на три части Венгрии были ограничены. Военное руководство турок старалось препятствовать тому, чтобы татары угнали в рабство население находящихся под турецким владычеством земель, так как на вновь захваченных территориях ощущалась потребность в рабочей силе³. Другое дело, что это в большинстве случаев не удавалось осуществить. Трансильвания как вассал и данник султана постоянно напоминала Порте, что если татары угонят жителей Трансильвании в рабство, последняя будет не в состоянии платить дань в казну султана. Итак, беспрепятственно татары могли грабить только так называемую Королевскую Венгию^{*} и Австрийские провинции. Попавших на поле боя в плен венгров татары на месте продавали турецким торговцам, а с собой забирали скорее только пленников из расположенной ближе к Крыму Трансильвании.

Особым образом большая масса венгерских пленных попала в руки к татарам не в Венгрии, а на польской территории, когда 31 июля 1657 г. под Тремблом войско трансильванского князя Дёрдя II Ракоци было окружено и

* Королевская Венгрия — западные и северные области Венгрии, которые в 1526 г. оказались под властью Фердинанда I Габсбурга.

взято в плен татарами. Этот случай венгерская историография сравнивает с трагедией 1656 г. под Мохачем не только из-за больших потерь, но и с точки зрения раскола и гибели правящей трансильванской элиты⁴. Дёрдь Ракоци, которому несколько польских протестантских аристократов предложили польскую корону, в союзе со шведами и казаками, вмешался в идущую с 1655 г. первую Северную войну. Согласно современным исследованиям, Ракоци привел в Польшу 19 тыс. человек: 13 из Трансильвании и 6 тысяч в составе группы, направленной в распоряжение князя валашским и молдавским господарями. В начале похода Ракоци поддерживало еще 20 тыс. казаков⁵. Трансильванский князь неверно оценил соотношение сил как внутри Речи Посполитой, так и на международной арене. В противовес шведско-трансильванско-казацкому альянсу вскоре был создан союз Дании, Габсбургов, поляков и татар. Датчане напали на шведов, казаки 21 июня отделились от трансильванского войска, воины господарей также вернулись домой. Покинутый союзниками Ракоци оказался беззащитным. Под угрозой нападения татар он был вынужден просить мира у поляков. Уменьшившееся и ослабленное войско Ракоци оставил на главнокомандующего Яноша Кеменя. 31 июля под Трембловой татары сначала обложили его войско данью в 21 тыс. талеров, а затем под предлогом переговоров выманили главнокомандующего из лагеря и, пока шли переговоры, ворвались внутрь его.

Современные источники расходятся в оценке потерь попавшего в плен к татарам трансильванского войска. Гарнизоны численностью в несколько тысяч трансильванских солдат были размещены в польских крепостях, примерно три тысячи еще до нападения татар бежали домой через Молдавию, но большая часть солдат погибла по дороге. По воспоминаниям Яноша Кеменя, под его командованием осталось 112 отрядов, каждый из которых состоял из 25–30 человек. Перед нападением татар главнокомандующий оценивал количество боеспособных солдат в 4–5 тысяч⁶. Большее их количество вряд ли могло попасть в плен, вопрос заключается в том, сколько из них осталось в живых после долгого пути в Крым.

Сохранилось довольно много писем, написанных угнанными в Крым трансильванскими пленными, они частично опубликованы, но не обработаны⁷. Исключения составляют письма главнокомандующего Яноша Кеменя, которые напечатаны вместе с его автобиографическими заметками. Из них известно, что вместе с Кеменем знатные пленники попали к хану, который содержал их под почетной охраной в Чуфит-кале недалеко от Бахчисарая. Отдельных ценных пленников также разместили в крепостях. Михая Апафи, ставшего впоследствии трансильванским князем, держали в крепости Ор (Перекоп) как пленника Караш бека, других пленников разместили в Гёзлеве (Евпатория)⁸. Простолюдинов распределили по деревням. Татары не продава-

ли венгров работорговцам, хотя цена их на рынке должна была быть высока, ведь в составленном для уменьшения риска работорговцев руководстве под названием «Искусство покупки рабов» венгры описаны так: «Венгры умны, понятливы, способны к любому мастерству и ловки. В то же время довольно злобны и готовы к нападению. Они склонны убивать, ранить и бежать. Надо быть с ними осторожным, когда их ставят на службу. Большинство из них хорошо сложены, кожа у них совсем белая»⁹. Однако гораздо большую выгоду татары могли получить, держа венгерских рабов у себя, пока тех не выкупят.

За всю свою историю трансильванское княжество впервые столкнулось с задачей выкупа такого большого количества пленников. Выкуп затруднялся тем, что в 1657–1662 гг. Трансильвания стала местом соперничества Габсбургов и турок. Платежеспособность страны подорвало нападение татар в 1658 г., когда трансильванские города были вынуждены заплатить им в качестве дани средства, которые впоследствии могли бы послужить для выкупа пленных. Несмотря на это, на государственных собраниях княжества были предприняты попытки создать юридические рамки для выкупа пленников и найти для него материальные источники. На собрании 1657 г. население было обложено налогом «по возможности», чтобы покрыть выкуп за пленников. Поскольку налог так и не был собран, в следующем году собрание обсуждало вопрос изыскания лишь четверти суммы, необходимой для выкупа двух главных воаждей, а затем постановило, что пленников обязаны выкупать их семьи. Но иногда семья отнюдь не была заинтересована в возвращении пленника. Из-за этого Государственное собрание в Бестерце (совр. Бистрица в Румынии) вынуждено было принять специальное решение, которое впоследствии несколько раз было подтверждено. Согласно этому решению, у тех, кто не хотел выкупать пленников, отнималось всё принадлежащее последним имущество, а о выкупе должен был позаботиться комитат¹⁰.

Для освобождения пленников необходимо было в первую очередь выяснить, сколько их осталось в живых, кто где оказался, каков выкуп и т. п. Первый шаг предпринял после своего возвращения в княжество еще Дёрдь Ракоци, отправив своего личного посланника Матея Балога в Крым, с тем, чтобы тот попросил Кеменя переписать пленных¹¹. На сегодняшний день известно три списка попавших в плен к татарам в 1657 г.: первый составил сам Кемень, предположительно, из находившихся в его окружении, причем отдельно указаны умершие (44 человека) и отдельно те, кто попал в плен (51 человек)¹². Второй список (также ранний) не мог быть составлен раньше середины 1659 г., так как Кемень еще указан в нем как находящийся в Крыму. Несмотря на то что в списке всего 33 имени, для 25 человек указана сумма выкупа¹³. Третий список содержит 118 имен, все аристократы и знатные люди, остальные лишь упоминаются вообще как «много мелкопоместных дво-

рян» или «много капитанов гайдуков, лейтенантов с ефрейторами и рядовыми»¹⁴. К счастью, три этих источника лишь отчасти перекрывают друг друга. Таким образом, из них, а также из современных хроник, опубликованных семейных архивов и новых архивных данных в настоящий момент поименно известно 275 пленных. Опираясь на указанный фактический материал, мы попытаемся обрисовать судьбу трансильванских пленников.

Первым условием освобождения было то, что пленник и хозяин должны были сторговаться о сумме выкупа. На это уходило немало времени, так как татары поначалу требовали нереально высокие суммы, которые затем, поторговавшись, можно было сократить вдвое, а то и вчетверо. До установления выкупа татарский рабовладелец пробовал выяснить материальное положение пленника, а семья, естественно, пыталась его скрыть. Если татары предполагали, что у пленника больше денег, чем он предлагает, они подкрепляли свои требования пытками. Для повышения суммы выкупа пленников подвергали мучениям, грозили отрезать уши и нос. Однако татары не были заинтересованы убивать пленников. В особенно трудном положении оказывались крупные государственные руководители, которые не имели возможности скрыть своего ранга и имущественного положения. Наиболее обеспеченные договаривались о выкупе еще в дороге, или сразу по прибытии в Крым, однако они не могли освободиться, пока не был установлен выкуп за главнокомандующего Кеменя. За него требовали нереально высокий выкуп в 400 тыс. талеров (200 тыс. золотых), затем его снизили до 300 тысяч, наконец в 1659 г. за освобождение Кеменя был выплачен выкуп размером примерно в 100 тыс. талеров¹⁵.

Раньше всех освободились пленники посланных на подмогу татарам аккерманских турок, которые вернулись в октябре 1657 г. Из попавших в Крым аристократов также несколько человек (в списке Кеменя они еще значились как пленники) уже присутствовали на ноябрьском государственном собрании Трансильвании¹⁶. Татары сами не хотели также долго держать неизвестных пленников, так как стремились поскорее получить выкуп. Кратчайший путь получения денег заключался в том, что они принуждали пленников поручиться за одного из них и отпускали его для сбора выкупа. Однако это представляло большой риск для поручителей, поскольку в случае невозврата выкупа за него переходил на них. Несмотря на это, к 1662 г. большинство знати было уже на свободе. Свой выкуп они собирали разными способами. Те, кто хотел освободиться как можно скорее, закладывали имения, члены их семей собирали деньги, влезая в долги. Другие предпочитали терпеть плен и дожидаться, пока средства не соберутся из доходов от их имений. Для мелкопоместных дворян, однако, ни один из этих способов не годился. Условия для возвращения на родину для них создало лишь длительное

правление князя Михая Апафи (1661–1690 гг.). Из дневника князя, который сам находился в плену четыре года, выясняется, что после освобождения он до 1680 г. поддерживал отношения со своим бывшим татарским хозяином, однако помимо этого в его скучных заметках ничего не сообщается. Неизвестно, был ли Карап бек посредником между своим бывшим пленником, поднявшимся на трансильванский княжеский трон, и ханом. Однако бесспорно, что организованный выкуп пленников был проведен Апафи на рубеже 60–70-х годов XVII в. Выкуп был осуществлен не на государственные средства, князь только разыскал пленников, а также выступил посредником между дававшими в долг деньги армянами и освобождавшимися пленниками. Пленников выпустили на свободу в безопасном месте, в Молдавии, в Ясвашаре (совр. Яссы в Румынии). Они получили также освободительную грамоту, в которой подтверждалась выплата выкупа¹⁷.

Судьба 29 из 275 поименно известных по трем спискам пленников неизвестна, вероятно они умерли, пропали или бежали. Одного обменяли на татарского пленника. Для 68 из оставшихся 245 наши источники сообщают и сумму выкупа. Если сгруппировать выкупы, мы получим довольно определенные суммы. Самую низкую категорию (за них внесено менее 100 талеров) могли составлять пожилые пленники (всего пять случаев), чаще всего встречаются суммы в 150, 200, 300 талеров (соответственно 19, 12 и 15 из 46 случаев), девять человек освободились за выкупы в 400–600 талеров. Сумма около 1 000 талеров упоминается всего два раза, в то время, как в самую высокую категорию, не считая двух главных вождей, входят четыре человека с суммами от 5 до 23 тыс. талеров. Сумма выкупа 64 человек составляет 64 531 талер, если добавить к этому выкуп за Кеменя 100 тысяч и за Корниша 40 тыс. талеров, получится в итоге 204 531 талер или 102 265 золотых. И это только примерно четверть выкупа за поименно известных нам 275 человек! 70 % из 102 265 золотых заплатили два вождя, оставшиеся 30 % – 66 человек. Если дальше сузить круг и исключить еще шесть богатых аристократов, заплативших более 1 тыс. талеров, получится 14 031 талер на 60 человек, ровным счетом 7 тыс. золотых, т. е. менее 233 талеров (или 120 золотых) с человека. Этот результат кажется реальным, так как тем, кто хотел избежать рабства на галерях, было целесообразно пообещать сумму в три раза больше, чем татары получили бы за рабов в Каффе (40–50 золотых)¹⁸. Если предположить, что среди оставшихся 177 человек, сумма выкупа за которых нам неизвестна, уже не было высокопоставленных персон и они также освободились в среднем за суммы в 233 талера (120 золотых), мы получим в итоге 41 241 талер, т. е. примерно 20 тыс. золотых. Иными словами, за известных по именам 245 трансильванских пленников, знатных и простых солдат, татары получили выкуп на сумму 245 772 талера, округленно 123 тыс. золотых.

123 тыс. золотых – очень большие деньги, выплата 100 тыс. из которых подтверждена, а остальных весьма вероятна. Эта сумма могла бы составить восьмилетнюю дань Порте до 1658 г. (по 15 тысяч в год), она также в три раза превышает и увеличенную в 1658 г. до 40 тысяч годовую дань. Предположим, что под Тремблом попало в плен примерно 4 тыс. человек. Кто-то из них мог бежать, кто-то умер в пути, а многих из пленников, что очевидно, не смогли выкупить. Предположим далее: была выкуплена лишь четверть из четырех тысяч пленников и среди них есть те 245 известных поименно; исключим возможность того, что среди оставшихся 755 были особо ценные пленники, и будем считать, что за них в среднем было заплачено также по 233 талера. Таким образом, за 755 человек было заплачено еще 175 915 талеров (88 тыс. золотых). Если сложить выкуп в 245 772 талера, полученный за поименно известных 245 пленников, выкуп в 175 915 талеров за 755 пленников, а также добавить к этому 21 тыс. талеров выкупа, заплаченного еще в Польше перед захватом пленников, получится – в этом походе татары (и помогавшие им буджакские и аккерманские отряды) добыли в общей сложности 342 687 талеров (или примерно 170 тыс. золотых). То есть наши даже весьма осторожные подсчеты дают невероятно высокую сумму.

Ясно, что не все набеги приносили столь многочисленную и ценную добычу. Надо учитывать также, что добытых в походе пленников хан регулярно отправлял в подарок в Порту. Размер подарка определялся текущим положением дел главы ханства и целями, которых он хотел достигнуть. Например, чтобы получить разрешение на поход, в середине XVII в. хан послал султану в подарок 100 рабов¹⁹. Можно предположить, что часть денег от продажи рабов также попадала в Стамбул, для удержания или получения ханского титула. Большая часть полученных денег ушла, вероятно, и на то чтобы сопротивляться выдаче главнокомандующего Яноша Кеменя Порте, несмотря на требования главного визиря. Хотя хан и склонялся к выдаче, беки были против, так как они имели в связи с Кеменем далеко идущие планы, рассчитывая через него добиться влияния в Трансильвании²⁰.

Стремление крымских ханов обложить данью Молдавию, Валахию и Трансильванию и, взяв их в свое владение, занять место слабеющей Османской империи, прослеживается с конца XVI в. Однако в начале XVII в. у ханов появился серьезный соперник в лице трансильванских князей, также осуществлявших свое влияние в юго-восточном регионе Европы через господарей, которым они помогали взойти на трон, и казаков. Поражение Ракоци в Польше и захват в плен его армии несомненно изменили соотношение сил в пользу татар. Но последние не смогли этим воспользоваться, так как под руководством главного визиря Кёпрюлю Османская империя на время вновь усилилась и вернула контроль над своими вассалами. В связи с этим заслужи-

вает внимания тот факт, что занявшего трансильванский трон вопреки воле султана Яноша Кеменя не утвердили в Порте. Произошло это не только из-за того, что он был суверенной личностью и имел тесные связи с императором и венгерской аристократией, но и потому, что он был пленником хана²¹. А вот следующий за ним трансильванский князь Михай Апафи, занявший трон так же после татарского плена, не был пленником хана, и на княжеский трон его хотели посадить не из Крыма – его провел через Государственное собрание темешварский паша Али.

Затронув здесь проблему трансильванско-татарско-турецких отношений, мы хотели бы лишь указать на то, что татарское пленение трансильванского войска имело не только экономическую, но и политическую проекцию, и этим резко отличалось от пленения русских и поляков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fisher A.W. Muscovy and the Black Sea Slave Trade //Canadian-American Slavic Studies. 1974 (Winter). Vol. VI. № 4. P. 575–594; An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914 / Ed. by H. Inalcik, D. Quartaert. Cambridge, 1994. На русском языке см.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948.

² Inalcik H. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu: Belleten 60 (1996) 165–190.

³ Tarih-i Peçevî. II. İstanbul 1283/1866, 157.

⁴ Erdély története / Szerk. Makkai L., Szász Z. Bp., 1987. 2. köt. 719. old.

⁵ О походе трансильванского князя см.: Ibid. 716–720. old. Gebei S. II. Rákóczi György erdélyi fejedelem külpolitikája (1648–1657). Eger, 1996; Wojna polsko-szwedzka 1655–1660 / Red. J. Wimmer. Warszawa, 1973. Opitz E. Österreich und Brandenburg im Schwedisch-Polnischen Krieg 1655–1660 // Militärgeschichtliche Studien. 10. Boppard am Rhein, 1969. См. также и статью Шандора Гебеи в настоящем сборнике.

⁶ Kemény János önéletírása / Szerk. Windisch É. Bp., 1959. 365. old.

⁷ Они опубликованы в разных сборниках и периодических журналах: Genealógiai Füzetek. 1912. 10. sz. 93. old., Századok. 1885. XIX. köt. 579–589, 655–661. old.; Történelmi Tár. 1882. 614. old.; 1886. 118. old.; 1899. 381. old.; 1905. 469–497. old.; Székely Oklevélter. Kolozsvár, 1897. VI. köt. 210–211, 224, 324–325. old.; Erdélyi Országgyűlési Emlékek (далее – EOE) / Szerk. Szilagyi S. Bp., 1886. XI. köt. 372. old.; Bp., 1887. XII. köt. 289–290. old.; Bp., 1889. XIV. köt. 400. old.

⁸ Apafi Mihály naplója / Szerk. Szadeczky L. Kolozsvár, 1900. 82–93, 142–155, 214–221, 271–281, 325–335. old. (Erdélyi Múzeum. 17. köt.)

- ⁹ Müller H. Die Kunst des Sklavenkaufs nach arabischen, persischen und türkischen Ratgebern vom 10. bis zum 18. Jahrhundert // Islamkundliche Untersuchungen. Freiburg, 1980. Bd. 37. 181–187. old.
- ¹⁰ EOE. 1886. XI. köt. 372. old.; 1887. XII. köt. 497. old.
- ¹¹ Ibid. 1887. XII. köt. 221, 486. old.
- ¹² Történelmi Tár. 1905. 469–497. old.
- ¹³ Századok. 1885. 19. köt. 579–589, 655–661. old.
- ¹⁴ Genealógiai Füzetek. 1912. 10. sz. 93. old.
- ¹⁵ EOE. 1886. XI. köt. 372. old.; Hon és Kül föld. Bp., 1842, 219. old.; 1887. XII. köt. 289–290. old.
- ¹⁶ EOE. 1886. XI. köt. 320. old.
- ¹⁷ Székely Oklevél tár. IV. köt. 293–294, 300. old.
- ¹⁸ Броневский М. Описание Крыма (*Tartariae Descriptio*) // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1867. № 6. С. 333–367 (особенно см.: С. 363).
- ¹⁹ Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi Istanbul, E. 7022/633.
- ²⁰ Történelmi Tár. 1882. 596–597. old.
- ²¹ Донесение Ренигера (Reniger) 30 марта 1661 г. из Стамбула: «Яноша Кеменя вообще не хотят. Во-первых (насколько я понимаю), потому что он был пленником (*Sclaf*) татарского хана; во-вторых, потому, что происходит из страны его императорского величества (согласно донесению варадского паши) и поддерживает переписку с королевским наместником в Венгрии, в-третьих, потому что он оскорбил Порту, прия к власти против ее воли, благодаря своему авторитету. Если Трансильвания хочет спокойствия, ей придется выбрать другого князя» (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Staatskanzlei Türkei. Kart. 133. Konv. 1. Fo. 93a).

Т.П. Гусарова

Война и судьбы сословности в Венгерском королевстве в XVI–XVII веках

Отдельные аспекты истории венгерского сословного государства и дворянства в нем, особенно взаимоотношения Габсбургов и венгерских сословий, хорошо разработаны в венгерской историографии¹. Тем не менее обобщающих работ по истории венгерского дворянства и его сословных институтов в раннее Новое время, в которых была бы прослежена историческая перспектива во всей ее сложной совокупности, на сегодняшний день недостает.

Оценка общей тенденции развития сословно-дворянского венгерского государства в XVII в. ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. В борьбе с набирающим силу австрийским абсолютизмом венгерские сословия отступали, но медленно, шаг за шагом, упорно сопротивляясь и даже возвращаясь на оставленные позиции. Какую роль играли в этом противостоянии войны с турками? Как сказалось изменение характера войны (переход от оборонительной войны к наступательной) в 80-е годы XVII в. на соотношении сил центральной власти и сословий? Как проявлялась в этом процессе внутренняя эволюция венгерского дворянства? Какие изменения произошли в связи с этим с дворянством как с сословием, главной обязанностью которого в средневековом обществе являлось несение военной службы, которая, в свою очередь, обеспечивала одну из основных привилегий дворянства, его налоговую неприкосновенность? Как это сказалось на функционировании его основных институтов, в первую очередь, государственных собраний, комитатских собраний, участии дворянства в центральных органах управления?

Государственные собрания – высший форум венгерского сословного представительства – в этом смысле важнейший показатель социально-политических процессов, происходивших в Венгерском государстве и барометр, указывающий на состояние отношений между центральной властью и сословиями. В первую очередь, это касается тех изменений, которые происходили в положении дворянства в обществе и государстве.

Уже одна только частота созыва Государственных собраний может свидетельствовать об этом. Так, в XVI в., со временем воцарения в Венгрии Габсбургов Государственные собрания созывались около 50 раз, причем до начала правления императора Рудольфа II (1578 г.) – почти ежегодно. В первой четверти XVII в. общегосударственные сословные съезды, санкционированные королями, собирались 15 раз, во второй четверти века их число сократилось до шести, а во второй половине XVII в. – до трех². То есть, в работе венгерского высшего сословно-представительного учреждения прослеживается динамика, схожая с другими европейскими странами этого периода.

XVI век с его катастрофами, потрясениями и потерями стал серьезным испытанием для венгерских сословий, в том числе для феодальной элиты, в социальной структуре которой произошли заметные сдвиги³. Но в целом феодальная элита сохранила и даже в определенном смысле укрепила свои позиции в обществе и государстве. Ее политические настроения и отношения с новой правящей династией, при всей их сложности и неоднозначности, в течение полувека после Мохачской катастрофы строились на положительном политическом балансе. Нельзя сказать, чтобы сословия доверяли Габсбургам. На первых порах они скорее были оглушенны чередой трагических потерь в ходе турецкого натиска и метались между двумя лагерями, на которые гражданскойвойнойоказаласьразбитойстрана. Тем не менее значительная часть венгров (даже те, кто активно участвовал в создании Трансильванского княжества) в течение всего XVI в. еще связывала с Габсбургами надежды на то, что их усилиями Венгрия будет освобождена от турок, и ее единство будет восстановлено.

Ни военных сил, ни финансов, которыми располагала Венгрия, не хватило бы ей для того, чтобы самостоятельно справиться с самым грозным и самым сильным противником всей Европы. Огромные средства на ведение войны стекались из всех наследственных владений Габсбургов, а также из Германской империи. Их выделение не в малой степени зависело от инициативности правящего дома. Фердинанд I, Максимилиан II, Рудольф II, Леопольд I были вынуждены поступаться и своими доходами, закладывали имущество, брали кредиты и т. д. Но так как львиная доля военной помощи поступала от сословий и для ее установления требовалось согласие сословий, Габсбурги без устали разъезжали по разным странам и землям и уговаривали их сословия предоставить деньги на войну с турками. Венгерские сословия ценили усилия своих правителей и на Государственных собраниях искренне выражали им благодарность за заботы⁴. Вместе с тем привилегированные сословия не сомневались в том, что при этом они сохранят свое положение в обществе и государстве, в том числе перед лицом королевской власти. Поэтому-

му они (особенно в западных областях королевства) были готовы к сотрудничеству с новой династией.

Габсбурги, в свою очередь, остро нуждались в поддержке новых подданных, так как утверждение их власти в чужой стране начиналось в условиях острой борьбы за королевство не только с конкурентами, но и внешними врагами. Главный вопрос, с которым в первые двадцать лет после Мохачской катастрофы Фердинанд I обращался к венгерским сословиям также отражал растерянность правительства перед создавшейся ситуацией. Так, в приглашениях на Пожоньское^{*} Государственное собрание 1537 г. король спрашивал будущих депутатов и одновременно ставил задачу перед сословным съездом: «Как отвести угрожающую стране опасность, защитить страну и сословия, гарантировать мир?»⁵. Не располагая, в свою очередь, достаточными силами и средствами для обороны страны и необходимыми инструментами власти для поддержания внутреннего порядка, Габсбурги вольно или невольно частично переложили эти функции на венгерскую аристократию, например содержание ряда пограничных крепостей и организацию частных войск и т. п. Замки магнатов становились центрами общественной, политической, хозяйственной и культурной жизни, привлекавшими к себе массу людей различного социального статуса⁶.

На протяжении полувека со времени воцарения новой династии между королем и сословиями шел диалог – очень трудный и болезненный – по важнейшим вопросам государственного строительства: созданию новых органов управления, возведению оборонительной линии, организации войск, налогам и т.п. Сословия не оставляли без ответа административные реформы Фердинанда I, направленные на создание единой системы управления в его владениях, в том числе и в Венгрии, так как не хотели выпускать из своих рук командную инициативу. Собственно иначе и не могло быть в XVI в. в этом регионе Европы, в данной исторической ситуации. Центральная власть в управлении государством не могла обойтись без сословий. Экономические ресурсы и военные силы страны находились в их распоряжении. От воли сословий зависело, передавать ли их центральной власти, и если передавать, то на каких условиях. Само государство еще существовало в политико-правовом пространстве сословно-представительной монархии. С одной стороны, нельзя было организовать общество и заставить его функционировать иначе, чем через сословия. С другой стороны, еще не получили достаточного развития те рычаги, те инструменты власти, с помощью которых государство могло бы

* Пожонь (по-немецки Пресбург) – совр. Братислава в Словакии. – Прим. ред.

осуществлять свои функции в обход сословий или оказывая эффективный прессинг на них.

Начиная с конца 30-х годов XVI столетия, сословные съезды решали разнообразные вопросы, в первую очередь, военные (правила сбора дворянских ополчений, для землевладельцев – нормы и квоты отправки солдат, меры по содержанию пограничных крепостей и гарнизонов и т. п.). Рассматривались вопросы налогообложения, получившие в условиях войны особое значение. Дальнейшее распространение реформации вызвало необходимость решать конфессиональные проблемы. Затрагивались также задачи государственного строительства в новых условиях – чужеземной династии, короли которой жили за пределами Венгрии⁷. Сословия требовали своей доли власти: присутствия при короле венгерских советников, сохранения института надора^{*}, высших должностей для венгров в государственном аппарате и церкви. До тех пор, пока не улеглись споры между Фердинандом I и Яношем Запольяни (а позже – сыном последнего – Яношем Жигмондом) относительно законности и границ власти того и другого, для Габсбургов было важным заручиться поддержкой сословий и по этому пункту⁸. Круг проблем в принципе мало отличался от XVII в. (кроме, пожалуй, крестьянского), но решались они в иной обстановке и в той или иной степени решались. У Габсбургов еще не было сил и возможностей, чтобы диктовать свои условия, сословия чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы отстаивать свои позиции. В отличие от государственных собраний XVII в. в XVI в. сословные съезды быстро собирались и недолго заседали: в среднем от двух недель до месяца, их решения выглядят предельно деловыми и конструктивными.

Одним из важных вопросов для обеих сторон – центральной власти и сословий – были, конечно, налоги. Насущным этот вопрос делали войны, которые почти без перерыва вел Фердинанд то с Яношем Запольяни, то с султаном Сулейманом Великолепным. В сфере налогообложения наиболее отчетливо прослеживается эволюция взаимоотношений между центральной властью и венгерскими сословиями и те маневры, к которым прибегала первая с тем, чтобы освободиться от обременительной опеки вторых. Фердинанд I и его преемники могли отложить на более позднее время даже признание своих наследственных прав на Венгрию, но не налоги. Именно необходимость получать согласие сословий на налог заставляла Фердинанда I и Максимилиана II регулярно приглашать венгерские сословия на съезды. Вполне понятно, в вопросе о налогах центральные власти стремились обеспечить для себя большую независимость от сословий всеми способами. В первую очередь, они

* Надор (по-венгерски *nádor*) – наместник венгерского короля. – Прим. ред.

склоняли Государственное собрание устанавливать налоги на более долгий срок: на три или четыре года, а не один или два, как было принято⁹. Однако сословия категорически отказывались принять это предложение; более того, требовали (и иногда добивались) ежегодного вотирования налога, как это было, например, в 1546 г.¹⁰ Это означало необходимость ежегодно созывать словесные съезды. Действительно, за решением 1546 г. последовали съезды 1547, 1548, 1549, 1550, 1551, 1552, 1553, 1554 гг.

Постоянные столкновения между Габсбургами и сословиями происходили также по вопросу о величине военного налога (*subsidium*) и тех дополнительных расходах и характере служб, которые должны были нести как дворяне, так и крестьяне в связи с предстоящими или уже ведущимися военными действиями на территории Венгерского королевства. Тем не менее, налог неуклонно возрастал. Так, в 1537–1545 гг. он составлял 1 форинт^{*} с каждого крестьянского надела¹¹, в 1546 г. поднялся до 1 фт и 20 денариев¹², через год – до 2 форинтов¹³. Соглашаясь на повышение налога, сословия подчеркивали: хотя они крайне истощены войной и от самой Венгрии уже почти ничего не осталось, они пошли навстречу просьбам короля, чтобы тот видел, «что венгры, даже в крайней нужде не хотят лишить его какой бы то ни было части помощи»¹⁴. В 1552 г. военный налог достиг 3 форинтов с крестьянского надела¹⁵. Но в следующем году собрание вернулось к прежнему налогу, в 2 форинта, что, безусловно, отражало борьбу, происходившую между центральной властью и сословиями по этому важнейшему вопросу. В 1557 г. депутаты потребовали снижения налога до 1 форинта, но Фердинанд добился сохранения прежнего решения о 2 форинтах, мотивируя это тем, что сословия других стран, подвластных династии, которые приносят большие жертвы на войну с турками, не поймут поступка венгров¹⁶.

Не сумев поднять налога, центральные финансовые органы пытались перейти от обложения по наделам к обложению по очагам, что позволило бы собирать значительно большие суммы, так как число полнонадельных крестьян в стране неуклонно сокращалось. Но в 1557 г. депутаты Государственного собрания, вотирия налог, специально оговорили, что обложение налогом должно производиться по дворам в целом, т. е., по полным наделам, даже в том случае, если на таком наделе проживают двое, трое или даже больше крестьян¹⁷. Следует отметить, что расходы на войну не ограничивались основным налогом. К ним добавлялись суммы на содержание вспомогательных войск, на провиант, на поддержание в боевом состоянии пограничных крепо-

* Форинт (сокращенно фт.) – венгерское название флорина (гульдена) – *Прим. ред.*

стей, поставки продовольствия в армию, а также работы по восстановлению и строительству военных сооружений, которые возлагались на крестьян. По всем этим вопросам на Государственных собраниях также велись трудные переговоры с королем.

Габсбурги использовали и другие пути для того, чтобы ослабить свою зависимость от сословий в финансовых делах. Важно было, кто ведет перепись податного населения, на основе которой составлялись податные списки, кто собирает налоги, как и кем осуществляется контроль за их использованием. Конечно, сословия предпочитали (и добивались), чтобы эти вопросы находились в их руках: во-первых, налоговые описи наделов производились бы на основе данных, предоставленных сельскими старостами; во-вторых, налоги собирали бы выбранные в комитатах дворяне с помощью администрации дворянских комитатов (вице-ишпанов); в-третьих, собранные средства поступали бы в руки выбранных сословиями казначеев, подотчетных за свою работу перед Государственным собранием¹⁸. В свою очередь, король жаловался на то, что от собранных таким образом средств мало пользы, так как они попадают в руки многих лиц. Поэтому предлагал предать сбор налогов и связанную с этим деятельность в руки его чиновников¹⁹.

О накале этой борьбы свидетельствует тот факт, что Фердинанд I неоднократно упрекал венгерские сословия в том, что они небрежно относятся к своим обязанностям по защите родины, прямым следствием чего и стали поражения и потери венгров в войнах с турками²⁰. На Шопронском Государственном собрании 1553 г. подобное заявление короля вызвало бурю возмущения со стороны депутатов. Они обвиняли в поражениях чужеземных командиров, в то же время отмечая героическое поведение венгров, многие из которых заплатили жизнью за свободу страны²¹.

* * *

В последние годы правления, начиная с 1556 г., Фердинанд I, укрепив свои позиции в Австрии, Священной Римской империи, Чехии (реформы центрального управления, выборы императором, подавление восстания в Чехии в 1547 г.), попытался оказать давление на венгерские сословия, но безуспешно. Ему становилось все труднее добиваться согласия сословий на налоги. Так, в 1557 г. Государственное собрание впервые поставило этот вопрос в зависимость от рассмотрения королем жалоб страны, связанных с ущербом, который наносили ей королевские войска, посланные туда воевать с турками²².

В такой обстановке король предпочел бы реже встречаться с сословиями, а сам военный налог устанавливать в обход Государственной собрания. С этой целью в мае 1558 г. он пригласил в Вену венгерских советников и попро-

сил их дать предложения по налогу²³. Он прямо заявил, что созывать собрание – долгое дело, а деньги требуются срочно²⁴. Король выразил надежду на то, что сословия одобрили бы предложение установить налог без созыва собрания, ибо это позволило бы им не отрываться надолго от своих поместий в разгар полевых работ. Советники категорически отказались брать на себя те полномочия, которые принадлежат Государственному собранию. «Его Величество знает, – отвечали они на запрос короля, – что вносить предложения о помощи – дело сословий в совокупности, а не советников, которые, конечно, являются членами страны, но так же, как и другие сословия. Таким образом, они ничего не могут решать: ибо если и распорядятся относительно помощи, остальные сословия без сомнения не будут платить»²⁵. Советники ссылались на древние законы страны, строго запрещавшие, чтобы отдельные сословия или комитаты без санкции Государственного собрания предлагали бы какой-либо налог или помочь, а также на свои привилегии²⁶. В ответе советникам Фердинанд впервые усомнился в целесообразности свобод и привилегий, которые, по его мнению, противоречат здравому смыслу, идут во вред нуждам страны, и осудил их: «Ведь такая свобода, которая входит в противоречие с общим благом, скорее может быть названа рабством»²⁷. Военный совет Фердинанда сформулировал свое отношение к позиции, занятой венгерскими советниками, еще резче: ссылаясь на свои древние свободы, венгры каждый раз уклоняются от исполнения долга, из-за чего многие крепости попали в руки врага. Совет предложил Фердинанду решительнее потребовать от венгерских сословий несения военных тягот и отложить разговоры о своих древних привилегиях до лучших времен, как это делают сословия других стран Габсбургов²⁸.

В 1559 г. на просьбу короля устанавливать налог один раз в три года или даже в шесть лет, Государственное собрание ответило отказом и подтвердило свои прежние решения о том, что будет возвращать налог ежегодно. Депутаты не скрывали своих опасений, что в случае, если они согласились бы на предложение короля, тот перестал бы созывать их. Между тем именно в это время сословия могут предъявить властям свои жалобы и добиться их удовлетворения²⁹. На том же собрании (после заключения мира императора с Портой) сословия выдвинули ряд требований о соблюдении венгерских законов и невмешательстве венских придворных органов во внутренние дела королевства³⁰.

Таким образом, Фердинанду I до конца своего правления так и не удалось обойти сословия в ключевом вопросе, несмотря на поиск различных путей его решения, удобного для центральной власти. Правда, первое серьезное обострение отношений с сословиями (дворянством) все же не прошло без последствий: за собранием 1559 г. последовал перерыв в 5 с половиной лет. Но на последнем, созванном Фердинандом I перед смертью собрании в 1563 г.,

ситуация 1559 г. почти полностью повторилась³¹. Более того, казна потеряла те деньги от налогов, которые не поступали в нее в течение 4 лет, прошедших после последнего вотирования налогов³².

Помимо названных имелась еще одна причина того, почему возник такой большой, первый в истории послемохачских собраний, перерыв: выборы венгерским королем и коронация сына Фердинанда I эрцгерцога Максимилиана. В своем обращении к советникам Фердинанд писал, что дело настолько серьезно, что он в нынешней ситуации не рискует созвать Государственное собрание, особенно, если предположить, что на нем начнутся долгие споры. Начиная с 1561 г., между Фердинандом и его венгерскими советниками велись переговоры о том, на каком праве следует короновать Максимилиана. Фердинанд настаивал на наследственности власти Габсбургов в Венгрии³³, советники – на выборности³⁴. Последние предупреждали монарха о том, что если сословия увидят, что теряют главную привилегию, то можно ожидать серьезных волнений³⁵. Дело неожиданно осложнилось смертью надора в июне 1562 г.³⁶. Фердинанд предпочел бы не спешить с выборами нового надора, которые также являлись прерогативой Государственного собрания. То есть, у него появлялись дополнительные опасения относительно предстоящего собрания венгерских сословий. Несмотря на бурные предварительные дискуссии по поводу прав Максимилиана, пригласительные грамоты, а также другие документы Государственного собрания венским политикам удалось сформулировать таким образом, что слово «выбирать» было искусно обойдено в них и заменено другими: «в качестве законного короля Венгрии принимать, объявлять, провозглашать, признавать»³⁷.

Из сказанного видно, что отношения между венским двором и венгерскими сословиями становились все более напряженными к концу царствования Фердинанда I. В то же время, судя по решениям Государственного собрания 1563 г., возникшую напряженность удалось ослабить, и противоречия в той или иной мере разрешить. Правление Максимилиана II в Венгрии (1563–1576) в целом прошло благополучно, чему не в последнюю очередь способствовал заключенный с султаном мир. Ни одно из шести Государственных собраний, созванных им, практически не предъявило королю серьезных политических требований. Сословия даже отступили от своих принципов, и соглашались вотировать налоги на два и три года вперед³⁸. Кроме того, они разрешили королю без их согласия ежегодно собирать по 20 денариев, хотя раньше не принимали и этого предложения³⁹.

Казалось бы, король и сословия достигли некоего консенсуса. Как и в случае с Максимилианом, при коронации Рудольфа II венгерским королем (1576–1608) еще при жизни его отца Максимилиана II, они позволили допустить формулировку, подвергвшую сомнению их привилегию избирать коро-

ля. Слово «избрание» снова не прозвучало. Прецедент стал превращаться в обычай, облегчая задачу Габсбургам, которые стремились закрепить наследственные права династии на венгерский трон.

Ранние годы правления Рудольфа также прошли без опасных конфликтов короля с сословиями. Но новый король и не стремился встречаться с венгерскими сословиями. Впервые после смерти отца он самостоятельно созвал собрание в 1578 г., а следующее – в 1582 г. Сословия сразу же попросили Рудольфа соблюдать их свободы и привилегии, и лишь во вторую очередь одобрили налог⁴⁰. Первое серьезное столкновение Государственного собрания с Рудольфом II произошло в 1583 г. в Пожони. Главным козырем в противостоянии центральной власти оставались налоги. В Пропозициях король предлагал вернуться к принятому некогда постановлению вотировать налог раз в три года, увеличив его почти вдвое. В связи с этим предлагалось провести новую перепись и – самое главное – приостановить действие налоговой привилегии дворянства⁴¹. Сословия заявили Рудольфу, что не станут ветировать налоги до тех пор, пока король не выслушает жалобы королевства, касавшиеся нарушения Габсбургами прав и привилегий сословий, в частности управления страной⁴². Собрание потребовало (а к протесту нижней палаты присоединились и многие светские магнаты), чтобы была расширена компетенция наместника, а также канцлера королевства, превратившегося, по мнению депутатов, в писаря при Придворном казначействе и Придворном военном совете.

Для решения повседневных вопросов они предлагали создать под председательством наместника специальный правительственный совет, который работал бы на территории королевства. Особую озабоченность собрания вызывало то, что из-за разделения венским правительством дел на «чисто венгерские и смешанные», военные и финансовые вопросы, признанные «смешанными», то есть, затрагивающими интересы не только Венгрии, но всех подвластных австрийским Габсбургам земель, решались без учета мнения венгров и интересов их страны. Поэтому для рассмотрения «более важных дел» в Королевском совете депутаты считали обязательным приглашение на его заседания венгерских баронов и прелатов⁴³. Наконец, собрание настаивало на том, чтобы король заботился о снабжении и укреплении крепостей и «во главе их поставил венгров, которые любят родину, а не иностранцев, которые заботятся о своей выгоде»⁴⁴. Собрание твердо стояло на своем и трижды голосовало против предложений короля – даже после того, как он под их давлением пообещал по возможности выполнить предъявленные ему требования. Депутаты сдались лишь тогда, когда из-за затянувшегося собрания устали и начали испытывать материальные затруднения. Они согласились на налог в 2 форинта, но поставили условие (попавшее в законы собрания), что если че-

рез два года Его Величество не восстановит их свободы и не удовлетворит жалобы, «они впредь ни в коем случае не согласятся на налог»⁴⁵. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все решения Государственного собрания 1583 г. уложились в три статьи, две из которых касались налога. Ни у короля, ни у сословий не было ни сил, ни желания обсуждать другие вопросы.

За этим последовала четырехлетняя пауза в деятельности Государственных собраний, после чего, собравшись в 1587 г., сословия заявили, что их решения от 1582 и 1583 гг. остались невыполнеными. Поэтому они снова в категоричной форме повторили требования, касающиеся соблюдения правовых норм и участия венгров и венгерских сословий в делах управления государством. Они потребовали созвать специальное Государственное собрание для рассмотрения всех накопившихся с 1582 г. жалоб⁴⁶. В этот раз особое внимание депутаты уделили созданию постоянно действующих центральных органов управления, в первую очередь Венгерскому совету. Совет должен быть регулярно собираемым органом (один раз в три месяца) и постоянно находиться при правящих особых: короле (если он пребывает в Венгрии) или наместнике⁴⁷. Сословия требовали для себя участия в контроле над доходами королевства и за обеспечением пограничных крепостей⁴⁸. Для этого они постановили учредить комитет из четырех человек, который представлял бы Венгерскому совету необходимые данные по этим вопросам⁴⁹. Решения собрания и на этот раз остались на бумаге. Рудольф снова надолго расстался с венгерскими сословиями: почти на пять лет.

В 1593 г. разразилась новая война между королем-императором и султаном, продолжавшаяся до 1606 г., так называемая Пятнадцатилетняя война. Война заставила Рудольфа снова просить сословия о предоставлении военной и денежной помощи. В 1593 г. он был вынужден созвать Государственное собрание. Но и тогда, в преддверии войны, ему не удалось вырвать у сословий согласия на то, чтобы установить налог на несколько лет вперед⁵⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что во время этой войны Габсбурги ужесточили свои позиции по отношению к сословиям. Неоднократно пересматривались нормы налогообложения, менялись критерии. Так, в 1595 г. для увеличения численности войск была установлена единовременная военная помощь в размере 9 фт с крестьянского надела и 6 фт с землевладельцев: «прелатов, господ баронов или магнатов и остальных владетельных дворян». В законе специально оговаривалось, чтобы землевладельцы не смели перекладывать эти 6 форинтов на своих «подданных», а платили «из своего кармана»⁵¹. Таким образом, часть налогового бремени возлагалась на привилегированные сословия, хотя она и представлялась как исключение по причине войны и предусматривала «сохранение в нетронутом виде их привилегий». Но как бы данное решение ни обставлялось, на самом деле главная привилегия благородных сосло-

вий, состоявшая в освобождении их от налогов, нарушалась. В 1596 г. военная помощь «из собственного кармана» землевладельцев выросла до 9 форинтов «с ворот» (или надела) и предназначалась для набора на полгода конного и пешего войска⁵². В 1598 г. Рудольф, наконец, добился от сословий согласия сделать единицей налогообложения дом («очаг»), а не надел («ворота»), как это было раньше⁵³. Был установлен налог «с очага» размером в 1 фт, однако в 1599 г. он вырос уже до 2 фт⁵⁴.

Несмотря на все усилия, Габсбургам путем налогов и «помощи» удавалось собирать в Венгрии на военные нужды ежегодно не более 400 тыс. форинтов⁵⁵. Если учесть, что помимо этих Венгрия несла и другие расходы, связанные с войной (поставка продовольствия армии, даровые работы при сооружении и ремонте крепостей, содержание части крепостей, созыв ополчения и т. д.), не говоря уже о прямом ущербе от военных действий на ее территории, то не покажутся преувеличением жалобы депутатов Государственных собраний на истощение сил королевства и крайне ограниченные возможности для предоставления «помощи»⁵⁶. Между тем на ведение войны Габсбургам ежегодно требовалось около 4 млн. форинтов (не считая почти двух миллионов на содержание пограничных крепостей, включавшихся в бюджет и в мирное время). В австрийских владениях собиралось приблизительно 450 тыс., столько же – в Чешском королевстве. Около двух миллионов форинтов поступало из-за границы: от имперских сословий, папы римского, Испании, итальянских государств⁵⁷. Как видно из вышесказанного, собранных средств в конечном счете все же не хватало. Долги казны в годы войны резко выросли.

Вполне понятно, венские власти одновременно с обращением к сословиям искали дополнительные источники для пополнения казны и комплектации вооруженных сил. В 1597 г. сословия жаловались на то, что в королевскую казну незаконно и силой отбираются владения как у наследников погибших в войну дворян, так и у живых. В решениях Государственных собраний 1597, 1598, 1599, 1604 гг. повторялось требование прекратить это самоназвание и вернуть владельцам незаконно отнятое в казну имущество⁵⁸. Как известно, Рудольф не только не удовлетворил это требование сословий: конфискации приняли массовые масштабы и характер политических процессов на почве ложных обвинений в государственной измене. Недовольство сословий росло, статьи законов 1604 г. с требованием прекратить конфискации, запретить противоречащие законам королевства преследования и судебные процессы, а также по всей строгости закона наказывать доносчиков, были сформулированы предельно жестко. Рудольф понимал, какую угрозу таят в себе съезды сословий, крайне раздраженных внутренней политикой двора и фиаско, которое потерпели Габсбурги в Пятнадцатилетней войне. Поэтому,

стремясь ограничить поле деятельности сословий, он запретил созывать региональные собрания после государственных⁵⁹. Наконец, в 1604 г. он навязал Государственному собранию решение, отнимавшее у сословий право обсуждать на Государственных собраниях религиозные вопросы⁶⁰, которые в условиях проводимой Рудольфом грубой Контрреформации приобрели чрезвычайную остроту.

Однако, как показали последующие события, это наступление габсбургского еще не-абсолютизма на венгерские сословия, оказалось преждевременным. Венгерские сословия (а вскоре к ним присоединились австрийские и моравские сословия) открыто выступили в защиту своих прав. На два года – с 1604 по 1606 г. – Венгрия, поддерживаемая Трансильванией, была ввергнута в войну против Габсбургов, которая по сути превратилась в гражданскую войну. В разгар движения И. Бочкаи сословия практически игнорировали сословные собрания, созываемые Рудольфом. Так, на Государственное собрание 1604 г. прибыли послы лишь от пяти комитатов⁶¹, в 1606 – столько же, но и они вскоре разъехались, ни о чем не договорившись⁶². Венский мир 1606 г., завершивший противостояние Габсбургов и венгерских сословий, подвел итог этого этапа борьбы между центральной властью и сословиями, установив на время баланс сил в пользу последних⁶³.

1607 г. – разгар региональных сословных собраний, в первую очередь, самой сильной части венгерского дворянства – верхневенгерских комитатов, защищавших завоевания Венского мира. Деятельность этих региональных собраний настолько раздражала Рудольфа, что в январе 1608 г. он снова запретил их созыв. Но сословия, пользуясь к тому же поддержкой императора Матиаса (Матвея) I (как венгерского короля Матяша II), игнорировали распоряжения монарха и требовали ратификации Венского и Житваророкского мирных договоров⁶⁴.

Государственное собрание, созванное Матиасом в Пожони в октябре 1608 г., стало апогеем успехов сословий в их борьбе с усилившейся королевской властью. Был ратифицирован Венский мир 1606 г. В соответствии с его статьями, сословия получили от короля новые коронационные статьи, подтверждающие незыблемость сословных привилегий, свободу вероисповедания (в определенных пределах)⁶⁵. Были восстановлены высшие сословные институты (надор, венгерский совет)⁶⁶, проведены назначения на высшие государственные и придворные должности (государственный судья, хорватский бан^{*}, государственный казначей (*tárnokmester*) и др.), гарантированы права венгров и протестантов при назначении на высшие командные посты в армии

* Бан – королевский наместник в королевстве Хорватия-Славония. – Прим. ред.

и государстве⁶⁷. Удобно для землевладельцев был решен крестьянский вопрос⁶⁸. Наконец, окончательно оформилось устройство венгерского парламента – из двух палат, в котором отразились структурные изменения, произошедшие внутри феодальной элиты⁶⁹.

Условия Венского мира 1606 г. и Пожоньского Государственного собрания 1608 г. легли в основу взаимоотношений центральной власти и венгерских сословий по крайней мере на следующие полстолетия.

Казалось бы, сословия обеспечили себе прочные позиции перед лицом центральной власти, которая, как можно было бы подумать на основании законов Государственного собрания, расписалась в своем поражении. Однако дворянство не могло воспользоваться своими же завоеваниями. И дело даже не в том, что сразу же после примирения власти и венгерских сословий, Матиас, пришедший к власти только благодаря их поддержке, стал нарушать достигнутые договоренности, а вместе с ними и сословные привилегии и свободы страны. Время сословий уходило. Система государственного управления модернизировалась, центральная власть укреплялась, чего нельзя сказать о сословиях.

Тридцатилетняя война, в которой Габсбурги были вынуждены считаться с беспокойным венгерским тылом, где то и дело вспыхивали конфликты, провоцируемые Трансильванией, дала сословиям новый повод заявить о себе уже перед крепнущим австрийским абсолютизмом. Государственное собрание (июль 1619 г.) отказалось отдавать дворянские ополчения против восставших чехов, как о том просил Фердинанд. Более того, депутаты провалили собрание, так как разъехались, не приняв каких-либо законов⁷⁰. Зато они снова собирались, но уже без короля, в Пожони по приглашению трансильванского князя Гabora Betlena, поручившего надору передать сословиям свое приглашение. Король отказался признать законность этого съезда. На волне военных успехов Бетлена сословия в течение года демонстрировали королю пренебрежение.

Между тем союз венгерских сословий с Бетленом и их готовность избрать его венгерским королем строились на тех же ожиданиях, что и в свое время союз с Габсбургами. По большому счету им было безразлично, кто правит ими, лишь бы соблюдались данные им гарантии, не попирались их права и привилегии. Политика же Бетлена в Трансильвании, где он, начиная с 1619 г., фактически отстранил сословия от решения важнейших вопросов внешней и внутренней политики, должна была насторожить венгров⁷¹. Но венгерские сословия были значительно сильнее трансильванских и не собирались уступать князю. Статьи, принятые в августе 1620 г. Государственным

собранием в Бестерцбаня^{*}, на котором Бетлен был избран венгерским королем (вместо объявленного низложенным Фердинанда II Габсбурга), ставили его в полную зависимость от решений сословных съездов. По словам венгерской исследовательницы К. Петер, «сословия составили такие законы, о каких не могли бы мечтать даже самые оголтелые идеологи утопического сословного государства»⁷². В случае их невыполнения дворянство оставляло за собой право воспользоваться 31 статьей Золотой буллы 1222 г.: *jus resistendi*. Когда же стало ясно, что Габор Бетлен не собирается идти на поводу у сословий, а намерен вести себя перед их лицом как абсолютный монарх и проводить ответственную политику, на следующем Государственном собрании 1621 г. они ясно дали понять о своем желании примириться с Габсбургами⁷³. Следующие походы Трансильванского князя в Венгрию не изменили ситуации: дворянство уже сделало свой выбор. На Государственное собрание, созванное Бетленом в ноябре 1623 г. в Надьсомбате^{**}, те немногие депутаты, которые появились на нем, настаивали на заключении мира с Габсбургами.

Государственным собранием 1625 г. можно, пожалуй, подвести черту под «старыми» Государственными собраниями. Именно с этого времени Габсбурги собирают их все реже и реже. Но даже в редкие годы созыва Государственных собраний их работа свидетельствует о беспомощности этого органа, в чем отражалось ослабление сословной организации венгерского общества в целом. Внешне это выражалось в том, что Государственные собрания продолжались подолгу – по несколько месяцев, а в 1646/47 гг. – 10 месяцев⁷⁴. Государственные собрания превратились в говорильню. Осуществляя Контрреформацию в Венгрии, Габсбурги «разделили» Государственное собрание на протестантов и католиков и действовали по принципу «разделяй и властвуй». Вместо того чтобы решать важные вопросы (обеспечения обороны, вооруженных сил и т. п.), депутаты предъявляли друг другу и королю свои обиды на религиозные притеснения и отказывались решать другие вопросы до рассмотрения религиозных. Между тем власти для того и собирали сословия, чтобы решить с ними финансовые вопросы и вопросы обороны.

Оценивая результаты работы Государственных собраний второй четверти XVII в., один из их активных участников Пал Семере с горечью писал: «Бесполезна сила, если нет действия. Бесполезен счет там, где некому считать. Бесполезен язык, если нет колокола»⁷⁵. В безрезультатности Государственных собраний этот типичный представитель комитатского дворянства обвинял Вену. Надор Миклош Эстерхази смотрел значительно дальше и глубже.

* Бестерцбаня – совр. Банска Бистрица в Словакии. – Прим. ред.

** Надьсомбат – совр. Трнава в Словакии. – Прим. ред.

Он осознавал отставание от требований эпохи самих сословий, несоответствие условиям времени их социальной организации, их поведения в обществе и преследуемых ими целей. Среди ряда реформ, предложенных Миклошем Эстерхази в 30-е годы XVII в., есть и проект реформы Государственных собраний⁷⁶.

Главную причину кризиса палатин Эстерхази видел в позиции дворянских комитатов – этих оплотов дворянской сословной автономии в государстве. Действительно, дворянские комитаты представляли в то время реальную силу в стране, за пределами которой оказался и сам король, и центральные органы государственного управления. Именно комитаты должны были проводить в жизнь решения Государственных собраний (в том числе о налогах, созыве ополчения и т. д.), но по разным причинам не усердствовали в этом. На Государственных собраниях комитаты не могли подняться над местными интересами и отстаивали их через своих депутатов, которые должны были действовать строго в соответствии с инструкциями, данными ими дворянскими собраниями комитатов. В итоге: дела общегосударственной важности обсуждались – если до них доходила очередь – в спешке, небрежно, в последние дни сословного съезда. Надор Миклош Эстерхази как высшее должностное лицо королевства ставил на первое место государственный интерес, которому, по его убеждению, должны были подчиняться и сословия, даже если это привело бы к ущемлению их привилегий. Он требовал, чтобы депутатам не вменялось строгое следование инструкциям, составленным на местах, а вопросы местного значения не ставились бы впереди общих⁷⁷.

К середине XVII в. для наиболее дальновидных венгерских политиков стала очевидной необходимость проведения реформ, что не в последнюю очередь было обусловлено новыми перспективами, открывшимися после заключения Вестфальского мира (1648 г.). В венгерском обществе оживились надежды на то, что под эгидой Габсбургов широкая международная коалиция европейских государств начнет крупномасштабную войну с целью изгнания османов из Венгрии в частности и из Европы в целом⁷⁸. Выдающийся политический деятель и полководец Миклош Зрини считал, что после завершения победоносных войн с турками Венгрия сможет сохранить свои позиции перед лицом Габсбургов только в том случае, если наряду с другими странами коалиции примет активное участие в освободительной войне⁷⁹. В то же время Зрини полагал, что при нынешнем положении дел Венгрия не способна выполнить подобные задачи. Именно поэтому Зрини торопил венгерские сословия с созданием постоянной, хорошо вооруженной и обученной современной армии, основанной не на дворянском ополчении, а на иных, современных принципах комплектования⁸⁰.

Венгерские политические деятели, разделявшие взгляды Миклоша Зрини, предприняли попытку на Государственных собраниях 1655, 1659 и 1662 гг. провести сословную реформу. Она предполагала, с одной стороны, некоторую модернизацию дворянского ополчения, предусматривавшую новые правила мобилизации и проведение ежегодных военных смотров, с другой – формирование регулярной армии. Для этого была снова предпринята попытка нарушить налоговую неприкосновенность дворян, которые по решению Государственного собрания 1659 г. должны были платить наряду со своими крестьянами военный налог, беся на себя половину суммы. Но это нововведение ограничивалось двумя ближайшими годами и распространялось только на западные комитаты королевства. Но и эту несмелую попытку реформы сословия благополучно провалили⁸¹.

Между тем предсказания Миклоша Зрини сбывались. Габсбурги все меньше считались с сословиями. На Государственном собрании 1662 г. император Леопольд I отказался рассматривать жалобы протестантских сословий прежде, чем они обсудят общегосударственные дела. Такого до сих пор не бывало. Протестантские сословия после долгих споров покинули Пожонь. Законы были приняты без них⁸². Следующее Государственное собрание было созвано только в 1681 г.

Можно утверждать, что со второй четверти XVII в. сословия и центральная власть поменялись местами: теперь сословия требовали созыва Государственных собраний, а Габсбурги уклонялись от этого. Ранний абсолютизм австрийских Габсбургов достаточно усилился для того, чтобы правители могли обходить сословия и Государственные собрания в решении важнейших вопросов. Так, для покрытия налогового дефицита 1637 г. на 50% была увеличена тридцатина (пошлина на экспортные товары)⁸³. Дворяне, вывозящие продукцию своих хозяйств за границу, также облагались тридцатиной⁸⁴. Законы 1637 г. грозили дворянам, отказывавшимся допустить к себе чиновников, занимающихся переписью наделов, лишением имущества⁸⁵. В 1671 г. в качестве карательной меры за заговор Ф. Вешшелени на дворянские комитаты была возложена повинность по содержанию императорских войск, расквартированных в Венгрии. Деятельность Государственных собраний была надолго приостановлена. Управление страной было вверено специальному, назначенному Веной правительству, половину которого составляли немцы⁸⁶. Контрреформация приняла безобразные формы.

Охватившее вслед за этими событиями всю страну новое антигабсбургское движение – куруцев (под предводительством Имре Тёкэли) в условиях надвигающейся перспективы новой войны с османами вынудило Габсбургов пойти на компромисс с венгерскими сословиями. Этот компромисс был означенован созывом в 1681 г. (после 20-летнего перерыва) Государственного

собрания⁸⁷. Девять месяцев (собрание длилось с апреля по декабрь) понадобилось Леопольду I, чтобы установить хрупкое равновесие и видимость согласия, пообещав депутатам соблюдать религиозные свободы протестантов, привилегии сословий, восстановить институты (в частности, должность палатина), деятельность которых была приостановлена после 1671 г. и т. п. Но затишье было недолгим. Возобновившаяся в 1683 г. война с османами перечернула его и окончательно изменила соотношение сил в пользу Габсбургов.

Новая война, начавшаяся с осады турками Вены в 1683 г. и завершившаяся в 1699 г. освобождением большей части Венгрии, существенно отличалась от предыдущих войн с османами, в которые прежде ввергались Габсбурги. Она велась силами международной коалиции, возглавленной Габсбургами, и носила наступательный характер. В финансировании на нужды войны Габсбурги в наименьшей степени зависели от венгерских сословий. В их распоряжении оказались иные денежные источники: государственные займы; помощь, направленная Римом; церковные доходы; залог государственного имущества и т. д.⁸⁸ В то же время то, что власти хотели получить от Венгрии, они брали силой. Примером тому служит карательная экспедиция в Венгрию в 1685 г. генерала Караффи, который наложил на венгерские города, как на вражеские, непосильную контрибуцию. Но поскольку измученное и разоренное войной население оказалось не в состоянии платить, Караффа прибегнул к открытому террору⁸⁹.

Во время наступления турок на Вену и ее осады летом 1683 г. почти все венгерские магнаты перешли на сторону султана, хотя в этом не в меньшей степени был виноват Леопольд I, не обеспечивший защиту Венгрии от турецких войск⁹⁰. «Измена» венгров еще больше подорвала доверие династии к ним. И хотя расправы над мятежной страной не последовало, так как Вена боялась прибегать к крутым мерам в разгар войны, ее участие в последующих военных действиях было ограничено. Даже надор Пал Эстерхази, один из немногих венгров, сохранивших верность династии, был отстранен от командования и оставался вдали от военных кампаний. Война на территории Венгрии велась в основном силами иностранных войск. Участие 15–20 тыс. венгров в военных действиях не меняло ситуации. К тому же это были не дворянские ополчения, а те, для кого война стала источником существования. Венгры мало привлекались к участию в военных действиях. Но даже и тем, кто воевал (особенно гарнизонам пограничных крепостей), не доплачивали жалованья, не обеспечивали провианта и обмундирования, численность венгерских контингентов постоянно сокращали. Такое отношение австрийских властей объяснялось не только недоверием к венграм, но также тем, что венгерские вооруженные силы не отвечали требованиям современной войны. Они были пло-

хो обучены, недисциплинированы, располагали крайне слабой пехотой и артиллерией. В войне конца XVII в. оказалась востребованной – и то, в качестве вспомогательных войск – только венгерская легкая кавалерия⁹¹.

Наконец, как уже упоминалось, изменился сам характер войны. Из оборонительной она превратилась в наступательную. Императорские и имперские войска освобождали Венгрию. Но Леопольд поступал с ней как с завоеванной страной. Речь идет не о том, что она отдавалась на разграбление «освободительным» войскам. Это считалось в порядке вещей. Возвращенные города и земли, целые комитаты переходили в подчинение австрийским финансовым, административным и судебным органам, и, таким образом, изымались из сферы компетенции венгерских дворянских комитатских органов. Позднее власти приступили к заселению наиболее важных в стратегическом отношении районов Венгрии немцами (например Буда), хорватами (на южной границе).

Такое положение вещей сделало возможным созыв в 1687 г. Государственного собрания, на котором Леопольд, как король-победитель, поставил сословиям свои условия. Они лишились прав выбора короля – Габсбурги (австрийские, а в случае пресечения у них мужской линии, испанские), таким образом, приобретали наследственную власть над королевством⁹². Сословия теряли древнее право оказывать сопротивление своему королю⁹³. Наконец, они были вынуждены согласиться с тем, что 120 иностранцев включались в состав венгерского дворянства, получив при этом от короля земли в королевстве⁹⁴. Таким образом, Габсбурги сделали еще один важный, хотя и не окончательный, шаг на пути утверждения абсолютизма в Венгрии.

Подчинив таким образом венгерские сословия, правящая династия приступила в своих владениях к преобразованиям уже абсолютистского толка. В конце 1680 – 1690-х годов продолжалось переподчинение отвоеванных у турок венгерских областей австрийским придворным органам. Частновладельческие земли возвращались прежним владельцам далеко не во всех случаях. Но и тогда при условии выплат значительных сумм правительству (10% оцененной стоимости земель). Из представленного в 1689 г. сословным комитетом проекта нового устройства Венгрии большая часть предложений сословного характера была изъята. В 1695 г. Венгерское казначейство – единственный центральный орган, действовавший в эпоху турецких войн на территории Венгерского королевства, был официально подчинен Придворному казначейству. После заключения Карловацкого мира в 1699 г. австрийские власти распустили часть венгерских полков, а также пограничные венгерские гарни-

⁹¹ Карловац или Карловиц – совр. Сремски Карловцы в Сербии. – Прим. ред.

зоны. На территории королевства началось систематическое уничтожение крепостей – оплотов сословного сопротивления.

Итак, австрийский абсолютизм в Венгрии делал успехи. Большая роль в этом принадлежит войнам. В войне 1683–1699 гг. особенно в полную силу проявились результаты тех процессов, которые происходили в европейском обществе и в австрийских наследственных владениях на протяжении XVII в. Организация управления государством предусматривала максимальную концентрацию власти в центре, который принимал решения и контролировал их выполнение. Феодальные сословные органы власти, как центральные (Государственное собрание), так и местные (дворянские комитаты) были не в состоянии справиться с решением глобальных задач. Постоянная, хорошо обученная, строящаяся на строгой дисциплине армия, заботы которой ложились на плечи государства, почти полностью вытесняла феодальное ополчение. В финансовых вопросах центральная власть успешно обходила сословия и находила новые источники финансирования, из которых старалась покрыть огромные государственные расходы, в том числе военные. Сословная организация отходила в прошлое, сословия отступали перед абсолютизмом, хотя сдавали свои позиции не без боя. Примером тому служит последнее крупное антигабсбургское выступление сословий в Венгрии в 1703–1711 гг. под предводительством Ференца II Ракоци.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О работе Государственных собраний см.: *Kéreszsy Z. Rendi országgyűléseink tanácskozási módja. Jogtörténeti tanulmány*. Kassa, 1906; *Pettkó B. Az 1655-i pozsonyi országgyűlés történetéhez // Történelmi Tár*. 1891; *Salamon F. Rendi országgyűléseink jellemzéséhez*. Pest, 1869; *Zsilinszky M. A magyar országgyűlések vallásügyi tárgyalása a reformációtól kezdve*. 3. köt. 1647–1687. Bp., 1893; 28. old.; *Benda K., Péter K. Az országgyűlések a kora újkori magyar történetében*. Bp., 1987; *Hiller I. «Sopronból azt írtam Méltóságodnak...» Külföldi diplomaták az 1625. évi soproni országgyűlésen // Hazi Jenő emlékkönyv*. Sopron, 1993. 225–266. old.; *Péter K. The Struggle for Protestant Religious Liberty at the 1646–1647 Diet in Hungary // Crown, Church and Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by R.J.W. Ewans and T.V. Thomas*. London, 1991. P. 261–267. О попытках реформ: *R. Várkonyi Á. Országgyesítő kísérletek (1648–1664) // Magyarország története. 1526–1686*. 2. köt. / Szerk. R. Várkonyi Á. Bp., 1987. 1077. old. *Péter K. A magyar romlásnak századában*. Bp, 1985; *Péter K. Zrínyi Miklós terve II. Rákóczi György magyar királyságáról // Századok*. 1972. 653–666. old. О

выборах комитатского административного аппарата и о его работе см.: *Degré A. Megyei közgyűlés a XVI–XVII. századi török háborúk korában: Tanulmányok a magyar helyi önkormányzat múltából.* Bp., 1971; *Fekete L. A vármegyei tisztkar a XVI–XVII. században (Bőlcsezet-doktori értekezés).* Bp., 1914; *Osváth Gy. A magyar vármegyei szervezet 1608-ig. Jogtörténeti tanulmány.* Bp., 1914; *Botka T. Jogtörténeti tanulmányok a magyar vármegyek szervezetéről / Budapesti Szemle. Új folyam.* I. köt. 2. füz.; *Gecsenyi L. Győr megye közigazgatása és tisztkara a XVII. században // Levéltári Szemle.* 1988. 3. sz.; *Turbuly É. Die Komitatsverwaltung und ihre Träger in West-Transdanubien im 16./17. Jahrhundert: Beiträge zur Landeskunde des burgenländisch-westungarischen Raumes // Festschrift für Harald Prickler zum 60. Geburtstag.* Eisenstadt, 1994. S. 454–470. О работе центральных государственных учреждений см.: *Ember Gy. Az újkori magyar közigazgatás Mohácstól a török kiüzéseig.* Bp., 1937; *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVII. században // Levéltári Közlemények.* 1968. 2. sz. 233–268; *Acsády I. A pozsonyi és szepesi kamarák 1565–1604.* Bp., 1894; *Szentétery I. A pozsonyi és szepesi kamarák viszonya a XVI. században // Domanovszky Emlékkönyv.* Bp., 1937; *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVII. században // Levéltári Közlemények.* 1968. 2. sz. 233–268. old.; *Idem. A Szepesi Kamara tisztviselői a XVII–XVIII. században // Levéltári Közlemények.* 1967. 2. sz. 193–236. old.; *Szűcs J. A szepesi kamarai levéltár 1567–1813.* Bp., 1990; *Nagy I., F. Kiss E. A magyar Kamara és egyéb kincstári szervek / Szerk. F. Kiss E.* Bp., 1995; *Gecsenyi L. Egy kamarai tisztviselő a XVI. században: Nagyváthly Ferenc // Turul.* 1999. 3–4. füz.; *Gecsenyi L., Gusarová T. Szepesi Kamara vezető tiszviselői 1646–1672 között // Századok.* 137. evf. 2003. 3. sz. 653–673. old.

² При подсчете не учтены краевые собрания и те, которые созывались Яношем Запольяни.

³ Среди наиболее важных изменений следует в первую очередь отметить почти полную смену высшего – баронского – сословия в ходе войн с турками уже в первой половине XVI в. и приобретение им наследственного статуса. В обстановке перманентной войны заметно выросла общая численность дворянства, особенно, низшего, в том числе армалистов. На этом фоне укрепились сеньориально-вассальные связи, в которые сильнее, чем прежде, были вовлечены также и средние слои дворянства. В то же время небывалого расцвета достигла автономия дворянства, объединенного в корпоративные общности (дворянские комитаты) на местах. См. об этом: *Zimányi V. Gazdasági és társadalmi fejlődés Mohácstól a 16. század végeig // Magyarország története 1526–1686 // Főszerk.* Pach Zs.P. Bp., 1985. 1. köt. 384–393. old.;

Magyarország birtokviszonyai a 16. század középén / Szerk. és bevezetőtanulmányt írta Maksay F. I. köt. Bp., 1990. 9–11, 31–34. old.). На русском языке см. об этом: Гусарова Т.П. Дворянство Венгрии в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. С. 171–192.

⁴ Так, на Государственном собрании 1547 г. сословия заявляли: «Прелаты, бароны, дворяне и прочие сословия Венгрии прежде всего покорнейше благодарят и на вечные времена выражают признательность его священному королевскому величеству, их всемилостивейшему господину за все те усилия, старания и заботы, которые его величество с самого начала всегда обращал на их благо и сохранение...». *Corpus Juris Hungarici* (далее – CJH). *Magyar törvénytár. 1526–1608. évi törvénycikkek.* (далее – Vol. 2). Bp., 1899. P. 188–189.

⁵ «Itaque statuimus convocare fideles regnicolas nostros, ut habito con iis consilio, aliquam rationem ineamus, quomodo iminencia pericula auerti, regnique et omnium vestrum defensio et tranquillitas parari possit». Цит. по: *Monumenta Comititalia Regni Hungariae. – Magyar Országgyűlési Emlékek / Szerk. Fraknói V. 2. köt. 1537–1545. Bp., 1875. 9. old.* (далее – MOE).

⁶ См. об этом: Szabó A. Mágocsy Gáspár és András udvara // *Magyar reneszánsz udvari kultúra / Szerk. és az előszót írta R. Várkonyi Á.* Bp., 1987 (далее – MRUK); Détshy M. Sárospatak vára és urai, 1526–1616-ig. Sárospatak, 1996 (A Sárospataki Rákóczi Múzeum Füzetei. 30); Bitskey I. Pázmány Péter udvartartása // MRUK; Kovács J.L. Adelige Höfe, hochadelige Hofhaltung, Nikolaus Esterházys Hofhaltung // Adelige Hofhaltung im österreichischen-ungarischen Grenzraum (vom Ende des 16. bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts / Hrsg. R. Kropf, G. Schlag. Eisenstadt, 1998. S. 125–135 (Wissenschaftliche Arbeiten aus dem Burgenland. 98); Kardos T. A Nádasdyak reneszánsz udvara // Kardos T. Az emberség műhelyei. Bp., 1973. 333–352. old.

⁷ Об отношениях между венгерской аристократией и Венским двором см.: Pálffy G. A bécsi udvar és a magyar rendek a 16. században // *Történelmi Szemle.* 1999. 3–4. sz.

⁸ Так, на Государственном собрании 1538 г. Фердинанд предполагал поставить, наконец, вопрос о подтверждении своих прав на венгерский престол и все земли венгерского королевства как наследственных. Правда, в конце концов, он отказался от этого намерения, побоявшись, что сословия откажут (См.: MOE. 2. köt. 56. old.).

⁹ В 1559 г. сословия отказались принять предложение эрцгерцога Максимилиана относительно установления налога на четыре года (См.: MOE. 4. köt. 166. old.).

¹⁰ В 1546 г. Государственное собрание постановило ежегодно утверждать налог (См.: MOE. 2. köt. 7. old.).

¹¹ CJH. Vol. 2. 1537/1. P. 39. (Здесь и далее ссылки на законодательные акты Венгерского королевства даются следующим образом: год / статья закона с указанием соответствующей страницы в томе издания CJH); MOE. 2. köt. 118. old. (Государственное собрание 1539 г., решения которого не были утверждены Фердинандом I).

¹² CJH. Vol. 2. 1546/5. P. 161.

¹³ CJH. Vol. 2. 1547/8. P. 195.

¹⁴ MOE. 2. köt. 417–418. old.

¹⁵ CJH. Vol. 2. 1552/4. P. 307.

¹⁶ MOE. 2. köt. 15. old. (дебаты); CJH. Vol. 2. 1557/3. P. 424 (решение о налоге).

¹⁷ CJH. Vol. 2. 1557/3. P. 424.

¹⁸ MOE. 2. köt. 313–314. old. (Государственное собрание 1541 г.); 410. old. (Государственное собрание 1542 г.). К Государственному собранию 1557 г. Венгерским казначейством был подготовлен целый пакет предложений, касавшихся налоговой системы в целом, но в спешке он не был рассмотрен (См.: MOE. 4. köt. 40–47. old.).

¹⁹ MOE. 2. köt. 425. old. (Государственное собрание 1542 г.); MOE. 3. köt. 103. old. (Государственное собрание 1547 г.).

²⁰ MOE. 2. köt. 542. old. (Государственное собрание 1543 г.).

²¹ MOE. 3. köt. P. 417–418. (Государственное собрание 1553 г.).

²² Речь шла о компенсации ущерба, причиненного стране королевскими войсками во время последних военных действий против османов (См.: MOE. 3. köt. 50–54. old.).

²³ MOE. 4. köt. P. 144.

²⁴ Ibid. 146. old.

²⁵ «Respondent Consiliarii, Maiestatem suam S. clementer scire posse, eiusmodi subsidium non a solis Consiliariis, qui prout ceteri Regni membrum tantum sunt, decerni solitum esse, sed per totam Universitatem Regnicolarum. Nihil itaque soli hic de eo statuere possunt; nsm etias ipsi aliquid offerent, ceteri tamen oblatum non prestarent» (MOE. 4. köt. 145. old.).

²⁶ Ibid. 146. old.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid. 200–202. old.

²⁹ CJH. Vol. 2. 1559/15. P. 454.

³⁰ Ibid. 1559/2–9. P. 450.

³¹ Правда, сословия согласились на налог в 3 фт, но оговорили, что 1 фт пред назначают в подарок для вновь избранного короля – Максимилиана II (Ibid. 1563/4–5. P. 482–484).

³² MOE. 4. köt. 399. old.

³³ В своем обращении к венгерским советникам Фердинанд писал, что удивлен тем, что они говорят о каких-то выборах, как будто выборы должны предшествовать коронации. Он объяснял, что не видит необходимости в этом, так как по отцовской и материнской линии Максимилиан происходит из королевской семьи и является первородным сыном законно коронованного венгерского короля. Фердинанд ссылался при этом на старую венгерскую историю и государственные договоры, которые, как он утверждал, не содержат никаких упоминаний о том, что первородного сына короля, которому трон положен на наследственном праве, нужно было бы выбирать (См.: MOE. 4. köt. 454–455. old.).

³⁴ Советники же напоминали королю, что «их предки всегда выбирали королей, и только после этого короновали... И хотя преемникам королей всегда были первородные сыновья, нация признавала их королями только после выборов и коронации» (Ibid. 4. köt. 460. old.).

³⁵ Ibid. 485–485. old.

³⁶ *Fallenbüchl Z. Az udvari méltóságok archontológiája / Összeállította és a bevezető tanulmányt írta Fallenbüchl Z.* Bp., 1988. 69. old.

³⁷ В приглашении на Государственное собрание, разосланном Фердинандом I 6 января 1563 г. в венгерские комитаты, король писал: «... Maximilianum Romanorum et Bohemiae Regem, filium nostrum primogenitum ... in legitimum post nod Hungariae Regem, recipiendum, pronunciandum, declarandum, recognoscendum (курсив мой. – Т.Г.), et accedente communi consensu scitu, et approbatione ordinum et Statuum Regni, juxta veterem morem et consuetudinem, in primogenitis divorum quondam Hungariae Regum predecessorum nostrorum observatum, debita solennitate coronandum decrevimus» (MOE. 4. köt. 509. old.).

³⁸ CJH. Vol. 2. 1569/5. P. 590–592; 1572/4. P. 620; 1574/1. P. 632; 1575/1. P. 654.

³⁹ Ibid. 1569/16. P. 595.

⁴⁰ Ibid. 1582/1. P. 691.

⁴¹ Exemptionibus vero immunitatibus veteribus (in quibus illae etiam, quae per divum olim Ferdinandum augustissimae memirae aliquibus non comtemnenda bona, nec exiguum colonorum numerum in locis pacatis ac solo feraci

habentibus, confirmata sunt, expresse comprehendantur) omnibus ad pacatiora usque tempora suspensis» (MOE. 7. köt. 142. old.).

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid. 161–162. old.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ CJH. Vol. 2. 1583/1. P. 701.

⁴⁶ Ibid. 1588/2. P. 706.

⁴⁷ Ibid. 1588/3. P. 706–708.

⁴⁸ Ibid. 1588/4. P. 708.

⁴⁹ Ibid. 1588/10. P. 710.

⁵⁰ CJH. Vol. 2. 1593/3. P. 734.

⁵¹ Ibid. 1595/3. P. 746.

⁵² Ibid. 1596/6. P. 782.

⁵³ Ibid. 1598/4. P. 836.

⁵⁴ Ibid. 1599/6. P. 856.

⁵⁵ Tóth S.L. A mezőkeresztesi csata és a Tizenötéves háború. Szeged, 2000. 111. old.

⁵⁶ В решениях Государственного собрания 1596 г. в связи с этим отмечалось: «Из-за такого числа, размеров чуть ли не ставших постоянными невзгод, войн (продолжающихся уже не одно столетие), сословия впали в такую нищету и настолько стеснённые во всех отношениях обстоятельства, что если подумать о масштабах нынешней опасности, то они сами со своей стороны для предотвращения бед могут пообещать очень маленькую помощь и средства спасения...» (CJH. Vol.2. 1596/2. P. 780).

⁵⁷ Tóth S.L. A mezőkeresztesi csata. 111. old.

⁵⁸ CJH. Vol. 2. 1597/27. P. 822; 1598/39. P. 848; 1599/31. P. 867; 1604/18. P. 952.

⁵⁹ Ibid. 1597/46. P. 828.

⁶⁰ Ibid. 1604/22. P. 954–956.

⁶¹ MOE. 12. köt.

⁶² Ibidem.

⁶³ См. об этом: Медведева К.Т. Венский мир и предпосылки создания сословной конфедерации 1608 г. // Славяноведение. 1999. № 2.

⁶⁴ См. об этом в дневнике созванного по инициативе эрцгерцога Матиаса (будущего императора Матиаса I) в Пожони январского регионального собрания 1608 г., который вел неизвестный депутат от г. Шопрон. (Diarium Conventus regnicolarum Posonium anno 1608, in mense Januarium auctoritate regia indicti, ac dein interrupti, per ablegatum civitatis Soproniensis a die 9.

- Januarii ad diem 3. Februarii deductus // Scriptores rerum hungaricarum minores inediti / Ed. M.Gy. Kovachich. Vol. I. Buda, 1798. P. 211–245).
- ⁶⁵ CJH. Vol. 3. 1608/1. P. 8 (В предкоронационных статьях Матиаса I разрешали свободу вероисповедания для магнатов, дворян, свободных королевских городов и гарнизонов пограничных крепостей).
- ⁶⁶ Ibid. 1608/3. P. 10.
- ⁶⁷ Ibid. 1608/5, 10, 11. P. 12–16.
- ⁶⁸ CJH. Vol. 3. 1608/13. P. 30 (Послекоронационные статьи Матиаса I.)
- ⁶⁹ Ibid. 1608/1. P. 24.
- ⁷⁰ Péter K. A fejedelemség virágkora (1606–1660) // Erdély története: három kötetben. 2. köt. 1606-tól 1830-ig / Szerk. Makkai L., Szász Z. Bp., 1986. 663. old.
- ⁷¹ Ibid. 648–649. old.
- ⁷² Ibid. 670. old.
- ⁷³ Ibid. 672. old.
- ⁷⁴ См. об этом: Goussarova T. A vallási kérdések vitáinak léhköré a magyar országgyűléseken a 17. század első felében // R. Várkonyi Ágnes emlékkönyv születésének 70. évfordulója ünnepére / Szerk. Tusor P. Bp., 1998. 318–320. old.
- ⁷⁵ «Frustra est potentia, ubi non est Actus. Frustra est calccus, ubi non est Calccator. Frustra est pistillum sine Campana» (Georgii et Pauli de Zemere Diarium Diaetae Posoniensis a die 6 Novembris a. 1637 usque ad diem 7 Aprilis 1638 deductum: Eötvös Loránd Tudományos Egyetemi Könyvtárának Kézirattára. Collectio Kapriniana. Tom. XVII. Fol. 25.
- ⁷⁶ Salamon F. Rendi országgyűléseinek jellemzéséhez // Salamon Ferenc kisebb történeti dolgozatai. Bp., 1889. 402–405. old.
- ⁷⁷ Ibidem.
- ⁷⁸ См. об этом: Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. Ч. II. С. 148–188.
- ⁷⁹ Zrínyi M. A török áfium ellen való orvosság // Zrínyi Miklós összes művei. Bp., 1958. 767–768. old.
- ⁸⁰ Zrínyi M. Mátyás király életéről való elmélkedések // Zrínyi Miklós prózai művei / Kiad. Kovács S. Bp., 1985. 198–199, 201. old.
- ⁸¹ См. об этом: Гусарова Т.П. Неожиданное продолжение истории Ласло Ракоци (Дело шарошпатакских послов на венгерском Государственном собрании 1659 г.) // Средние века. М., 2002. Вып. 63. С. 303–305.
- ⁸² См. об этом: Fabó Á. Az 1662-diki országgyűlés. Bp., 1873.

⁸³ CJH. 1608–1657. évi törvényczikkek. (далее – Vol. 3). Bp. 1900. 1637/6. P. 376.

⁸⁴ Ibid. 1637/49. P. 398.

⁸⁵ Ibid. 1637/47. P. 396.

⁸⁶ Károlyi Á. A Magyar alkotmány fölfüggesztése 1673-ban. Bp., 1883.

⁸⁷ В пригласительном письме на Шопронское Государственное собрание 1681 г. Леопольд I особо подчеркивал, что созывает сословия для того, чтобы в стране, охваченной продолжительной войной с «натуральным врагом христианства – турками», постоянно нарушающими мир, затянувшимися внутренними мятежами, беспорядками, посоветоваться с ними о том, как обеспечить безопасность, покой, спокойствие, пользу и процветание конституции». Текст письма опубликован: Németh S. Az 1681. évi országgyűlés. Bp., 1915. 104–105. old. (Приложение).

⁸⁸ См. об этом: Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны... С. 295–328.

⁸⁹ См. об этом: Varga J. Az 1683–1687-es katonai sikerek politikai következményei // Előadások és tanulmányok a török elleni visszafoglaló háborúk történetéből 1686–1688 / Szerk. Szita L. Pécs, 1989. 189. old.

⁹⁰ Klopp O. Das Jahr 1683 und der folgende grosse Türkenkrieg bis zum Frieden von Carlowitz 1699. Graz, 1882. S. 194–196.

⁹¹ Nagy L. Habsburg- és törökellenes harrok // Magyarország története: Két kötetben / Förszerk. Liptai E. Bp., 1984. 326–329. old.

⁹² CJH. Vol. 4. Bp., 1900. 1687/2. P. 334.

⁹³ Ibid. 1687/4. P. 336.

⁹⁴ Ibid. 1687/26–29. P. 352–362.

Беата Кертесне-Варга

Воссоединение Украины с Россией в зеркале русских и украинских исторических интерпретаций второй половины XIX века

Проблема воссоединения Украины с Россией заняла достойное место в творчестве современников: достаточно упомянуть летописи Самовидца, Г. Грабянки, С. Величко и др.¹ Интерес к ней не ослабел и в последующие столетия. В настоящей статье рассматриваются взгляды видных русских и украинских историков XIX в. на проблему.

Н.И. Костомаров² занимает особое место в историографии России XIX в. как украинский историк, сочетавший разработку вопросов истории России с изучением истории Украины. Его взгляды на историю отличались сложностью и противоречивостью, но в конечном счёте ученый никогда не выходил за пределы либерально-буржуазной историографии.

Реакцией на углубление кризиса феодально-крепостнической системы и назревание революционной ситуации в Российской империи во второй половине XIX в. явилась активизация либеральных, реформистских взглядов на историю общества. Отражая стремление русской и украинской буржуазии, напуганной ростом народного движения, к компромиссу с монархией, либералы были решительными противниками радикального уничтожения феодальных отношений.

Взгляды либералов нашли яркое выражение в сочинениях Н.А. Костомарова, в особенности в его работе «Богдан Хмельницкий»³. Как историк-федералист он в своих книгах выступал критиком самодержавия и сторонником демократического федерализма. Этому историку принадлежит оригинальная концепция российской истории. Период Киевской Руси, по его мнению, был временем господства вечевого строя: единого государства не было, каждая земля, населённая особым южнорусским славянским племенем, обладала самоуправлением и через вче обеспечивала себе автономию. Таким образом, история Киевской Руси связывалась Костомаровым исключительно с

историей южнорусской, т. е. украинской народности, что опровергало саму идею «воссоединения». В этом смысле он выступал как зачинатель украинской буржуазно-националистической историографии. В общем, в его трудах отразились интересы буржуазно-помещичьих либеральных кругов Украины, которые в середине XIX в. добивались национальной автономии в рамках царской России.

Научным достижением Костомарова явилось то, что он одним из первых в XIX в. показал восстание Хмельницкого как закономерное и неминуемое событие, подготовленное предшествующими десятилетиями и вылившееся в борьбу украинского народа против социального, национального и религиозного гнёта⁴. Ученый увидел в Богдане Хмельницком прозорливого политика и талантливого дипломата. По его мнению, гетман, который возглавил мощное народное движение, не смог подняться выше интересов своего класса, но он увидел в народном восстании удобный случай надолго проучить польских панов и выполнить свой план – ослабить польскую олигархию и осуществить соединение Украины с Россией.

Костомаров первым ввёл в научный оборот знаменитое обращение Хмельницкого к царю от 8 июня 1648 г. с просьбой о принятии Украины, свидетельствующее, что уже в первые месяцы восстания гетман, помимо цели получения военной и материальной помощи, поставил задачу добиться объединения украинского народа с русским. Но, по словам историка, будто только крайне безвыходное положение, в котором оказался гетман под Жванцем в результате сговора польского короля с крымским ханом в 1653 г., заставило его отаться под власть царя.

Первого октября 1653 г. в Москве происходило великое событие: на заседании Земского собора русские люди разных сословий решили вопрос о принятии Украины. Все сошлись во мнении, что раз польский король Ян Казимир не сдержал своей присяги и восстал на православную христианскую веру, то его подданные (т. е. малороссияне) освобождались от всякой клятвы послушания. Следовательно, гетман и всё Запорожское войско стали теперь, после нарушения королевской присяги, вольными людьми. А потому, чтобы не допустить их в подданство турецкому султану или крымскому хану, следует их «принять под высокую государеву руку»⁵. Кроме того, все согласились и приговорили, что русский царь должен объявить войну Польше и Литве «за оскорбление веры и своей царской чести»⁶. После этого, продолжает Костомаров, царь послал трёх уполномоченных послов в Переяслав для принятия Украины под покровительство московского государя.

Восьмого января 1654 г. Хмельницкий назначил общую раду в Переяславе, где он говорил: «Мы собрали сегодня раду... чтобы вы с нами избрали себе государя из четырёх, какого захотите: первый – царь турецкий, который

много раз призывал нас под свою власть...второй – хан крымский, третий – король польский, который и теперь может принять нас в свою милость...четвертый – царь православный Великой Руси... которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем и паном... И тысячи голосов отвечали: “Волим под царя восточного...”»⁷.

Затем, рассказывает Костомаров, начали читать приготовленные *условия*, на которых Украина должна соединиться с Москвой. Главнейшими из них были: целостность «Южной Руси» по обоим берегам Днепра, право иметь собственное управление, независимо от царских чиновников; право собственного законодательства и судопроизводства; право избирать гетманов и чиновников вольными голосами; право принимать послов и сноситься с иноземными государствами; сохранение муниципальных прав городов; неприкосновенность личных прав сословий; неприкосновенность имущества; умножение реестрового войска до 60 тыс. человек и выплата жалованья казакам из местных доходов⁸. Согласно этим условиям, которые позже подтвердил и сам царь, Украина должна была платить дань своему государю, но без вмешательства московских сборщиков, и обязывалась помогать царю войсками на войнах, царь же должен был защищать её и совершенно освободить от притязаний Польши. После присяги казацкой старшины царю от имени всей Украины московские послы дали от имени царя *клятвенное обещание*, что государь «будет держать всю Малую Русь со всем войском запорожским под своим покровительством, при нерушимом сохранении всех их древних прав, и охранять войсками и помогать казной от всяких неприятельских нападений...»⁹.

Автор оценил Переяславскую Раду как необходимый и *неизбежный акт* для судеб «единокровных народов», а соединение Украины с Россией – как явление исключительно *добровольное*. После Переяславской Рады гетман отправил посланников в Москву, с просьбой о подтверждении *договорных статей*, которые, утверждает Костомаров, заключали в себе те же условия, какие были перечислены в Переяславе. Царь утвердил их почти все с незначительными ограничениями. В числе последних важнейшим было следующее: хотя гетман имел право принимать иностранных послов, тем не менее он должен был доносить государю и задерживать таких, которые приехали бы с каким-нибудь предложением, неблагоприятным для московского правительства. В общем, по мнению историка, Хмельницкий понял потребности своего края и сообразно им определил его дальнейшую историю. Единственной страной, способной защитить украинский народ от поглощения панской Польшей, была Россия, ибо Турция и Священная Римская империя «велики были обещаниями», а Молдавия и другие ближние страны могли только сочувствовать страданиям украинцев.

Рассматривая положение Украины, Костомаров всё более склонялся к мысли, что она без поддержки России не смогла бы освободиться от иноземного гнёта. Положительная сторона соединения заключалась в том, что именно российская монархия обладала наибольшей способностью к обузданию «демократических начал». Что же касается самого акта соединения, ученый считал, что это был *договор*. Для подтверждения своей мысли он ссылался на версию С. Величко и автора «Истории руссов» о «присяге» русских послов в Переяславе. Не отрицая необходимости объединения двух народов, он вместе с тем выражал сочувствие сепаратистским устремлениям казацкой старшины и неумеренно подчёркивал значение сохранившихся противоречий с московским правительством. Костомаров не раз утверждает в своей работе, что главной целью Хмельницкого сначала была независимость Украины, но её суверенность ещё не имела шансов стать реальной в Восточной Европе XVII в. По его мнению, русское господство задержало украинское национальное развитие. Проблема эта могла бы разрешиться, убежден автор, только с превращением России в демократическое, федеративное государство.

Либерально-буржуазная оппозиционность Костомарова, имевшая националистические корни, выветривалась по мере обострения классовых противоречий в России того времени. Боязнь народной революции мирила его, как и всех либералов, с царизмом, приводила историка к отказу от умеренной оппозиционности и националистических притязаний. Политическая реакция в стране сделала его консерватором. В своих работах 60–70-х годов XIX в. Костомаров уже склонен был положительно оценивать великодержавную политику царского правительства.

Буржуазно-дворянская историческая концепция второй четверти XIX в. фактически обосновывала великодержавную, национально-монархическую программу поглощения украинцев русским государством, растворения их прошлого в истории России. Это нашло яркое отражение и в русской буржуазной концепции С.М. Соловьёва. Выдвинутая им теория колонизации вела к отрицанию самостоятельности национально-исторического развития других народов.

С открытым призывом к сплочению сил господствующих классов для борьбы с растущим революционным движением выступил в это время украинский историк В.А. Кулиш¹⁰. Обращаясь к истории, он хотел показать, какую громадную опасность для господствующих классов таил в себе революционный протест народных масс. В его работах по истории Украины¹¹, написанных в поздний период жизни, обнаружилась резкая перемена взглядов: он начал оценивать народные движения с враждебных позиций, преувеличивал роль государствообразующих элементов. В своей работе 1890 г. «Отпадение Малороссии от Польши»¹² ученый изображал восстание украинцев как борь-

бу тёмной народной стихии против «строительных», «цивилизаторских» элементов общества – польских и украинских панов.

Кулиш с ненавистью относился к Хмельницкому, осыпая его самыми бранными словами. Он стремился представить гетмана «коварным политиком, движимым эгоистическими побуждениями»¹³. По его словам, Хмельницкий пошёл на *воссоединение* с Россией лишь под влиянием крайней необходимости. Ученый неоднократно подчёркивал, что разрыв с Речью Посполитой стал следствием ее собственной политики беззаконий по отношению к Украине.

Первого октября 1653 г., пишет Кулиш, в Грановитой палате в Москве слушали письменный доклад думного дьяка о том, что польский король и его паны, в своих грамотах и письмах, умаляют достоинство царя, переиначивая царский титул его. В польских книгах были напечатаны злые бесчестья, укоризны и хулы, которых «слышати и терпети невозможно»; не давая государю удовлетворения на его требования, поляки чинили разные притеснения порубежным жителям Московского государства. Гетман Богдан Хмельницкий со всем Запорожским войском доносил царю о гонениях Речи Посполитой на православную веру греческого закона. Турецкий султан звал казаков к себе в подданство, но казаки предпочитали быть «под высокой рукой Московского самодержца»¹⁴. Таким образом, делает вывод историк, русскому народу было показано решение вопроса только со стороны веры, ввиду предстоявшей войны с польским королем. И война с Польшей под знаменем церкви и веры пришла по душе всем сословиям России. И они сознавали важность сложившейся ситуации.

В критический момент, когда казаки бежали домой, гонимые страхом союза поляков с татарами на их погибель, к ним готовились выехать полномочные послы для принятия Малороссии в *московское подданство*. Послов в Переяславе принимал Павел Тетеря, который, полагал автор, не мог относиться к делу русского *воссоединения* сочувственно и смотрел на него как на неизбежное, но временное зло. 8 января 1654 г. «Козацкий Батько» (т. е. Хмельницкий) произнёс речь, в которой *волей и неволей* должен был взять ноту малороссийского большинства: «Нельзя видно жить нам более без царя!», – сказал гетман. Но ни условий, пишет Кулиш, ни так называемого Переяславского договора с царскими уполномоченными не было и, «по духу московского самодержавия, быть не могло!»¹⁵ Ведь казаки целые шесть лет беспрестанно умоляли царя принять их в подданство, и великий государь наконец сжался – и то не над ними, а над «нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси». В речи Бутурлина не упоминается ни о каких обязательствах со стороны царя. Москва знала, продолжает автор, что «казакам

деться негде», что Малороссия волей судеб сама пришла к великому государю и что возврата ей к польской разнозданности нет, поэтому и говорила с казаками повелительно.

В марте 1654 г. в Москве появились посланники от Хмельницкого С. Зарудний и П. Тетеря с *петицией*, представленной казаками царю через два месяца по принятии от них «безусловного подданства». Всё это было казакам даровано *по царской милости* и под каждой статьей подписано. Запрещалось только сноситься без государева указа с турецким султаном и польским королем. То есть Кулиш выразил интересы великорусского взгляда. Убедительно опровергая взгляды украинских историков, он называет гетмана разбойником, среди планов которого на первом месте стояло установление самостоятельного княжества под собственным господством, а его независимость предполагалась сохранять при помощи натравливания соседних держав друг на друга. Историк сознательно пользуется термином «воссоединение», аргументируя это тем, что *Малая Россия* начиная с XI в. принадлежала к Великой России в составе Киевской Руси. По мнению большинства историков, книгу Кулиша нельзя назвать историческим сочинением. Она, по существу, является политическим памфлетом, призванным укрепить позиции реакции.

Совсем иную точку зрения по вопросу о воссоединении Украины с Россией занял Г. Карпов¹⁶. Его работы имели известное положительное значение, так как содержали критику неправильных концепций П. Кулиша. В начале своей книги автор отмечает, что написал ее по поводу «взводимых на Хмельницкого всевозможных Кулишом преступлений»¹⁷. Он подчеркивает: воображение у Кулиша и его фантазия поразительны, все по истории Малороссии «вывернул наизнанку или поставил вверх ногами». Конечно, у Богдана Хмельницкого, как у всякого человека и политического деятеля, были свои слабости и пороки, но превратить их в то, во что превратил Кулиш, может только бесконечная злоба, зависть и ненависть. Карпов берёт на себя обязанность защищать Хмельницкого от названий «коварный разбойник, изменник и предатель по натуре». Во второй половине XVII в. московские приказы, ведавшие делами Малороссии, были завалены доносами малороссиян друг на друга. Но был человек, утверждает историк, на которого, пока он жил, никто не смел доносить, да и он тоже ни на кого не доносил. Только за несколько недель до кончины гетмана, когда всем стало ясно, что страшно тяжёлая рука теперь совсем ослабела, нашлись около него те, кто и наговорил москвичам, что «гетман хочет государю изменить, сноситься с иностранными правительствами, заключить с ними такие договоры, которые противны воле и интересам великого государя»¹⁸.

То, что Хмельницкий якобы изменил своему новому государю, пишет Карпов, это в глазах Москвы имело мало цены, но то, что гетмана обвиняли в

измене именно малороссияне, т. е. ближайшие соратники, – это на московских сановников могло произвести впечатление. Малороссия, освободившись от польской власти при помощи казачества, вдруг получила какое-то господствующее военное сословие, но его отношение к остальным жителям совершенно не было определено. Вследствие этого, продолжает Карпов, в Малороссии началась «особого рода внутренняя борьба», борьба за власть. В этом, по мнению автора, коренится причина доносов малороссиян XVII в. друг на друга.

Несмотря на все указанные доносы на Богдана Хмельницкого, им не поверили или они не успели повлиять на тех, кому были адресованы. Историк высказывал надежду, что «сочинение Кулиша есть последнее в русской литературе надругательство над памятью великого исторического деятеля»¹⁹. Сообщая о недавнем открытии памятника гетману в Киеве, он от имени читателя задает вопрос: за что же изменнику ставится памятник от «всех России»²⁰. Если Хмельницкий был только «разбойником, и притом изменником и предателем по натуре», как утверждал Кулиш, то почему же московское правительство нашло возможным принять его в своё подданство, продолжал Карпов.

До 1653 г. в Москве не удовлетворили просьбы гетмана относительно принятия его в своё подданство. Несмотря на первоначальный отказ в 1648 г., Хмельницкий в течение следующих пяти лет не уставал обращаться к царю со своими посланиями. Москвичи на предложение со стороны гетмана о принятии в подданство и просьбу о помощи постоянно отвечали: «У великого государя с королем польским вечный мир и крестное целование, которые нарушить никак нельзя». Но прошло несколько лет, и то же московское правительство решается объединить себя с малороссиянами. Как это случилось? По мнению Карпова, надо полагать, что в Москве знали, что делали. В течение шести лет здесь успели хорошо познакомиться с Хмельницким и убедились не только в правоте его дела и в своей обязанности ему помочь, но и в том, что с ним можно иметь дело, не опасаясь, что он при случае продаст своего союзника и покровителя!

Кулиш постоянно восхищался мудростью московских правителей, удивительной государственной дисциплиной, существовавшей между ними. Но если такие «мудрые государственные люди», подчёркивал Карпов, решились связать своё вековое дело с делом «какого-то политического проходимца и явного разбойника», то не служит ли это лучшим доказательством, что Богдан Хмельницкий в конце концов оказался в их глазах и не проходимцем, и не разбойником. Принятие малороссиян в московское подданство было самым обыкновенным делом, а не какая-нибудь – со стороны преемника собирателей Руси – прехитрая, посредством особой сноровки, ловля великого разбойника. Как писал Кулиш, гетман никогда не «покушался зарезать Московское госу-

дарство»²¹, а напротив, употреблял все средства, чтобы мысли не могло явиться, что он что-либо думает сделать ему во вред.

Если бы Хмельницкий был «разбойником по натуре», возражал Карпов, то ему было вполне естественно ответить московскому правительству на отказ в принятии в подданство переброской казаков в пределы России. Но в течение пяти лет гетман действительно стоял на страже московских границ как от татар, так и от своих запорожцев. Кулиш пишет: «Судя по политике Козацкого Батьки... Москва в его уме была запасным поприщем козацкого грабежа или последним козацким прибежищем»²². Карпов утверждает, что гетман и сам не раз говорил о прибежище, но только формулировал это совсем не так, как Кулиш. Москва для него являлась не только последним, но и первым прибежищем. Гетман на самом деле был большим реалистом, он «кроме своей Малороссии ничего не знал и не хотел знать». «Этот отчаянный украинофил (в самом идеальном и благородном смысле слова) с самого начала своей политической деятельности заявил: чтобы с нами ни случилось, а всё-таки нам не к кому преклониться, как только к московскому государю»²³, – писал Карпов.

На что мог рассчитывать для себя Б. Хмельницкий, добиваясь московского подданства? Кулиш часто обращал внимание на чувство самосохранения, которым руководствовался гетман в своих действиях. Он считал, что именно из чувства самосохранения последний предложил Москве своё подданство и потом постоянно ей угождал. Карпов же имел основания думать, что гетман очень хорошо знал, что ему ждать от Москвы. Когда Хмельницкий добился того, что его приняли в русское подданство, он не только не получил руководящей роли в войне с Польшей, но даже и у себя в Малороссии в действительности перестал быть полным хозяином. Гетман, добиваясь московского подданства, мог рассчитывать только на то, что будет подданным, пользующимся в войне и мире высоким почётом во всем российском обществе, что будет облечён со стороны государя милостью и доверием – особым, чрезвычайным, но всё-таки в пределах, какие допускает подданство самодержавному государю²⁴. Таким образом, по мнению Карпова, о какой-либо «самобытности Украины» под протекцией Москвы или другого государства Хмельницкий, похоже, не думал, поскольку, продолжает автор, можно смело сказать, что московское подданство для гетмана было *конечной целью* его личных и политических планов.

Московское правительство, согласившись принять малороссиян в своё подданство, принимало Хмельницкого не в качестве какого-нибудь привилегированного вассала на каких-либо особых условиях, а как *подданного самодержавного государя*. Это подданство было вполне добровольное, вражды со стороны московитов к малороссиянам не было ни малейшей. Утверждая, что

царь принял Украину в подданство «из милости», Карпов стремился отрицать всякие национальные права за украинским народом. Гетман же не рассчитывал не на что иное, как лишь на то, чтобы после воссоединения занять положение почётного подданного царя. Историк полностью отрицал всякое стремление Хмельницкого и старшин добиться накануне Переяславской Рады от представителей царского правительства определённых гарантий, касающихся будущего статуса Украины. Он подчеркивает, что украинцы в Переяславе только присягали, никаких договоров не заключали, а об условиях соединения обстоятельно толковали, писали статьи и жалованные грамоты в Москве в марте 1654 г. Между тем в жалованной грамоте Богдану Хмельницкому прямо сказано, что он награждается от государя за крепкое и мужественное стояние за православную веру и многие верные службы московскому государю.

В книге Карпова присутствует также критика Костомарова, изображавшего Переяславскую Раду как договор «двух равных сторон». Карпов показал, что данное утверждение его оппонента есть не что иное, как попытка возродить вымышленную украинскими старшинскими летописцами версию о каких-то «обязательствах», якобы взятых на себя царским правительством накануне Переяславской Рады. Следует обратить внимание и на то, что практически ни одно из постановлений Хмельницкого или его жалованные грамоты при жизни гетмана не были приведены в исполнение, даже и в тех пунктах, которые, казалось, были в интересах гетмана и казачества. При жизни гетмана «статьи» не были опубликованы в Малороссии, а московское правительство не только на этом не настаивало, но даже избегало упоминать.

Итак, русская буржуазная историография конца XIX в. рассматривала освободительную войну украинского народа с великодержавных позиций и в воссоединении Украины с Россией видела не что иное, как возвращение России некогда отпавших от неё земель. Именно с таких позиций подходил к решению проблемы и Г. Карпов.

В наиболее законченном виде устремления украинской буржуазии выражены в работах М.С. Грушевского²⁵. Воззрения этого ученого на освободительную войну 1648–1654 гг. представляют собой своеобразную амальгаму концепций его предшественников – украинских дворянских и буржуазных историков. В трактовке истории Украины (например в «Очерках по истории украинского народа», 1911) автор исходил из эклектических и идеалистических теорий, заимствованных им из немецких неокантианских философов. Он пропагандировал буржуазно-националистические положения о противоположности исторической жизни украинцев и русских. Грушевский пытался обосновывать положения о полной «самостояйности» украинского народа как в прошлом, так и в настоящем (т. е. в начале XX в.). Он также пытался дока-

зать буржуазно-реформистский тезис о бесклассовости украинской нации. Историк постоянно противопоставлял украинцев великороссам, и в то же время генетически сближал их с народами Западной Европы. В своей важнейшей работе («Історія Україні–Русі») он подчеркивает, что, попав в трудное положение в своей борьбе с поляками, Богдан Хмельницкий стал искать опору вовне и метаться в поисках её между Россией и Турцией. С начала 1649 г., пишет Грушевский, мы видим у гетмана «колебание теперь и позднее на протяжении долгих лет – наклон то в сторону московской, то турецкой ориентации»²⁶. В конце концов верх взяла ориентация на Россию, но Хмельницкий вёл двойную игру, ибо прося царя о принятии Украины, он в то же время отдался под верховенство султана²⁷.

Соединение Украины с Россией Грушевский стремился представить делом случайным, вынужденным обстоятельствами, и поэтому бесперспективным, времененным. В конце 1653 г. в связи с польско-крымским сближением перед Хмельницким встало дilemma: «Капитуляция перед польским магнатством – или подчинение Москве...» «Капитуляция была невозможна, её не допустило бы войско, – значит нужно было идти на все требования Москвы, чтобы обеспечить себе её военную помощь»²⁸, – пишет Грушевский. Русское правительство, со своей стороны, обеспокоенное возможностью польско-татарского наступления на его владения, а ещё больше возможностью фактического превращения последнего в «татарско-казацкое» наступление, поспешило удовлетворить просьбу Хмельницкого. При этом историк называет соединение Украины с Россией то «объединением», то «соглашением», то «протекторатом». Грушевский придерживался мнения, что украинский народ к XVII–XVIII вв. исчез с исторической арены и погрузился в «политическое и культурное рабство»²⁹. Договор 1654 г. он оценивал лишь как военный союз украинской старшины с русским правительством, решительно отрицая философию «воссоединения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Летопись Самовидца. Киев, 1878; Летопись Г. Грабянки. Киев, 1854; Летопись С. Величко. Киев, 1848 и др.

² Н.И. Костомаров (1817–1855) – украинский историк и этнограф. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, с 1846 г. – адъюнкт-профессор Киевского университета. Был одним из основателей Кирилло-Мефодиевского общества.

³ Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1870. Т. I–III.

⁴ Пинчук Ю.А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова. Киев, 1984. С. 104.

⁵ Костомаров Н.И. Указ. соч. Т. III. С. 126.

⁶ Там же. С. 127.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Там же. С. 134–135.

¹⁰ В.А. Кулиш (1819–1897) – украинский писатель, этнограф, историк, член Кирилло-Мефодиевского общества.

¹¹ См., например: История воссоединения Руси. Т. I–III; *Кулиш В.А. Отпадение Малороссии от Польши*. СПб., 1890. Т. I–III.

¹² *Кулиш В.А. Указ. соч.*

¹³ Там же. Т. III. С. 286.

¹⁴ Там же. С. 400.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г.Ф. Карпов (1848–1890) выступил с рядом работ, известных под общим названием «В защиту Богдана Хмельницкого».

¹⁷ *Карпов Г. Указ. соч. С. 4.*

¹⁸ Акты Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. III. С. 555–563.

¹⁹ *Карпов Г. Указ. соч. С. 24.*

²⁰ Памятник Б. Хмельницкому был открыт в Киеве летом 1888 г.

²¹ *Кулиш В.А. Указ. соч. Т. III. С. 338.*

²² Там же. С. 122.

²³ *Карпов Г. Указ. соч. С. 41.*

²⁴ Там же. С. 55–56.

²⁵ М.С. Грушевский (1866–1935) – виднейший буржуазный украинский историк, автор многочисленных трудов по истории Украины. Среди них 10-томная «Історія Україні–Русі» (стала выходить с 1904 г.); в 1906 г. были изданы его «Очерки по истории украинского народа» и т. д.

²⁶ *Грушевский М.С. Історія Україні–Русі*. Київ, 1931. Т. VIII. С. 133.

²⁷ Там же. С. 340.

²⁸ *Грушевский М.С. Указ. соч. Т. IX. С. 610.*

²⁹ *Hruschewskyj M. Die ukrainische Frage in historischer Entwicklung*. Wien, 1915. S. 2.

А.Г. Гуськов

Русско-венгерские связи в XVII – начале XVIII века: посольство Е.И. Украинцева

Русско-венгерские связи указанного периода достаточно активны и представляют интерес для историков обеих стран. К сожалению, историография вопроса чрезвычайно бедна и включает в себя единственную статью А.Н. Китушина¹. Автор, опираясь на опубликованные источники и исследования, описывает отдельные факты русско-венгерских отношений тех лет. В настоящей статье сделана попытка восполнить данный пробел, используя архивные источники (Российский государственный архив древних актов) и публикации некоторых документов в «Письмах и бумагах императора Петра Великого».

В XVII в. первые контакты между двумя странами пришли на конец 20-х – 30-е годы. В 1629 г. Посольский приказ в преддверии намечавшегося конфликта с Речью Посполитой за Смоленск попытался установить дружеские связи с трансильванским князем Габором Бетленом². После первых переговоров русских послов с венгерским лидером в Россию в 1630 г. направляется специальная миссия во главе с Карлом Толерандом и Якубом Русселем³. Посольство должно было договориться о заключении союза между Венгрией, Россией, Швецией и Турцией «и на всякого недруга стояти заодин». Позже выяснилось, что речь шла о противодействии Польше, монархии Габсбургов и Испании⁴. В задачи послов не входило подписание конкретного договора; дело должно было ограничиться разведкой предварительной обстановки.

В ходе пребывания в России и продвижения делегации к Москве между венгерскими послами назрел крупный конфликт («рознь великая»), приведший к обвинению К. Толеранда в изменнических намерениях и аресту. Дальнейший путь, проходивший через Швецию в Венгрию, Я. Руссель проделал в одиночку. Замысел четверного союза оказался дискредитирован в глазах правительства Михаила Федоровича, которое и так не было готово к столь кардинальным переменам своего внешнеполитического курса. Дальнейшая судьба К. Толеранда оказалась достаточно печальной. Он вместе с несколькими

своими людьми был сослан в Галич и лишь через несколько лет освобожден по ходатайству различных иностранных государей⁵.

В середине 1650-х годов наметился новый этап сближения двух стран, связанный с событиями вокруг восстания Богдана Хмельницкого. В 1656 и 1657 гг. между царем Алексеем Михайловичем и князем Дёрдем (Георгием) Ракоци происходит обмен посольствами и ведутся переговоры о нейтралитете сторон в отношении друг друга в развернувшемся конфликте⁶. Позитивность контактов подкрепляется возвратом с одним из русских дипломатов бывших турецких пленников⁷. Однако подписания письменного договора вновь не происходит.

Очередной всплеск активности в двусторонних связях происходит в начале XVIII столетия в условиях крупнейших европейских конфликтов: Северной (русско-шведской) войны (1700–1721 гг.) и войны за испанское наследство (1700–1713 гг.). В 1706 г. саксонский курфюрст Август II после поражения от шведского короля Карла XII подписывает в Альтранштедте договор, по которому отказывается от польской короны и союза с русским царем Петром I. Россия оказалась крайне заинтересована в выдвижении нового кандидата в противовес ставленнику Швеции С. Лещинскому. В Венгрии в то время происходило антигабсбургское восстание во главе с трансильванским (семиградским) князем Ференцем (Франциском) II Ракоци. Попытки венгерского вождя вступить в союз с противниками монархии Габсбургов в европейском конфликте окончились не совсем удачно, так как Франция ограничилась обещаниями лишь дипломатической помощи⁸. Таким образом, к 1707 г. и Петр I, и Ференц II Ракоци оказались заинтересованы в налаживании взаимоотношений: первый – с целью выдвижения венгерского правителя на польский престол, второй – для поиска новых союзников.

В апреле 1707 г. глава Российского государства направляет в Венгрию доверенное лицо Д. Корбе с поручением провести переговоры по интересующим обе стороны вопросам. Петр I предлагал выдвинуть кандидатуру трансильванского князя на освободившийся трон и обещал всемерную поддержку, в том числе для достижения перемирия с монархией Габсбургов. В разговоре посланец должен был апеллировать к усилению возможностей Ракоци как главы Польско-Литовского государства в деле национально-освободительной борьбы венгров. Взамен русский царь просил о помощи в заключении мира со Швецией через посредничество французского короля, с которым венгерский правитель находился в хороших отношениях⁹.

В ходе дальнейшей переписки, проходившей через Д. Корбе (от Петра I) и Шандора (Александра) Недецки (от Ракоци), удалось добиться согласия трансильванского князя с выдвижением его кандидатуры на польский пре-

стол¹⁰. Для урегулирования взаимных условий и подписания окончательного документа летом 1707 г. в Варшаву, где в то время стояли русские войска, прибывают венгерские послы М. Берчени, Ф. Клобушицки, Ш. Недецки, П. Радаи и С. Кучай¹¹. 4 сентября 1707 г. они вместе с российскими представителями Г.И. Головкиным, Г. Долгоруким и П.П. Шафировым подписывают союзный договор (в 17 пунктах). По его условиям, венгерскому правительству после получения польской короны была обещана военная и денежная помощь. Сообщалось о ведении взаимоприемлемой внешней политики, запрете заключения «с неприятелем» каких-либо договоров. До начала мероприятий по избранию Ракоци должен был всеми силами способствовать примирению России и Швеции при посредничестве французского короля, а Петр обязывался немедленно предпринять шаги с целью прекращения конфликта между Венгрией и монархией Габсбургов. При дворах обоих правителей устанавливались постоянные представительства противоположной стороны, провозглашалась свобода торговли. В случае срыва задуманных предприятий Ф. Ракоци и его близким гарантировалась материальная помощь и убежище в России¹². В соответствии с подписанным соглашением Петр I решает направить в Венгрию известного дипломата Емельяна Игнатьевича Украинцева.

С молодых лет Украинцев находился на государственной службе. В начале 60-х годов XVII в. он становится подьячим приказного учреждения под названием «Новая четь» и почти одновременно начинает привлекаться к дипломатической службе. В 60–70-х годах неоднократно посещал с посольствами Польшу, Швецию, Данию, Голландию. Переходя в Посольский приказ, Украинцев постепенно набирается опыта и вскоре становится одним из виднейших чиновников и дипломатов Российского государства. В конце 1674 г. получил чин дьяка. В 1677–1678 гг. участвовал как второй посол в миссии в Варшаву, в 1679 г. ездил к украинскому гетману Самойловичу для переговоров о совместных действиях против турок, в 1680 г. вместе с окольничим И.А. Прончищевым вновь посетил польскую столицу, пытаясь договориться о совместном отпоре османской агрессии.

В 1681 г. Украинцев достигает вершины приказной иерархической лестницы и становится думным дьяком, одновременно заняв пост заместителя руководителя внешнеполитического ведомства страны. С мая 1682 г. – второй начальник, а с 1689 г. уже сам возглавляет Посольский приказ. В 1682 г. участвовал в составлении акта об уничтожении местничества. Сыграл существенную роль в подписании Вечного мира с Речью Посполитой. Занимался дипломатическим обеспечением Крымских походов 1687–1689 гг., приняв в них личное участие. В 1699 г. он возглавил посольство в Османскую империю, где заключил важный для России Константинопольский мир, позволивший ей

начать Северную войну. В последующие годы из-за нестабильных отношений с Петром I Украинцев был отстранен от серьезных дел, хотя полностью с государственной службы не уволен. В 1702–1704 гг. он служил в Провиантском приказе, в 1705 г. занимался межеванием границ с Турцией. В 1707 г. дипломат был направлен в Польшу, где в качестве российского представителя участвовал в Люблинском съезде.

К 1708 г. бывший глава Посольского приказа находился в почтенном возрасте. Преодолев 65-летний рубеж, Украинцев понимал ограниченность своих сил и поэтому был крайне удивлен решением государя назначить его с миссией к князю Ференцу II Ракоци. Появившись у царя в апреле 1708 г., эта мысль через месяц приобретает реальные очертания¹³. Отсутствие молодых опытных дипломатов явственно ощущалось Петром I. «К Ракоцию кого послать, – раздумывал он, – [а например Украинцов, ежели лучче кого нет] и всячески приводить сих к покою, из чего великая может произойти полза... [...] но Дацков, аки глупой, к сему не годитца]»¹⁴. Задача посольства заключалась в посредничестве московского государя с целью прекращения военных действий между императором Священной Римской империи и восставшими венграми.

Готовясь к экспедиции и ожидая официальных бумаг из России, Украинцев предпринимает попытку избежать тягостного поручения. Он словно предчувствует скорую кончину на чужбине. 2 июня из обоза польского лагеря под Нимом, где находился тогда бывший глава Посольского приказа, уходит письмо к его бывшему протеже П.П. Шафирову. Будущий вице-канцлер, намного опередив своего покровителя в служебном положении, не забывал старика и периодически оказывал ему содействие. В послании Украинцев умолял Шафирова: «Прошу милости з горкими моими слезами, вырви меня отсюду мудрым и человеколюбным представительством своим буде не к Москве, хотя бы на время для какова дела к господину гетману Мазепе или в Киев или куды под власть Гаврила Ивановича или твою... государя моего»¹⁵. Далее он писал: «Каким подобием сия функция мне, старцу древнему и безпамятному припада, и того я не ведаю... А в том и на старости сокрушаюсь и превеликую имею печаль, что по-латине не учен, и по-немецки и по-француски не разумею; а здесь и везде без того мы дураки ...не ладно тебе государю моему о сем предлагаю, что и на старости завидую тому и дела печалюсь, что я неуч и дурак»¹⁶.

Но все усилия Украинцева оказались тщетными: 24 июня 1708 г. он отправляется в Венгрию¹⁷. Посланная с ним грамота, адресованная «светлейшему римского государства и седьмоградцкому князю, и чинов соobязанных венгерского королевства вождю государю Францышку Ракоцию» и «чинам соединенным королевства Венгерского», требовала немедленного принятия по-

сланника «и наказанных ему от нас дел не токмо с полною верою выслушать, но и немедленно таковое благосклонное намерение свое, какова собственно ваш интерес при нынешних случаях требует, оному объявить»¹⁸.

Отдельный интерес представляет Наказ, полученный 1 июня 1708 г. в Витебске, согласно которому дипломат должен был действовать в Венгрии. Документ был заверен подписью главы Походной канцелярии Г.И. Головкина и печатью. Согласно ему перед отъездом Украинцев должен был сообщить гетману Синявскому и епископу Куювскому об отъезде к Ракоци «для общаго интересу, дабы меж цесарским величеством (т. е. императором Священной Римской империи. – А.Г.) и оным предложить к миру его царского величества посредством». Проделав путь быстро, но без излишнего риска и сохраняя инкогнито, ему следовало объявить о себе и просить приватной аудиенции «без всяких церемоний». После вручения «верующей грамоты» предусматривалось провести секретную конференцию, на которой предложить следующие варианты действий.

Во-первых, Петр I советовал Ракоци примириться с цесарем. Обосновывалось это достаточно аргументированно. Прежде всего, русский царь узнал, что австрийцы хорошо вооружились, вызвали дополнительные войска из Италии, Дании и других мест и собираются напасть на Венгрию и подавить сопротивление. Далее, в войне за испанское наследство, возможно, скоро наступит мир, так как все страны устали и склонны к миру. Французский король уже предлагает цесарю примириться: если его внук Филипп удержит Испанию, то итальянские провинции он, скорее всего, уступит Австрии, на чем они подпишут договор. Англия и Голландия ничем не смогут помешать, поскольку цесарь на них в досаде, что они не помешали шведам-протестантам отбирать католические костелы в Шлезвиге. Наконец, после мира цесаря с французами опасность для Ракоци возрастает многократно в силу того, что у австрийцев освобождаются руки для борьбы, и это может привести к отпадению от Ракоци многих дворян и шляхты со своими отрядами, которые «устрашась от цесарской силы», согласятся на предложенную им амнистию. На французского короля надеяться нельзя, так как он все время ищет свой интерес и ради венгров и Ракоци не будет оттягивать мир с цесарем, если ему это будет выгоднее. Слаба надежда и на Турцию, которая не станет разрывать крепкий мир с Австрией, тем более накануне завершения европейской войны.

Во-вторых, если Ракоци согласится на посредничество царя, то предложить ему составить «кондиции удобовозможные» (на что у Украинцева был указ-разрешение), которые тот мог послать к российскому представителю при венском дворе, тайному советнику барону И.-Х. Урбиху. Если князь выдвинет приемлемые статьи, то надлежало написать их на латинском языке и послать к

Урбиху с добавлением анализа положения в Венгрии; если требования Ракоци будут тяжелыми, то следовало просить переправить их на более терпимые, но при неудаче послать какие будут. Со своей же (российской) стороны предложить вариант кондиций «царского величества»:

1. Объявление цесарем генеральной амнистии всему, что происходило во время войны между ними.

2. Сохранение за Ракоци титула и владения Трансильванским княжеством, но под верховной властью цесаря, и правами как прежде, по старым договорам с предками.

3. Возвращение всему Венгерскому королевству «маестностей, честей, привилей свецких и духовных» и соблюдение всех принятых пунктов с отказом от прежних обид.

4. Пребывание иезуитов в Венгрии должно соответствовать «определению», какое было прежде, во время коронации Леопольда I.

5. Установить для венгров равенство податей и пошлин с австрийскими «подданными»; уравнять привилегии для купечества и «в прочих промыслах».

6. Розданные иноземцам «чины венгерские» сохранить за ними пожизненно, но впредь без венгерских сеймов тех чинов не раздавать; хотя полностью этого права у цесаря отнять нельзя.

В-третьих, при принятии Ракоци этих кондиций или их части, Украинцев должен был немедленно писать к Петру I (через почту или специальных курьеров) и Урбиху. По получении же от Урбиха ответов цесарского двора предлагать их Ракоци, «выбирая что пристойно». Посол должен был особо напоминать, что мир может помочь царю в деле избрания его, Ференца Ракоци, на польский престол.

В-четвертых, если Ракоци согласится на мир и пожелает, чтобы царь был не только посредником, но и гарантом договора, Украинцеву следовало обещать, что царь приложит все усилия для этого. Однако при отказе цесаря на письменную фиксацию гарантий другого государства, Петр I обещал любую гарантию, кроме письменной.

В-пятых, в случае упорства трансильванского князя в нежелании заключить мир или предложении им явно неприемлемых условий посол должен был ссылаться на возможность перемены доброго отношения царя к нему и принятие «иных» мер, так как Петр имеет собственные интересы в скорейшем заключении мира венгров с цесарем¹⁹.

Особым образом был проинструктирован И.-Х. Урбих. Г.И. Головкин сообщал царю: «И мы, государь, по указу вашему писали к нему, Урбиху, да бы он, выбирая ис того, еже к нему Емельян писать будет, что прилично цесарю, предлагал и всячески трудился, дабы цссарь медиацию вашего величества

в том миротворении воспрял и склонял его к тому примирению; а ежели что в Емельяновых писмах гораздо противное им усмотрит быть, того бы не объявлял, дабы не привесть ко озлоблению»²⁰.

В целом, поручение не внушало думному дьяку особой радости. Переезд по территории воюющих стран, болезнь, немалый возраст – все это вызывало у дипломата тяжелые предчувствия. Дело усугублялось вероятным несогласием императора Священной Римской империи с посредничеством русского царя, терпящего поражения от шведов.

Поездка Е.И. Украинцева длилась около полутора месяцев. Из его письма к Г.И. Головкину от 17 (28) августа мы можем узнать некоторые подробности столь долгого пути. Проехав в июле польскими и венгерскими землями, к концу месяца он приблизился к городу Тренчин (на территории современной Словакии), за восемь миль до которого встретил отряды Ференца Ракоци. Ниже в письме пояснялось, что Тренчин – это венгерский город, расположенный на моравской границе. Однако здесь он попал в самый разгар столкновения венгерских войск с австрийцами. Трансильванский князь незадолго до этого подошел к городу с 15-тысячным войском, состоявшим из пехоты и кавалерии, и осадил его. 20 июля неожиданно под крепостью появилось 7-тысячное имперское войско во главе с генералами Гейстером и Палфи. Неудачное местоположение и внезапность нападения (а «не от сильного и мужественного» – на чем специально концентрировал внимание Украинцев) стали причиной поражения венгерского войска, часть которого была перебита и пленена, а остальные бежали. Ференц Ракоци был вынужден отходить в глубь венгерской территории и набирать новое войско. Сообщается и о победителях-австрийцах, частично оставшихся под городом, а в основном направившихся за Дунай преследовать венгерские отряды, которые совершили набеги на австрийские земли²¹.

Восьмого августа Украинцев приехал в город Эгер (в русской транскрипции XVII в. – Агрия или Егра), где его принял Ракоци. Вечером того же дня он встретился с князем на тайном свидании (инкогнито) и объявил о намерении Петра I стать посредником при заключении мира между Ракоци и цесарем. В ходе беседы выяснилось положительное отношение венгров к инициативе русского царя. Трансильванский правитель высказал желание прекратить кровопролитие и обещал обсудить с советниками условия Петра I («Кондиции»). По просьбе думного дьяка подробный разговор о деле был запланирован лишь после официальной аудиенции и вручения грамоты, что Ракоци обещал сделать на следующий день «с подобающей честию при сенаторах королевства венгерского»²². В первой встрече также участвовал приближенный венгерского правителя М. Берчени.

Девятого августа состоялся официальный прием с вручением грамоты, а затем вновь тайная беседа о деле. Ракоци, поговорив с сенаторами, сообщил, что пункты к примирению уже посланы, «а иные дать не могут». Кроме того, он «особенно» заметил: несмотря на положительное принятие предложений о посредничестве, мирный трактат не может быть заключен, пока «не одержат они от страны цесарской общей армистии, которая на некоторое время сочинится имеет, а потом назначит место комиссии и трактата, с обоих стран комисаром о покое»²³.

Через два дня русский дипломат получил текст с венгерскими предложениями. Специально для Петра I был представлен развернутый вариант «мирных пунктов государства Венгерского» со ссылками на предыдущие соглашения и объяснением причин восстания. Во-первых, все будущие договоры должны утверждаться в соответствии с «народным правом». Во-вторых, согласно «Тирнавскому трактату» 1706 г. (по имени города Трнава на территории современной Словакии) должно было сохраниться: свободное избрание трансильванских князей, свобода вероисповедания и всеобщая амнистия. В-третьих, отменялись артикулы, учрежденные на пресбургском сейме, как заключенные через насилие; но сохранялись и обновлялись «артикулы Андрея-короля и декреты», на которых присягали все австрийские герцоги (т. е. венгерские короли из династии Габсбургов). В-четвертых, в соответствии с артикулами 19 от 1655 г. и 2 от 1659 г., все иностранные солдаты должны покинуть территорию Венгрии, а вместо них в крепостях расквартироваться венгерские солдаты. В-пятых, на все должностные места в Венгрии, как светские, так и духовные, должны были назначаться только «природные венгры», с отстранением всех иностранцев, которые на тот момент их занимали – что соответствует предыдущим постановлениям: артикулу 24 от 1622 г., артикулам 30 и 32 второго декрета короля Владислава, и другим артикулам предшественников императора Леопольда, что они в свое время подтверждали присягой. Все статьи подлежали обязательному утверждению на сейме с предоставлением гарантий иностранными посредниками и присягой Леопольда I. Такие требования объяснялись чрезвычайными обстоятельствами начала венгерского выступления: нарушением прежних артикулов и ущемлением прав и свобод, хотя официально была принесена присяга. Притеснения доходили до того, что

* Речь идет о так называемой Золотой булле 1222 г. венгерского короля Эндре (Андрея) II, дававшей венгерскому господствующему классу право вооруженного сопротивления (*jus resistendi*) королю, нарушающему венгерское законодательство. От этого права венгерские сословия были вынуждены отказаться в 1686 г. См. также статью Т.П. Гусаровой (с. 182). – Прим. ред.

часть венгров для уплаты налогов и поборов продавали своих детей туркам или евреям, а другие для умиротворения немецких офицеров предавали «блудействию» своих жен и дочерей. Совершались и иные преступления и попрания свободы венгров. Но несмотря на их свидетельства, все жалобы были «поруганы и посмеяны», что и вынудило венгров взяться за оружие. Утверждалось, что во многих австрийских министрах (т. е. чиновниках) и офицерах преобладало «среболюбие», гордость и презрение к другим народам, поэтому они смотрели безучастно на унижения венгров. Причем именно они мешали примирению с цесарем. Таким образом, по заверениям Ференца II Ракоци, мятеж произошел исключительно из-за насилия и самоуправства австрийских чиновников и офицеров²⁴.

Общение Украинцева с венгерским правителем не ограничивалось тайными беседами, одновременно по менее важным вопросам велась обычная дипломатическая переписка. Так, в ответ на сообщение думного дьяка о посылке российскому представителю в Вене барону Урбиху вышеприведенных мирных пунктов, Ракоци благодарил посланника за помощь в посредничестве, выражал надежду на скорое прекращение конфликта (но со справедливым финалом), просил точнее сообщать Урбиху о желании венгров закрепить свои права и свободы, чтобы ими не пренебрегали²⁵.

В ходе дальнейших встреч Украинцев продолжал настаивать на предоставлении «пристойных» пунктов с условиями мира в случае принятия посредничества царя. В ответ Ракоци ссылался на невозможность дать новые условия, так как уже дважды предлагал их. Последние даже согласовывались с английским, голландским и шведским послами («Тирнавский трактат»), но австрийцы их «не восприяли». Он был намерен настаивать на своих последних предложениях, даже если все австрийские войска на него нападут; причем венгры готовились обороняться «до последней капли крови своей», но жить в той неволе, какую на них наложил цесарь, они не станут. О посредничестве царя князь говорил с благодарностью, одновременно отметив, что прежних посредников (англичане, голландцы, «а про шведа не примолвил») он отставить не может, тем более что цесарь с их «медиаторством» согласен²⁶.

Украинцев, несомненно, видел опасность такого положения, о чем неоднократно указывал Ракоци и его приближенным. Он отказывался посыпать к Урбиху в Вену представленные пункты как явно противоречащие условиям царского величества и вызвавшие бы у австрийцев лишь неприятие. Сама возможность посредничества Петра I могла быть сразу дискредитирована.

После одной из встреч думный дьяк получил от Ракоци десять предложений (на латинском языке) «О покое венгерском». Они включали в себя требование «крепкого и твердого обнадеживания» от посредников и «принципа-

лов» заключенного мира; сохранение трансильванских прав и свобод, подтверждение правомерности избирать на венгерском сейме «принцов» (мелких владетелей); вывод всех иностранных войск, кроме находящихся в крепостях на турецкой границе; вхождение венгров в «советы королевские», избрание их на светские и духовные должности; сохранение «новоустановленных» и турецких прав; свободу вероисповедания; пребывание иезуитов лишь в провинциях, где они были раньше, как во время коронации Леопольда I; забвение всех враждебных действий; сохранение всех «шляхетских» чинов, прав, владений, вольностей с заверением Леопольда I; обсуждение прочих проблем на вольных сеймах²⁷. Привезший их чиновник («директор Семиграцкого») Родой (Радай) просил списать условия слово в слово и послать в Вену от царского имени. В своем отчете дипломат добавлял: «А подлинного писма князь отдавать мне не велел». Украинцев распорядился скопировать письмо, но отметил вслух, что не стоило им «против воли и указу царского величества так... опасно поступати» с ним, и видит он их нежелание идти навстречу предложениюм царя и склоняться к миру. Не желая портить отношения, венгерский сановник попытался сгладить неловкость и выразил от имени Ракоци большую благодарность Петру I за посредничество. О письме же с кондициями заявил, что оно оставлено в незапечатанном виде именно для ознакомления с ним российского посланника.

Украинцев, сочтя эти действия специальным затягиванием времени, подготовил и отоспал к Урбиху все варианты мирных предложений (от Ракоци, от царя, замечания князя на царские условия). Российский уполномоченный в Вене должен был сам, выбирая, что «пристойно» царскому указу, представить наиболее приемлемые пункты на рассмотрение австрийцев.

В своем письме к Г.И. Головкину, где излагались вышеописанные события, Украинцев высказывал предположение, что дело будет замедляться, так как Ракоци больше надеется на посредничество англичан, голландцев и шведов. Из прежних венгерских сановников, которые были склонны к миру, при дворе Ракоци никого не осталось. Особым влиянием в настоящее время пользуется первый министр граф Берчени (о ком он слышал, еще проезжая Польшу, от австрийца генерал-лейтенанта Дракевича – о противодействии с его стороны миру из-за собственного корыстного интереса)²⁸.

В ходе пребывания в Эгере Е.И. Украинцев вступил в обширную переписку, в которой он не только информировал всех заинтересованных лиц о ходе переговоров, но и обменивался сведениями о международной обстановке. Среди его корреспондентов можно назвать А. Дашкова, П. Шафирова, барона Урбиха, князя А. Прозоровского, графа Г.И. Головкина, гетмана И. Мазепу, польских коронных гетманов²⁹. Почти во всех депешах после рассказа о

себе он просил написать о войне со шведами, о российских войсках, о положении в Польше, о событиях в Европе и других новостях.

В обычные задачи любого российского дипломата всегда входил сбор новостей о местной и международной политической жизни. Обо всем увиденном и услышанном предписывалось немедленно сообщать в Посольский приказ. Послания Украинцева в этом плане выгодно отличались наличием дополнительного анализа обстановки и некоторыми рекомендациями к действию. В основном такие сведения содержались в письмах думного дьяка к главе внешнеполитического ведомства Г.И. Головкину.

Так, в депеше от 17 (28) августа 1708 г. он уведомлял о неустойчивом почтовом сообщении между Венгрией и Польшей, о переговорах Ракоци с Мазепой с целью установления нового маршрута почтовых перевозок. Особое беспокойство выражалось по поводу русско-турецких отношений, так как ходили слухи об антимосковской агитации, проводимой Портой у «мультянского господаря», о запрещении помогать людям царского величества, едущим в Венгрию или Австрию. Большой дипломатический опыт позволял ему говорить о ненадежности и непостоянстве волошского владетеля, служащего сильнейшему, т. е. сейчас туркам и татарам. Украинцев советовал отписать послу в Стамбуле (Константинополе) Петру Толстому, чтобы он выяснил у турецкого правительства: почему русским нет свободного проезда по мирному договору в Турцию, Валахию и Молдавию и почему сами они не ездят в Россию для торговли, а ездят в Польшу. Не внушали особой радости и польские дела. Ракоци получил известия о скором прибытии жены коронного гетмана Синявского в Гродно к Станиславу Лещинскому с обещанными ею шведами деньгами «на откуп». Думный дьяк предполагал, что она будет пытаться прибрать Лещинского и своего мужа. Положение усугублялось признанием Англией, по словам французского посла, польским королем Лещинского³⁰.

В письме от 25 августа (4 сентября) Украинцев высказывает свои соображения о войне с Карлом XII. Он желает Петру I «над гордым неприятелем счастливой виктории», полагая, что шведы излишне возгордились из-за побед и сейчас растолстели, обросли имуществом и богатствами, ограбив многие польские и литовские города, наложив большие контрибуции. Шведский король, по мнению дипломата, излишне много взял с Саксонии: 16 млн талеров, не считая одежды, припасов, лошадей, фуражка. Ему надо было оставаться под Ригой или Ревелем, где он был бы «в прежних силах»³¹.

Помимо посреднической миссии и сбора информации перед Е.И. Украинцевым стояла еще одна, более тайная, задача: продолжение контактов через грансильванского князя с представителями французского короля с целью посредничества последнего между Петром I и Карлом XII. По просьбе Ракоци

французский король написал в Гданьск к своему послу о проведении предварительного зондажа. Однако шведский король отказался принимать француза («до себя ево не допустил»), отговариваясь тем, что во время пребывания с войском он не принимает иностранных послов («что когда он бывает с войском в маршу и тогда иных государей министров и послов до себя не допускает»). Отрицательно воспринял Карл XII и возможность прекращения военных действий против России, так как с «царским величеством он еще имеет дело и до миру не дошло». По словам Украинцева, вся информация пришла от французского представителя при дворе венгерского князя, который еще добавлял, что он слыхал, будто шведский король просит себе Петербург и другие завоеванные земли³².

Трудности в выполнении порученной миссии усугублялись не только преклонным возрастом, но и болезнью дипломата. Некоторые его послания проникнуты стремлением освободиться от тягот местного климата и вернуться хотя бы в Польшу³³. Украинцев намеревается, получив от Урбиха ответ и написав мирные предложения по указу Петра I, вручить все документы Ракоци для размышлений. Он надеялся, что к тому времени придет новый царский указ, позволяющий ему, «свободясь хотя мало чрез дохтура княжого от нападающей на меня фебры и от иных болезней, и от здешняго воздуха и жаров нападших», вернуться в Польшу к коронному гетману³⁴.

Однако все переговоры неожиданно прерываются смертью дипломата³⁵. 12 сентября 1708 г. Емельян Игнатьевич Украинцев скончался в городе Эгер (в Егру), где был погребен в местной православной церкви³⁶. Искусный дипломат, талантливый администратор, опытнейший политик – Е.И. Украинцев всю свою сознательную жизнь посвятил службе Отечеству. Почти 48 лет его ум и проницательность, разбавляемые неизбежным для российского бюрократа корыстолюбием, использовались во многих международных и внутригосударственных делах. Он познал и взлеты, и падения в своей карьере. Итогом его жизненного пути стала незаметная кончина в далеком венгерском городке и долгое забвение в памяти потомков.

Дальнейшие попытки Петра I выступить в роли посредника между Ференцем II Ракоци и Леопольдом I оказались неудачными. Сначала из-за усиления натиска шведской армии не могли подобрать нового поверенного при дворе трансильванского князя (к 14 декабря 1708 г.)³⁷. А затем выяснилось резко отрицательное отношение австрийцев к самому факту посредничества и предоставления гарантий русского царя. В феврале 1709 г. Г.И. Головкин писал к Ференцу II Ракоци о получении послания венгерского правителя от 14 декабря 1708 г., из которого «выразумел», что австрийцы не согласились с «медиаторством» царского величества, а силой Петр вступиться не может³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Китушин А.Н. Русско-венгерские связи в XVII–XVIII вв. // Ученые записки. Азербайджанский университет. 1958. № 4. С. 77–86.
- ² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 40. Сношения России с Венгрией. Оп. 1. Д. 1а (1630 г.). Л. 13–15.
- ³ Там же. Д. 1 (1630 г.).
- ⁴ Там же. Л. 160–161.
- ⁵ Там же. Д. 2 (1630 г.); Д. 1 (1635 г.).
- ⁶ Там же. Д. 1 (1656 г.); Д. 1, 2 (1657 г.).
- ⁷ Там же. Ф. 138. Дела о посольском приказе и служивших в нем. Оп. 2. Д. 13а (Приходно-расходная книга Посольского приказа за 1656/57 г.). Л. 97–97об.
- ⁸ Китушин А.Н. Указ. соч. С. 78–79.
- ⁹ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2 (1707 г.); Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБПВ). СПб., 1907. Т. V. С. 591–593.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2, 4 (1707 г.); Д. 5 (1707 г.). Л. 49–58.
- ¹¹ Там же. Д. 5 (1707 г.). Л. 1–48; Китушин А.Н. Указ. соч. С. 82.
- ¹² РГАДА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 3, 5.
- ¹³ Ср.: ПБПВ. Пг., 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 130, 185.
- ¹⁴ Там же. С. 130.
- ¹⁵ Там же. М., 1946. Вып. 2. С. 795.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4 (1708 г.). Л. 10, 10об.
- ¹⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) (далее – Обзор.). М., 1897. Ч. 3. С. 196.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4 (1708 г.). Л. 1, 1об. Публикация: ПБПВ. Т. VII. Вып. 1. С. 185.
- ¹⁹ Там же. Л. 2–7; Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Ч. 1. Д. 140. Л. 264–270. Публикация: ПБПВ. Т. VII. Вып. 2. С. 790–793.
- ²⁰ ПБПВ. Т. VII. Вып. 2. С. 785.
- ²¹ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5 (1708 г.). Л. 22–23.
- ²² Там же. Л. 23–24; Ф. 9. Отд. II. Кн. 8. Л. 619, 619об.
- ²³ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5 (1708 г.). Л. 1–3, 24–25.
- ²⁴ Там же. Л. 7–11об.
- ²⁵ Там же. Л. 12–13об., 14–15об.
- ²⁶ Там же. Л. 40–42.
- ²⁷ Там же. Л. 5–6.
- ²⁸ Там же. Л. 33–36.
- ²⁹ Там же. Л. 1–2, 16–18, 19, 22–25, 28, 31, 37, 48–49.
- ³⁰ Там же. Л. 23–25об.

³¹ Там же. Л. 36, 36об.

³² Там же. Л. 26–27; Ф. 9. Отд. II. Кн. 8. Л. 619

³³ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5 (1708 г.). Л. 28.

³⁴ Там же. Л. 36об.

³⁵ ПБПВ. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 798, 807.

³⁶ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1 (1708 г.). Л. 21–22; Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 114; Обзор. Ч. 3. С. 196.

³⁷ РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1 (1708 г.). Л. 20–21.

³⁸ Там же. Д. 1 (1709 г.). Л. 1–2об.

Эндре Шашхалми

Возникновение идеи общественного договора в официальной идеологии власти в России при Петре I^{*}

Идея договора занимает особое место в истории западной политической мысли. Поскольку термин «общественный договор» является многозначным, мы предпочитаем говорить о договорных теориях или «контрактариализме». Неоднозначность термина заключается в том, что, с точки зрения классификации, в основном можно определить три типа договоров¹: во-первых, договор правления или подчинения; во-вторых, договор общества или соединения (т. е. общественный договор, но «в узком смысле слова общественный»)²; в-третьих, первоначальный договор. На Западе первым из трёх типов был договор правления, появившийся в 80-х годах XI в. – в результате конфликта духовной и светской власти – для поддержки иерократической политической доктрины папства. Суть договора правления заключается в том, что между народом и властителем, когда он вступает на престол, заключается договор. Народ подчиняется властителю, пока тот царствует, имея в виду общее благо подданных и не нарушая их привилегий. Однако, если правитель станет тираном, народ имеет право на активное сопротивление³.

Конечно, можно пойти дальше и задать вопрос об образовании государства и организованного общества. Такой подход в XVII в., под влиянием сильного договорного сознания того времени привёл к возникновению так называемого договора общества. Под этим термином принято понимать договор соединения, т. е. договор, заключённый индивидами, создающими таким образом общество и государство⁴. Подобный договор опирается на идею естественных прав индивидов и означает «полное отрицание» теократического принципа власти⁵.

* Исследование по проблеме общественного договора в России выполнено при поддержке венгерского фонда «OTKA» (F 025 436).

Первоначальный договор появился в начале XIV в. и занимает промежуточное место между договором подчинения и договором соединения. Такой договор представляет собой в основном договор подчинения, который был заключён народом и его первым властителем⁶. Таким образом, данный договор «включает в себя не только определение условия правления» с властителем, но одновременно является созданием организованного общества и политического тела⁷. До XVII в. разные типы договорной теории в большинстве случаев служили оправданием законного сопротивления подданных тирану. Однако затем Т. Гоббс показал, как использовать идею договора, чтобы оправдать подчинение подданных высшей власти⁸.

В официальной политической идеологии петровской эпохи встречается идея первоначального договора. Поскольку последний является вариантом договора правления, необходимо вкратце сказать о важнейших интеллектуальных и институциональных источниках этой теории⁹. Огромное значение в данном случае имеет римское право, особенно формула Ульпиана, которая гласила, что народ римский всю свою власть передал императору. В XII в. западные легисты обсуждали, как интерпретировать названную формулу. В XIII в. возобладало мнение, что народ передал власть над ним не навсегда. Таким образом, была поддержана идея о народном суверенитете. Другим источником договорной теории служила Библия, в которой говорится о соглашениях между царями и народом Израиля. Необходимо также упомянуть значение веры в нормативную силу естественного права. Однако нет сомнений в том, что самым важным источником договора правления был вассалитет¹⁰, т. е. договорное отношение между двумя индивидами, основанное на принципах взаимной защиты и верности. В центре ленного общества лежало договорное право¹¹.

Понятия ленного права были живыми, а не оторванными от жизни идеями. Они представляли собой так называемую оперативную политическую мысль¹². В результате, они стали непосредственным источником договора правления. Значение контрактариализма в истории западнохристианского мира было очень точно показано А.Н. Медушевским: «Принцип договорных отношений в значительной степени был присущ всей политической теории и практике средневековья, регулировал, в частности, отношения подданных (в виде знати или сословно-представительных учреждений разного рода) и суверена, отразился в трактатах о природе королевской власти. С течением времени в Западной Европе все огнеливее выступала идея о том, что договор является основой правления. В ходе выдвижения и коронационных церемоний средневековых королей и императоров брала верх воплощенная в феодализме концепция о первенствующем значении права (священного, естественного или римского) по отношению к власти, выведении власти из права и согласия

подданных, причем уже в это время иногда появляется и сам термин, обозначающий понятие договора (*pactum, foedus*)¹³.

На Западе договор правления заключал в себе понятие народного суверенитета. Однако требование суверенитета народа не противоречило принципу божественного установления власти. Эти два принципа сосуществовали: считалось, что власть исходит от Бога, но опосредованно, т. е. через людей. Такое представление о политической власти стало господствующим в католической церкви, особенно после Фомы Аквинского, который помимо договора правления ясно сформулировал рассматриваемую теорию с помощью философии и логики.

На Руси, напротив, начиная с киевских времён, народный суверенитет и божественное установление власти были диаметрально противоположными принципами. Считалось, что власть исходит исключительно и полностью от Бога, без участия конституирующих посреднических органов в лице церкви или народа. Данное положение на Руси воспринималось «весьма конкретно, до такой степени конкретно», что божественное происхождение власти отождествлялось с богоизбранностью властителя¹⁴. Такая концепция берет начало в еврейском и византийском учениях о власти. В них утверждается: властитель получает свою власть непосредственно от Бога, через божественное пророчество. В Византии преобладало убеждение, что избрав императора, сенат, армия и народ только «раскрыли и осуществили волю Бога и Святого Духа»¹⁵. Представление о богоизбранности властителя стало фундаментальным принципом русской идеологии власти до XIX в.¹⁶ Эта идея ясно выражается в пословицах XIX в. – «Бог даёт власть кому похочет», «Царь от Бога пристав»¹⁷. Они происходят из Библии: «...владеет вышний царством человеческим и ему восходит даёт его...» (Кн. Даниила, 4:17)

В киевский период вече почти без исключений воспринималось церковью как одно из средств божественного пророчества, исполнитель божественной воли¹⁸, и роль этого органа (и самого народа) была только декларативной. Таким образом, вече не могло служить ядром договорной теории. Система взглядов, господствовавших в православной церкви, препятствовала возникновению договорного сознания. Договор, пишет Ю.М. Лотман, на Руси воспринимался «как дело чисто человеческое (в значении “человеческое” как противоположное “божественному”)», и поэтому отношения между людьми, основанные на взаимных обязательствах получили «весьма рано отрицательную оценку»¹⁹. В этом противопоставлении, происходящем от веры в греческое естество человека, надо искать причину отсутствия понятия естественного права. На Западе же «всегда была тесная и внутренняя связь» между идеей договора вообще и идеей естественного права²⁰. Помимо сказанного выше, отсутствие традиции римского права и юриспруденции, а также вассалитета

(ленного права) объясняет, почему возникновение автохтонной теории договора было в России невозможно.

К моменту вступления Петра I на престол цель правления и обязанности царя для теоретиков власти коренным образом изменились²¹. Раньше царь должен был защищать православие, наказывать еретиков и злодеев и царствовать «по старине», т. е. по традициям²². Теперь он прежде всего должен был заботиться об общем благе народа²³. По всей вероятности, Юрий Крижанич, хорватский клирик, был первым в России теоретиком, кто включил понятия договора и общего блага в свою политическую теорию. Однако его влияние на русскую идеологию власти все ещё нуждается в более пристальном изучении²⁴. Идея договора появилась в России под влиянием Запада, которое с середины XVII столетия ощущалось все сильнее. Уместно заметить, что западные идеи пришли в Россию через Украину и через тех людей, которые были знакомы с западной культурой. При Петре I наиболее значительным представителем данного процесса стал Феофан Прокопович. Он был призван в столицу царём Петром в 1716 г. для создания новой официальной идеологии власти.

Произведение «Слово о власти и чести царской яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноваться людие должныствуют, кто же суть и коликий имеют грех противляющиимся им» (1718)²⁵ было вехой на пути создания новой политической идеологии. Главнейшая цель трактата – теоретическое обоснование принципа подчинения подданных с помощью красноречия. Аргументация, с одной стороны, опирается на естественное право и первоначальный договор: «Зри же аще не в числе естественных законов есть и сие, еже быти властем предержащем в народех? Есть тако воистину! И се всех законов главизна... Не приходит сие многим на мысль, да для чего? Для того, что, безопасно под таковыми стражами пребывающе, не разсуждают добра своего, яко обычного. Аще же бы кто вне такового строения пожити с людьми хотел, уведал бы тот час, как недобро без власти. Имамы повесть о Вейдевуте, первом пруском и жмудском властелине. Народ его, еще не под властию бывший, егда многое от чуждих и междоусобно сам об себе терпел бедствие, понужден был у его, яко мужа разумнаго, просити советов ко отраде своей. Вейдевут же таковую к ним речь произнес: “Аще бы, – рече, – о людие, не были вы глупшии от пчел ваших, было бы добро вам”. Вопросили, в чем они глупшии от пчел. “В том, – рече, – яко пчелы, малые и безсловесные муhi, имеют царя, вы же, человецы, не имеете”. Воспеснули на совет и тогож часа самого его государем себе быти понудили. ...Известно ибо имамы, яко власть верховная от самого естества начало и вину приемлет. Аще от естества, то от самого бога, создателя естества. Аще бо первыя власти начало и от человеческаго словия и согласия происходит, обаче понеже естественный закон, на сердце

*человеческом от бога написанный, требует себе сильного защитника и совесть тогожде искати понуждает (яже и сама семя божие есть), того ради не можем не нареци самого бога властей державных виновника*²⁶.

В цитированном отрывке роль Бога в создании правления представляется двусмысленной. Если исключить его заключение, роль Творца оказывается весьма незначительной, т. е. всего лишь конечной причиной правления, поскольку договор происходит независимо от божественной воли. На самом деле аргументация автора, изложенная в последнем предложении, опирается на традиционную византийско-русскую идею о державной власти. Это явствует из самого заглавия произведения (где говорится, что власть царская «от самого Бога в мире учинена есть»), а также совершенно очевидно подтверждается многочисленными цитатами из Библии. Помимо прочего, автор цитирует и общизвестные слова пророка Даниила²⁷.

Идея первоначального договора встречается и в главнейшем манифесте новой идеологии, в трактате «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722). Как известно, Петр поручил Прокоповичу написать теоретическое произведение²⁸, оправдывающее указ царя о порядке наследования престола (1722 г.). Согласно указу, монарх сам определял, кому отдать престол, поэтому центральная задача трактата – защита упомянутого права монарха с помощью родительской власти. Однако «Правда воли монаршей...» выводит общие прерогативы монарха вместе с обязанностью подчинения подданных из идей первоначального договора и богоизбранности монарха²⁹. Таким образом, в трактате встречаются традиционные ссылки на Библию: *«Всякий государь, наследием или избранием скончатель получивший, от Бога оное приемлет: Богом бо царие царствуют и сильни пишут правду; от Господа даётся им держава, и сила от Вышнего; владеет вышиний царством человечим, и ему же восходит даёт его»*³⁰. Далее, перед описанием договора, высказывается предположение, что *«всякий образ правления, и сама наследная монархия, имеет начало от первого в сем или оном народе согласия, всегда и везде по воле своей, премудро действующу смотрению божию»*³¹.

В отличие от «Слова о власти и чести царской...» здесь недвусмысленно прослеживается сочетание идеи первоначального договора с богоизбранностью монарха. То есть, договор существует не на своём праве, а как идея, подчинённая божественному провидению. Сочетание этих двух принципов служит ключом к дальнейшим рассуждениям: *«В монархии же наследной, таковая была к первому монарху воля народная, аще и не словом, но делом изъявленная: согласно вси хощем, да ты к общей нашей пользе владеешь над нами вечно, то есть, понеже смертен еси; то да по тебе, ты же сам впредь да оставляеши нам наследного владетеля; мы же единожды воли нашей совлекшиеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей употребляти будем»*

дем; но как тебе, так и наследникам твоим по тебе повиноватися клятвенным обещанием одолжаемся, и наших по нас наследников тымже должностом обязуе ... Ведати же подобает, что народная воля, как в избирательной, так и в наследной монархии, и в прочих провительства образах, бывает не без собственного смотрения божия (как о сем и выше помянулося), но божим мановением движима действует; понеже ясно учит священное писание, яко же выше сего довольно мы видели, что несть власть аще не от Бога. И того ради вся долженства, как подданных к государю своему, так и государя к добру общему подданных своих, не от единой воли народной, но и от воли божией происходят. ... Но когда бы и хотел упрямо отменити волю свою народ (что было бы великое непостоянство, и никогда бы так монархия наследная быть не могла), но не может отменити воли божией, которая и волю народную двинула, и купно с оною сама действовала в установлении такой монархии и первого монарха избрании, яко же выше довольно показано...»³².

Здесь мы встречаемся с новой интерпретацией древней идеи, что Бог действует через людей³³. Эта идея стала особенно популярной в XVII в. с избранием первого царя из династии Романовых. «Официальная погласка и популярные формулировки подчеркнули, что Михаил Романов был избран Богом и всем народом»³⁴, поскольку «в неинституционной политической культуре» московского государства «народная воля и организационная процедура», т. е. избрание царя Земским собором, воспринимались просто проводниками божественной воли, которая на самом деле являлась единственным источником власти³⁵.

Во время правления Петра идея, что Бог действует через людей, была модифицирована, так как она была облачена в западную одежду: понятия естественного права, первоначального договора и общего блага объединились с идеей божественного пророчества. Почему было необходимо для идеологов Петра включить в новую идеологию эти понятия, создавая таким образом идеологию западного образца? Это явление, на первый взгляд, действительно было частью внедрения западных образцов. Однако, с другой стороны, заимствование естественного права и первоначального договора стало «откликом на вызовы, созданные западными идеями для самодержавия»³⁶. Договор правления в традиционной интерпретации был одним из подобных «вызовов», поскольку он включил в себя право активного сопротивления³⁷. Под давлением таких идей возникла необходимость в «дополнительной легитимации» власти монарха³⁸. Немецкое естественное право, подчёркивающее не права, а обязанности подданных, прежде всего их подчинение властям³⁹, и идея неотменяемого первоначального договора служили средствами дополнительной легитимации. Неотменяемый первоначальный договор, однако, поддерживал неограниченную власть монарха: «Может монарх государь законно повел-

вати народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится, только бы народу не вредно и воле божией не противно было. Сему же могуществу его основание есть вышепомянутое, что народ правительской воли своей совлекся пред ним, и всю власть над собою отдал ему: и сюды надлежат всякие обряды гражданскии и церковныи, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях, и прочая, и прочая...»⁴⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gough J.W. Social Contract. Oxford, 1957. P. 1–7.

² Barker E. Social Contract. London, 1960. P. XII.

³ Gough J. Op. cit. P. 3.

⁴ Barker E. Op. cit. P. XII.

⁵ Гуревич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ея Западноевропейские источники. Юрьев, 1915. С. 59.

⁶ Gough J. Op. cit. P. 3.

⁷ Ibid.

⁸ Lessnoff M. The Social Contract. London, 1990. P. 10.

⁹ Gough J. Op. cit. P. 22–24, 27–28.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ullmann W. Medieval Political Thought. London, 1975. P. 147.

¹² Medieval Political Theory / Ed. by C.J. Nederman, K.L. Forhan. London, 1993. P. 10.

¹³ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 16.

¹⁴ Дяконов М.А. Власть московских государей. Спб., 1889. С. 39.

¹⁵ Nicol D.M. Byzantine Political Thought // The Cambridge History of Medieval Political Thought / Ed. by J.H. Burns. Cambridge, 1988. P. 63.

¹⁶ Пушкирев Л.Н. Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа нового времени // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 67.

¹⁷ Даль В.В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 244, 247. Об отражении идеологии власти в пословицах см.: Sashalmi E. Sixteenth–Seventeenth-Century Muscovite Ideology of Power in European Perspective (Proverbs as Means of Understanding Muscovite Ideology) // Место России в Европе – The place of Russia in Europe / Ed. by Gy. Szvák. Вр., 1999. Р. 166–172.

¹⁸ Шахматов М.В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Прага, 1927. Т. I. С. 97, 108.

- ¹⁹ Мнение Ю.М. Лотмана см. в кн.: Власть и реформы в России. Спб., 1996. С. 15.
- ²⁰ Barker E. Op. cit. P. X.
- ²¹ Whittaker C.H. The Reforming Tsar: the Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // Slavic Review. 1992. P. 77–98.
- ²² Ibid. P. 77.
- ²³ Ibidem, P. 77.
- ²⁴ Letiche J.M., Dmytryshyn B. Russian Statecraft: The Politika of Jurii Krizhanich. Oxford, 1985. P. XIV.
- ²⁵ Еремин И.Р. Сочинения Феофана Прокоповича. М., 1961.
- ²⁶ Там же. С. 82.
- ²⁷ Там же. С. 83.
- ²⁸ Текст из критического издания Лентина см.: Lentini A. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary. Oxford, 1996. P. 119–281, вопрос об авторстве С. 57–62.
- ²⁹ См. работы Гурвича и Лентина.
- ³⁰ Правда воли монаршей... С. 174, 176.
- ³¹ Там же. С. 204.
- ³² Там же. С. 206, 208, 210, 212.
- ³³ Sashalmi E. Autokrácia vagy abszolutizmus? Folyamatosság és változás a hivatalos orosz hatalmi ideológiában Joszif Volockijtól Nagy Péterig. 1997. 111, 113. old. (рукопись); Ostrowsky D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 216.
- ³⁴ Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 13.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Benson S. The Role of Western Political Thought in Petrine Russia // Canadian-American Slavic Studies. VIII. 1974. P. 254.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibid. P. 265.
- ³⁹ Raeff M. The Origins of the Russian Intelligentsia. New Jersey, 1966. P. 155.
- ⁴⁰ «Правда воли монаршей»... С. 222.

Ласло В. Молнар

Венгерско-русские культурные связи в XVIII веке: состояние исследования и постановка проблемы

Несмотря на то что за последние сто пятьдесят лет был опубликован целый ряд серьезных трудов по вышеуказанной проблематике, в общем следует признать: они не уменьшили объем задач, встающих перед новыми поколениями историков. Не секрет, что итоги исследований, проведенных в течение полутора веков, оставляют желать лучшего, так как число публикаций, их качество и профессиональная достоверность нередко не удовлетворяют требований научного сообщества¹. Тем не менее мы должны подчеркнуть, что венгерские историки Лайош Таллоци², Шандор Марки³, Антал Ходинка⁴, Лайош Тарди⁵, Эмиль Нидерхаузер⁶, профессор Ужгородского университета Я.И. Штернберг (известный в Венгрии как Янош Варади-Штернберг)⁷ опубликовали действительно ценные, высокопрофессиональные труды о некоторых вопросах венгерско-русских культурных сношений XVIII в. Это же можно сказать о В.М. Истрине⁸, Н.И. Петрове⁹, А.П. Барсукове¹⁰, Н.И. Стельлецком¹¹, П.П. Митрофанове¹² и других представителях русской буржуазной историографии, а также о современных исследователях – сотрудниках Института славяноведения Российской Академии наук, прежде всего Т.М. Исламове¹³ и О.В. Хавановой¹⁴. И все-таки, даже учитывая достижения, которые являются результатом деятельности ряда поколений историков, необходимо с горечью отметить, что по предлагаемой к рассмотрению проблематике до сих пор нет обобщающего труда. Автор настоящей статьи попытался исправить этот недостаток, когда в 1994 г. при поддержке Государственного университета в Йошкар-Оле опубликовал работу о русско-венгерских культурных связях, написанную с точки зрения культурной контактологии, на русском языке¹⁵, а затем, в 2000 г., в Институте истории ВАН в Будапеште монографию на венгерском языке «Венгерско-русские культурные связи (1750–1815 гг.)».

Необходимо подчеркнуть, что мы не ставим себе целью детально изучить весь спектр венгерско-русских сношений в XVIII в., в том числе обширные

связи в области политики, экономики, торговли¹⁶, военного дела¹⁷, тем более что они непосредственно не связаны с проблематикой культурной контактологии¹⁸. Мы желали бы обратить внимание на те «архимедовы точки», на которых построена вся система отношений и которые необходимы для понимания яких, чётко очерченных отношений, направленных на познание друг друга.

Венгерские и русские исследователи согласны с тем, что XVIII век (до 1815 г., когда был создан Священный союз) внес значительное оживление в отношения между двумя народами. Возросшее число контактов, их интенсивность находились в непосредственной связи с «более открытой» правительственною политикой, новыми тенденциями в отношениях между европейскими режимами, которые принято определять как просвещённый абсолютизм. В указанный период отношения Венгерского королевства, явившегося «неотъемлемой частью» монархии Габсбургов, и России, превратившейся в великую европейскую державу, не были обременены международной конфронтацией. Исследования Яноша Варади-Штернберга показывают, как движение за независимость под руководством Ференца II Ракоци (даже вопреки его поражению) дало импульсы к развитию взаимных отношений в самых различных областях¹⁹. Мы не должны забывать, однако, что Россия остро нуждалась в военных и гражданских специалистах, врачах, квалифицированных педагогах, учёных. Этим объясняется, что Российская империя, для которой была характерна известная веротерпимость, принимала на государственную службу часто преследуемую у себя на родине протестантскую интеллигенцию венгерского происхождения («хунгарусов»), а также переселенцев – сербов из южного края. Последних привлекала не только возможность профессиональной карьеры и материального поощрения, но и сознание религиозной общности, а также симпатия по отношению к «великому славянскому собрату»²⁰.

Проведённые до сих пор контактологические исследования убедительно доказали, что самыми эффективными в области культурных связей XVIII в. были венгерско-руssкие медицинские контакты. Благодаря трудам В.М. Рихтера²¹, Я. Чистовича²², Эмиля Шультейса²³, Лайоша Тарди²⁴, Константина Сильваи²⁵, а также некоторым образом работам автора настоящей статьи²⁶ на сегодняшний день мы можем реконструировать деятельность тех медиков, которые, считая Россию своей второй родиной, достигли здесь значительной профессиональной карьеры. Венгерская культура могла бы, наконец, гордиться их достижениями европейского уровня, они вполне заслуживают, чтобы их имена были включены в синтезы по истории культуры. Так, преследуемый на родине, обучавшийся в немецких и голландских университетах Пал Дёндёши²⁷, будучи протестантом, в 1753 г. поступил на службу при русском царском дворе, а в 1763 г. занял должность придворного врача Екате-

рины II. Достойна высочайшего признания деятельность возведённого в чин государственного советника Христиана Пекена (он был секретарём Медицинской коллегии и составил первую российскую фармакопею)²⁸, а также его сына Матяша (Матвея) Пекена²⁹ – выдающегося санкт-петербургского хирурга, получившего образование в Гёттингене, автора ряда научных трудов. Успешную профессиональную карьеру сделал Ференц (Фёдор) Керестури³⁰ (родился в 1738 г. в Шарошпатаке), с 1762 г. обучавшийся в Московской госпитальной школе и ставший позже деканом медицинского факультета университета. Он являлся одним из пионеров нейрофизиологических исследований и был почётным членом ряда зарубежных академий. Таких же значительных успехов достиг родившийся в 1770 г. в закарпатском селе Паладь Янош (Иван) Орлай (секретарь Медицинской коллегии, лейб-медик Александра I, с 1816 г. государственный советник) – друг Й.В. Гёте, воспитатель Н.В. Гоголя в Нежинской гимназии, директор Одесского лицея³¹, который, будучи полигистором, заслуживает особого внимания последующих поколений за достижения в области медицины, ботаники, археологии, педагогики и поиска древней родины венгров. Среди выдающихся медиков этой эпохи также следует отметить Дёрдя Коритари³², венгра по происхождению, профессора-офтальмолога и декана Харьковского университета, скончавшегося в возрасте тридцати восьми лет. Насколько мы можем судить, в России до 1815 г. работали 15–20 венгерских медиков³³, в том числе Ференц Добша, Игнац Поянкаи, Антал Черски, Ференц Нилаши, Ласло Бааняи и Липот Остеррайхер. (Здесь заметим, что один из лейб-медиков Бориса Годунова, Криштоф Ритлингер попал в Москву тоже из Венгрии)³⁴.

Относительно профессиональной карьеры педагогов–«хунгарусов» в России необходимо с сожалением отметить, что венгерские труды по истории педагогики даже не упоминают об их деятельности. А ведь многие из них с начала XVIII в. уже были в авангарде русской системы образования и являлись сторонниками профессиональных, этических, дидактических и методических принципов, которые далеко обгоняли свое время. Известно, что родившегося в Карабчалве и обучавшегося в западноевропейских университетах Яноша Зейканы³⁵ в 1698 г. в Россию пригласил лично Пётр I. Здесь он стал воспитателем князей Нарышкиных, а позже – Петра II. Русский государь настолько доверял ему, что назначил надзирателем царской казны, из-за чего Я. Зейкан вступил в конфликт со всемиильным фаворитом князем А.Д. Меншиковым.

Из педагогов, переселившихся в Россию из Венгерского королевства, самой высокой карьеры достиг, несомненно, Ф.И. Янкович³⁶ (родился в

1741 г.), получивший образование в Карловаце, Пресбурге^{*} и Вене. Будучи директором Темешварского учебного округа, он сыграл значительную роль в деле введения так называемой нормальной системы и современных педагогических принципов, разработанных Й.И. Фельбигером. Янкович по приглашению Екатерины II в 1782 г. прибыл в Россию, где с его именем связаны создание в 1783 г. первой педагогической семинарии и разработка в 1786 г. «Школьного устава». Упоминаемый в истории культуры как «отец русской народной школы», Янкович за годы своей деятельности составил около 30 учебников, вспомогательных педагогических материалов, пособий, которыми пользовались в течение десятилетий. Жаль, что венгерские обобщающие труды по истории педагогики и университетские учебники об этом не знают!

Как педагог и как юрист заслуживает внимания обучавшийся в Шаторальяухее, Кашише^{**} и Вене Михай (Михаил) Балудянский (иначе: Балугьянский, 1769–1847), родом из Закарпатья, который в 1803 г. по приглашению Я. Орлай прибыл в Россию (тогда он был профессором Надьварадской^{***} академии юридических наук). Балудянский на протяжении нескольких лет занимал должность наставника в юриспруденции будущего царя Николая I. Позже он был назначен первым ректором основанного в 1819 г. Санкт-Петербургского университета. Во время царствования Николая I Балудянский становится государственным секретарём по делам юстиции и редактором 15-томного русского Уложения (Собрания законов Российской империи)³⁷. В одно время с Балудянским прибывает в Россию Петер Лодий, ранее занимавший должность профессора Лембергского^{****} университета и работавший вместе с идеологом так называемых венгерских якобинцев Игнацием Мартиновичем. В России Лодий продолжает свою деятельность в качестве декана факультета философии Петербургского университета³⁸.

Интересно отметить, что в новых университетах, основанных Александром I, также вели активную деятельность учёные – выходцы из Венгрии. Среди них необходимо назвать обучавшегося в Гётtingене автора первого учебника физики, изданного на сербском языке, Атанаса Стойковича³⁹, назначенного позже ректором Харьковского университета. Его коллегами были Константин Павлович, преподаватель римского права и уголовного права, а

^{*} Карловац – совр. Сремски-Карловцы в Сербии, Пресбург – совр. Братислава в Словакии.

^{**} Кашице – совр. Кошице в Словакии.

^{***} Надьварад – совр. Орадя-Маре в Румынии.

^{****} Лемберг – совр. Львов на Украине.

также Андраш Дудрович, профессор философии и логики⁴⁰. (Здесь напомним, что учёные-педагоги, переселившиеся из Венгрии, преподавали не только в университетах, но и в известных гимназиях, как, например Ласло (Василий) Кукольник, директор Нежинской гимназии.)

«Белым пятном» в контактологических исследованиях о той эпохе остается изучение связей отечественных учёных с коллегами из основанной в 1725 г. Петербургской академии наук. В этой области ещё предстоят исследования архивных и рукописных материалов, чтобы выяснить связи с Россией таких учёных, как Матей (Матяш) Бел⁴¹, Максимилиан (Микша) Хелл⁴², Ян (Янош Андраш) Зегнер⁴³, Игнац Борн⁴⁴, Дёрдь Калмар⁴⁵, Йожеф Торкош⁴⁶, Янош Ханнулик⁴⁷, Игнац Мартинович⁴⁸, Игнац Аурел Фесслер⁴⁹ и др. Заслуживают тщательного изучения работы, представленные в Петербургскую академию на объявленные конкурсы, ведь среди них мы бы нашли труды ряда венгерских учёных. (Здесь заметим, что в 1783 г. премией Академии была удостоена работа на немецком языке «О размножении мхов», автором которой был Янош Хедвиг⁵⁰, родившийся в Брашшо.) Целесообразно было бы изучить и данные о том, кто из Венгрии представлял работы на конкурсы созданного в 1765 г. Вольного экономического общества и каких результатов достигли авторы представленных трудов. Точно так же мы в долгу по отношению к изучению профессиональных связей Шамуэля Тешшедика⁵¹ и Андрея Самборского⁵² (двух священников и полигисторов).

Нельзя не сказать о катастрофическом отставании в области изучения путевых записок, дневников и мемуаров венгерских авторов XVIII в. о России. Стоило бы проанализировать записки барона Ференца Тота⁵³, графа Морица Бенёвски⁵⁴, Ференца Калатаи⁵⁵, Ласло Балинта Эстерхази⁵⁶ и др. с целью узнать, в частности, как эти авторы характеризовали Россию XVIII в. Небезынтересно было бы выявить, насколько отличаются изложенные в данных работах впечатления о России от характеристик и оценок этой страны западноевропейскими путешественниками.

В значительно лучшем положении находится изучение восприятия и оценки Венгрии русскими путешественниками XVIII – начала XIX в. В ходе войн с Наполеоном их число резко возросло, преимущественно за счет офицеров и дипломатов. Сегодня хорошо известны суждения о Венгрии В.Г. Барского, А.И. Тургенева, Ф.Н. Глинки, В.Б. Броневского, А.М. Данилевского и др.⁵⁷ Их суждения и замечания являются ценным документами об общественных, политических, экономических и культурных связях Венгрии того периода, а также представляют важность с точки зрения изучения национальной идентичности, ибо в них обращается внимание на такие обычаи, свойства

национального мышления и черты национальной характерологии, которые не всегда лестны для самих венгров.

Благодаря контактологическим исследованиям сравнительно хорошо известны биографии тех русских студентов (среди них И.И. Фальковский, А. Пекалицкий, А.П. Ставинский и др.), которые провели более или менее длительное время в Венгрии, обучаясь в средних или высших учебных заведениях. Важно и то, какие духовные и научные труды, учебники на русском языке⁵⁸ поступали в данный период в Венгрию, в первую очередь к сербам южного края, которые со всё более усиливающейся симпатией смотрели на восточного славянского собрата.

В процессе изучения результатов контактологических исследований остро ощущается отсутствие материала при попытке найти отзывы о взаимных культурных связях в современной печати. Мы не располагаем сведениями о том, какой отклик в русских журналах и газетах XVIII в. вызывали достижения венгерской науки и культуры. С венгерской стороны Лайош Тарди⁵⁹, Калман Бор⁶⁰, а также автор настоящей статьи⁶¹ уже сделали попытки представить отзывы венгерской печати о русской культуре 1780–1815 гг., познакомить читателя с теми редакторами и публицистами (в том числе Миклошем Патаки, Яношем Молнаром, Йожефом Пецели, Иштваном Шандором), которые своими популярными статьями и рецензиями содействовали лучшему распространению в Венгрии сведений о выдающихся достижениях «другой стороны». Из указанных выше работ, хотя и в виде мозаики, но вырисовывается картина того, что могли узнать тогда читатели о русской духовной жизни, о Петербургской академии наук, о работающих в ней учёных, об основанном в 1755 г. Московском университете, о высших учебных заведениях, открытых в начале XIX в., о реформах Екатерины II и Александра I, об основных достижениях русской литературы, изобразительного искусства, музыки и театральной жизни. Эти контактологические данные убедительно доказывают, что даже если мы не можем говорить о существовании систематичности в венгерско-русских культурных отношениях XVIII в. или об официальном сотрудничестве, нет сомнений, что в рассматриваемый период взаимный интерес двух стран усилился до небывалой степени.

Однако из источников, находящихся в нашем распоряжении, становится также ясным, что венгерская и русская общественность одинаково мало знали друг о друге, а вести о другой стороне – по причине медлительности передачи информации – доходили до читателей с большим опозданием. Число людей в обеих странах, действительно хорошо осведомленных о достижениях науки и искусства соседнего государства, об актуальных вопросах культурной жизни, было весьма незначительно. С полным правом можно предположить,

что дворянство, занимавшееся вопросами политики и знакомое с материалами печатных изданий, а также высшие слои формирующейся буржуазии значительно больше знали о событиях, происходивших за рубежом, чем крестьянские массы, озабоченные преимущественно местными проблемами. В то же время хотелось бы обратить внимание и на то, что культурные связи двух стран в XVIII в., по всей вероятности, могли бы быть ещё более плодотворными и интенсивными, если бы на венгерскую общественность не влиял синдром «Давида и Голиафа», чувство угрозы со стороны «северного гиганта». Дворянство, занимавшее активную позицию в политической жизни, после третьего раздела Польши с некоторой опаской наблюдало за поступавшими из «государства бурого медведя» новостями, сообщениями, которые порождали настороженность, связанную с возможной военной экспанссией⁶².

Культурные связи того времени – даже по прошествии двухсот лет – служат вечным уроком, ибо они учат, что соседние народы всегда должны обращаться к гражданам другой страны с пониманием, надлежащим тактом и уважением. В этом главную роль играют культурные «понтонёры», создавая своими цennыми трудами упоминавшиеся выше «архимедовы точки», на которые опирается вся система связей науки и культуры. Однако при их исследовании нецелесообразно доискиваться до того, которая из сторон внесла больший вклад в историю культурных отношений, так как венгерско-руssкие культурные связи XVIII в. доказывают, что и «малый народ» способен создать значительные ценности, а также воспринять то, что создано другой культурной средой. Итак, задачей исследователей является не «измерение» достижений друг друга в прошлом, но, что гораздо важнее, раскрытие и разработка культурно-исторических материалов, преданных забвению и по сей день известных только очень узкому кругу специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Magyarország és Kelet-Európa (A magyarság kapcsolatai a szomszéd népekkel) / Szerk. Gál I. Bp., 1947 (Bp., 1955²⁾; Magyar-orosz történelmi kapcsolatok / Szerk. Kovács E. Bp., 1956.

² Thallóczy L. Oroszország és hazánk. Bp., 1884; *Idem*. Tudákos levelek. Bp., 1914.

³ Márki S. Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben // Értekezések a történeti tudományok köréből. XXIII. Bp., 1913; *Idem*. Magyarok orosz állami hivatalokban // Aradi Hírlap. 1884. Május 15. 113. sz.; *Idem*. Orosz-magyar kereskedelem // Aradi Közlöny. 1887. január 3.

⁴ Dolgozatok Hodinka Antal tiszteletére / Szerk. Udvari I. Nyíregyháza, 1993; Hodinka A. A munkácsi görög katolikus püspökség története. Bp., 1910; Hodinka

Antal Emlékkönyv / Szerk. Udvari I. Nyíregyháza, 1993; Hodinka Antal válogatott kéziratai / Válogatta, szerkesztette és a bevezető életrajzot írta Udvari I. Nyíregyháza, 1993; Hodinka A. Muszka könyvárusok hazánkban, 1711–1771 // Könyv és Könyvtár. Debrecen, 1925. 47–62. old. (A Debreceni gr. Tisza István Tudományegyetem Könyvtárának Évkönyve).

⁵ См. его важнейшие труды: Tardy L. A budai «orosz könyvtár» és az ürömi mauzóleum orosz leírói // Az Országos Széchényi Könyvtár Évkönyve, 1965–1966. Bp., 1968. 429–445. old.; Idem. Balugyánszky Mihály. Bp., 1954; Idem. Históriai inyencfalatok. Bp., 1989; Idem. Kaukázusi magyar tükör. Bp., 1988; Idem. Régi feljegyzések Magyarországról. Bp., 1982; Idem. Orosz utazók Budán és Pesten // Tanulmányok Budapest múltjából. Bp., 1971. XVIII. köt. 201–209. old.; Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon / Szerk. Tardy L. Bp., 1988.

⁶ Niederhauser E. A történetírás története Kelet-Európában. Bp., 1995; Idem. Az orosz felvilágosodás. Bp., 1966; Idem. Az orosz felvilágosodott abszolutizmus kérdéséhez // Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Ser. historica. Bp., 1964. T. 3. 73–82. old; Idem. Az összehasonlító történetírás lehetőségei és korlátai // A komparatistika kézikönyve / Szerk. Fried I. Szeged, 1987. 189–204. old.; Idem. I. Péter. Bp., 1967; Idem. Így élt Nagy Péter. Bp., 1974.

⁷ Váradi-Sternberg J. Utak és találkozások. Tanulmányok az orosz-ukrán-magyar kapcsolatok történetéből. Uzsgorod, 1971; Idem. Utak, találkozások, emberek. Uzsgorod–Budapest, 1974; Штернберг Я.И. Мир поэзии и дружбы. Ужгород, 1979; Idem. Századok öröksége. Tanulmányok az orosz–magyar és ukrán–magyar kapcsolatok történetéből. Budapest–Uzsgorod, 1981. О его жизненном пути и научной деятельности см.: Benda K. Váradi-Sternberg János búcsúztatása // Századok, 1992. 5–6. sz., 692–694. old.

⁸ Истрин В.М. Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. Пр., 1915; Он же. Русские путешественники по славянским землям в начале XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 41. 1912. № 9. С. 78–109.

⁹ Петров Н.И. Автобиографические записки преосвященного Иринея Фальковского. Ч. I (1762–1783) // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1907. Кн. VII. С. 456–479.

¹⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды В.Г. Барского. СПб., 1885.

¹¹ Степлецкий Н.И. Протоиерей А.А. Самборский // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1896. С. 182–202, 342–363, 486–526.

¹² Митрофанов П.П. Оппозиция реформам Иосифа II в Венгрии. СПб., 1905.

¹³ Исламов Т.М. Проблемы истории Венгрии и их решение в советской исторической науке. Сотрудничество венгерских и советских историков // *Studia Historica* / Под ред. Ф. Мучи. Вр., 1977. С. 67–88; *Он же*: От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / Под ред. А.С. Мыльникова. М., 1984; Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. № 1. Здесь заметим, что Т.М. Исламов написал и главы по истории Венгрии Нового времени в российских обобщающих академических трудах, см.: Шушарин В.П., Исламов Т.М., Пушкиаш А.И. История Венгрии. Т. 1–3. М., 1971–1972; *Они же*. Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней. М., 1991.

¹⁴ Хаванова О.В. Соотношение религиозных и патриотических убеждений в венгерском обществе в ранее новое время // Религия и политика. От античности к эпохе Просвещения / Под ред. Ю.Е. Ивонина. Смоленск, 1997; *Она же*. Миклош Форгач: штрихи к портрету харизматического лидера // Центральная Европа в новое и новейшее время / Под ред. А.С. Стыкалина. М., 1998; *Она же*. Венгерская историческая наука и государственная политика в странах Центральной и Восточной Европы: новый взгляд на XVIII век // Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы, 1920–1950-е годы / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1999 (Власть и интеллигенция. Вып. 3); *Она же*. Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: Опыт со-поставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы / Под ред. И.И. Лещинской. М., 1998; *Она же*. Венгры и немцы в конце XVIII в.: к вопросу складывания этнокультурных стереотипов // Славяне и их соседи. Средние века – ранее новое время. М., 1999; *Она же*. Нация, отчество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.

¹⁵ Молнар Л.В. Русско-венгерские культурные связи (1750–1815 гг.). Йошкар-Ола, 1994.

¹⁶ Tardy L. A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története, 1733–1798. Sárospatak, 1963; Рачинский Б. Русские комиссары в Токайе в XVIII веке (По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел // Русский Вестник. Т. 119 (сентябрь 1875 г.). С. 179–198; V. Molnár L. Tokaji borok a cárok asztalán // Világöröklés. 1998 (tavasz–nyár). 37–44. old.; В. Молнар Л. Токайские вина на царских столах (Данные о вызове токайских вин в Россию в XVIII веке // Место России в Европе / Под ред. Д. Свака. Будапешт, 1999. С. 227–236; V. Molnár L. Orosz kolónia Tokaj-Hegyalján // História. 1998. 5–6. sz. 41–43. old.

- ¹⁷ Kiss M. Erzsébet cárnő szerb telepítései. Marosvásárhely, 1909; Honfi J. A huszárság kialakulása a XVIII. századi orosz hadseregeben // Hadtörténelmi Közlemények. 1968. 1. sz., 95–129. old.; Хонфи Я. Образование гусарства в русской армии XVIII века // Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae. Bp., 1965. T. 7. 79–107. old.; Tardy L. Máriássy kuruc lovasaitól a magyar-grúz huszárezredig // Históriai ínyencfalatok. Bp., 1989. 80–90. old.
- ¹⁸ V. Molnár L. Az 1750–1815 közötti magyar-orosz kulturális kapcsolatok történetének historiográfiája // Szomszédaink között Kelet-Európában. Emlékkönyv Niederhauser Emil 70. születésnapjára / Szerk. Glatz F. Bp., 1993. 139–148. old.
- ¹⁹ Váradi-Sternberg J. Századok öröksége. 7–138. old.
- ²⁰ V. Molnár L. Magyar-orosz kulturális kapcsolatok (1750–1815). Piliscsaba, 2000. 155–158. old.
- ²¹ Richter W.M. Geschichte der Medizin in Russland. Moskau, 1813–1819. Bd. I–III.
- ²² Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883; Он же. Очерки по истории медицинских учреждений XVIII века. СПб., 1883.
- ²³ Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából. Bp., 1960; Шултейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976; Schultheisz E. Az orvoslás kultúrtörténetéből. Budapest–Piliscsaba, 1997. 227–255. old.
- ²⁴ Tardy L. Orlay János, 1770–1829 // Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei (далее – OTKK). 1959. 13. sz. 89–160. old.; Idem. Reineggs Jakab és Koháry János grúziai tevékenysége a XVIII. század második felében // Ibid. 1957. 5–48. old.; Idem. Két magyarországi jövevény II. Herakliusz fővárosában (Reineggs Jakab és Koháry János) // Kaukáziusi magyar tükrök. Bp., 1988. 228–250. old.
- ²⁵ Szilvay K. Keresztury Ferenc (1735–1811) // OTKK. 1961. 21–22. sz. 54–103. old.; Idem. Peken Keresztély és fia, Mátyás orvosi tevékenysége Oroszországban // Orvosi Hetilap. 1960. 28. sz. 1003–1005. old.
- ²⁶ B. Молнар Л. Русско-венгерские культурные связи. С. 26–56; Он же. Венгерские врачи в России (1750–1815 гг.) // Studia Slavica. 1993. Т. 38. 3–4. sz. 271–309. old.
- ²⁷ О его жизни и научных результатах подробнее см.: Magary-Kossa Gy. Adatok Gyöngyössi Pál élethez // Orvosi Hetilap. 1938. 839–841. old.; Schultheisz E., Tardy L. Gyöngyössi Pál orvos és filológus // Ibid. 1964. 30. sz.; Idem. Gyöngyössi Pál archiater és Platon Levsin // OTKK. 1969. 50. 13–22. old.; Idem. Paul Gyöngyössi, ein vergessener Boerhaave-Schüler // Janus. 1964. 151–

159. old.; *Idem. Fejezetek.* 41–57. old.; *Шултейс Э., Тарди Л.* Главы из истории. С. 59–80.

²⁸ *V. Molnár L.* Magyar-orosz kulturális kapcsolatok. 49–53. old.

²⁹ *Ibid.* 54–56. old.

³⁰ О научной деятельности Ф.Ф. Керестури см.: *Király J. Kereszturi Ferenc Adalékok a 18. századi magyar pszichológia történetéhez // Acta Universitatis Szegediensis, Paedagogia et Psychologia. Szeged,* 1956. 83–91. old.; *Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek.* 86–102. old.; *Шултейс Э., Тарди Л.* Главы из истории. С. 119–142; *Schultheisz E.* Az orvoslás kultúrtörténetéből. 233–239. old.; *V. Molnár L.* Magyar-orosz kulturális kapcsolatok. 41–48. old.; *В. Молнар Л.* Венгерский ученый Ф.Ф. Керестури (1738–1811) в Московском университете // Вестник МГУ. Сер. «История». 1994. № 6. С. 61–68.

³¹ О карьере И.С. Орлай в России см.: *Tardy L. Orlay János // OTKK.* 1959. 13. sz. 3–42. old.; *Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek.* 133–163. old.; *Шултейс Э., Тарди Л.* Главы из истории. С. 181–217; *V. Molnár L.* Adalékok Orlay János oroszországi tevékenységéhez // *Világtörténet.* 2000 (tavasz–nyár). 73–81. old.

³² О жизненном пути и научной карьере Д. Коритари подробнее см.: *Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek.* 164–177. old.; *Шултейс Э., Тарди Л.* Главы из истории. С. 218–234; *V. Molnár L.* Magyar-orosz kulturális kapcsolatok. 66. old.

³³ *В. Молнар Л.* Русско-венгерские культурные связи. С. 54–56.

³⁴ *Richter W.M.* Op.cit. Bd. I. S. 373.

³⁵ О деятельности И. Зейкана см.: *Takáts S.* A magyar múlt tarlójáról. Bp., é. n. 369–379. old.; *Штернберг Я.И.* Закарпатье Иван Зейкан в окружении Петра I // Науковий збірник музею Української культури у Свиднику. Братислава, 1986. Т. 14. С. 33–49.

³⁶ О жизни и педагогической деятельности Ф.И. Янковича подробнее см.: *V. Molnár L.* F.I. Jankovic és a délividéki szerb iskolatügy // *Iskolakultúra.* 1995. 15–17. sz., 98–109. old.; *Idem.* Adalékok Theodor Jankovic oroszországi iskolásvezér tevékenységéhez // *Pedagógiai Szemle.* 1984. 10. sz. 974–984. old.; *Idem.* F.I. Jankovic – iskolareformer a felvilágosodás szellemében // *Magyar-orosz kulturális kapcsolatok.* 69–98. old.; *В. Молнар Л.* Русско-венгерские культурные связи. С. 57–81; *Он же.* О деятельности Ф.И. Янковича по организации школ в России // *Studia Slavica.* 1991–1992. Т. 37. 235–260. old.

³⁷ *Tardy L. Balugyánszky Mihály.* Bp., 1954; *Idem.* A Balugyánszky-vita // *Századok.* 1958. 1–4. sz. 348–363. old.; *Косачевская Е.М.* М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971.

- ³⁸ Зверев В.Н. Петр Дмитриевич Лодий // Бюллетень студенческого научного общества ЛГУ. Л., 1959. Вып. 2. С. 28–42.
- ³⁹ Байчура Т. Закарпатско-украинская интеллигенция в первой половине XIX века. Братислава, 1971. С. 49–52.
- ⁴⁰ Там же. С. 32–33, 102–107.
- ⁴¹ О контактах Матяша Бела в России см.: Kosáry D. Müvelődés a XVIII. századi Magyarországon. Bp., 1980. 143. old.; Bél Mátyás levelezése / Sajtó alá rend. Szelestei L. N. Bp., 1993. 146–147, 154–157, 162–165, 212, 214–215, 273–274, 275–277, 313–315. old.
- ⁴² Zétényi E. Hell Miksa csillagász // Az Egri Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. 1970. 439–454. old.; Zemplén J.M. Hell Miksa, a XVIII. század nagy magyar csillagásza // A Fizika Tanítása. 1970. 123–125. old.
- ⁴³ Szénássy B. Segner András matematikai tevékenysége // Acta Universitatis Debreceniensis. 1960. VI/2. 37–42. old.
- ⁴⁴ Hofer P.M. Ignaz von Born. Leben, Leistung, Wertung. Wien, 1956; Szabadváry F., Szőkefalvi-Nagy Z. A kémia története Magyarországon. Bp., 1970. 155–170. old.; Kosáry D. Op. cit. 262, 325, 385–386, 432, 494, 541., 564, 567, 621, 629–633, 636. old.
- ⁴⁵ Papp F. Kalmár György oroszországi kapcsolatairól // Filológiai Közlöny. 1958. 2. sz., 346–349. old.; Idem. Lomonoszov, Kalmár György és a csúdok // Magyar Nyelv. 1980. 1. sz. 1–10. old.
- ⁴⁶ Németh S. Torkos József (1710–1790) // Soproni Szemle. 1942. 2. sz. 141–147. old.; Szála E. Sopron tudomány- és technikatörténetéből. Sopron, 1997. 50–54. old.
- ⁴⁷ Csekey I. Hannulik János oroszországi kapcsolatai // Filológiai Közlöny. 1956. 4. sz. 460–469. old.
- ⁴⁸ Данные о профессорской деятельности И. Мартиновича в Лемберге в 1783–1791 гг. см.: Benda K. A magyar jakobinusok elleni felségsértési és hütlenségi per iratai. Bp., 1957. 1. köt.
- ⁴⁹ Fenyő I. Fessler Oroszországban // Irodalomtörténeti Közlemények. 1963. 720–722. old.; Koszó J. Fessler Ignác Aurél élete és szépirodalmi működése // Német philológiai dolgozatok. XXX. Bp., 1915; Barton P. Ignatius Aurelius Fessler. Wien; Köln; Graz, 1969.
- ⁵⁰ Kosáry D. Op. cit. 614. old.
- ⁵¹ Проект Ш. Тешедика о создании «практической школы» в Павловске см.: Tóth L. Reformjavaslatok Tessedik Sámuel szentpétervári tervezetében (1803) //

- Magyar Pedagógia. 1976. 3. sz. Анализ конкурсной работы Тешшедика см.: *Tóth L. Tessedik Sámuel (1742–1820)*. Szarvas, 1976. 335–357. old.
- ⁵² О пребывании в Венгрии великой княжны Александры Павловны (дочери Павла I) и ее духовного отца Андрея Афанасьевича Самборского (1732–1815) подробнее см.: *Hankó I., Kiszely I. A nádori kripta*. Szekszárd, 1990. 32–67. old.; *Самборский А.А. О пребывании великой княжны Александры Павловны в Угри // Памятники новой русской истории*. СПб., 1871. С. 53–67.
- ⁵³ *Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*. Amsterdam, 1784.
- ⁵⁴ *Benyovszky M. Gr. Benyovszky Móric saját emlékiratai és útleírásai*. Bp., 1888.
- ⁵⁵ *Thewrewk M. Franciscus Xaverius Kalataynak prépost báró Reviczky úrholz Löwenbergból datált és küldött levele // Tudományos Gyűjtemény*. 1823. X. sz. 27–36. old.
- ⁵⁶ *Esterházy V. Mémoires*. Paris, 1905.
- ⁵⁷ Оросз és ukrán utazók a régi Magyarországon / KÖZREADTA, fordította, az előszót és a jegyzeteket írta Tardy L. Bp., 1988; *V. Molnár L. Orosz utazók feljegyzései Magyarországról a 17. század végétől 1815-ig // Hungarológia*. 1999. 1–2. sz. 50–83. old.
- ⁵⁸ *Váradi-Sternberg J. Kijevi diákok Magyarországon a XVIII. században // Utak és találkozások*. 43–56. old.; *V. Molnár L. Orosz könyvek és diákok a 18. századi Magyarországon // Képzők ön- és továbbképzése / Szerk. Kocsis M.* Bp., 1996. 121–135. old.; *В. Молнар Л. Русские путешественники, книги и ученики в Венгрии (1750–1815 гг.) // Studia Slavica*. 1994. Т. 37. 163–202. old.
- ⁵⁹ *Tardy L. Magyarországi útiélmények és magyar irodalmi vonatkozások a XIX. század első negyedében megjelent orosz kiadványokban // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből / Szerk. Kemény G.G.* Bp., 1961. I. köt. 121–146. old.
- ⁶⁰ *Bor K. Orosz tudományos és irodalmi vonatkozások a magyar nyelvű hírlapirodalomban, 1780–1824 // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből*. 86–120. old.
- ⁶¹ *V. Molnár L. Az orosz kultúra magyar sajtóvisszhangja a 18–19. század fordulóján (1780–1815) // Képzők ön- és továbbképzése 136–162. old.; B. Молнар Л. Эхо русской культуры в венгерской прессе на рубеже XVIII–XIX веков (1780–1815 гг.) // Studia Slavica*. 1997. Т. 42. 1–2. sz. 69–88. old.
- ⁶² *V. Molnár L. Magyar-orosz kulturális kapcsolatok*. 9. old.

O.B. Хаванова

Дворянские академии на службе государства в Российской империи и монархии Габсбургов во второй половине XVIII века

С эпохой Просвещения связано не только распространение грамотности на все более широкие слои населения, но и превращение образования в один из критериев принадлежности к политической элите. В середине XVIII в. в монархии Габсбургов и Российской империи, где дворянство (в большем или меньшем объеме) сохраняло свой привилегированный статус и ведущие позиции в обществе, неизбежно вставал вопрос о том, насколько государство нуждалось в образованном дворянстве и насколько дворянство стремилось к получению образования. В контексте данной проблемы в статье сравниваются организационные формы дворянского образования в России и Австрии, роль государства, церкви и армии в развитии системы учебных заведений для господствующего класса, эффективность сословного принципа в образовании применительно к политическим и культурным реалиям двух империй.

Во всех землях монархии Габсбургов к середине XVIII в. давно и успешно функционировали многочисленные дворянские гимназии, конвикты, академии, находившиеся под патронатом католической церкви и дававшие молодым дворянам необходимую сумму знаний и нравственно-религиозное воспитание. Еще на рубеже XVII–XVIII вв. и сословия, и государство волновала проблема усовершенствования качества и организационных форм дворянского образования, подтверждением чего могут служить так и не реализованные проекты создания дворянских академий в Нижней Австрии и в Венгрии. Эти академии, прототипами которых служили аналогичные учебные заведения Франции и Германии, давали бы выходцам из дворянского сословия более глубокое, приравненное к университетскому образование.

Вообще, образование было показателем социального престижа и необходимым условием успешной карьеры, поэтому спрос на него среди дворян был весьма высок. Те, кто был не в состоянии оплатить обучение своих детей, могли рассчитывать на стипендии, учрежденные государством, духовными орденами или частными лицами. Контроль за приемом в дворянские учебные

заведения и распределением стипендий осуществляли сословия при все большем участии государства. Доступ к образованию нередко использовался как инструмент социальной политики. Например, в Венгрии в рамках Контрреформации преимущественным правом бесплатного обучения в дворянских конвиктах пользовались сироты, выходцы из славных, но обедневших семей, а также рекатолизированные дворяне или католики, у которых один из родителей исповедовал протестантизм. Можно сказать, что нерадивый конвертит имел не меньше шансов получить стипендию, чем усердный католик.

В России до Петра I практически не было системы публичного светского образования для дворян. Образование молодого дворянина порой начиналось с азбуки и заканчивалось псалтырью под наблюдением местного дьячка. Потребность в грамотных людях удовлетворялась главным образом за счет семинарий, находившихся под патронатом церкви. В них обучались дети духовенства и приказных людей, т. е. мелких и средних чиновников. Дворянство в свою очередь не испытывало потребности в получении образования, рассчитывая на то, что богатство, основанное на владении крепостными душами, личные и семейные связи помогут им устроиться в жизни скорее, чем знания, добытые годами учебы.

Коренные изменения во взаимоотношениях государства и господствующего класса произошли в годы правления Петра I и не могли не затронуть сферу образования. В 1722 г. в знаменитой «Табели о рангах» он жестко увязал общественное положение снесением государственной службы. Как пишет современный исследователь И.В. Фаизова, петровская программа развития шляхетской корпорации ориентировалась на максимальное подчинение служилого сословия интересам государства и была рассчитана на обеспечение дворянскими кадрами важнейших сфер жизнедеятельности – армии, государственного аппарата, военной промышленности и сельского хозяйства¹.

Государство, заявляя о своем монопольном праве на свободное время, таланты, наконец, жизнь дворянина, не было однако готово удовлетворительно обеспечить служилое дворянство ни денежным довольствием, ни питанием и лечением, ни пенсионом по окончании службы. В результате заинтересованность в службе в среде дворян так и осталась крайне низкой. Государственная служба воспринималась как тяжкое ярмо, от которого всеми способами пытались избавиться или, по крайней мере, его облегчить. Если в монархии Габсбургов ко второй половине XVIII в. привилегированные учебные заведения давно превратились в связующее звено между дворянским сословием и бюрократической корпорацией, а поступление в престижную академию реально повышало шансы на получение перспективной должности, то в России дворянство, не находя никакой пользы в том, чтобы укреплять свой социальный

статус, повышая интеллектуальный уровень, проявляло завидную изобретательность в том, как сократить срок службы. Широко практиковалась запись в гвардию в младенческом возрасте. Мемуары и эпистолярное наследие XVIII в. свидетельствуют, что продвижение дворянина по служебной лестнице, как правило, зависело от «случая», т. е. личного благоволения начальства, родственных связей и прочих подобных обстоятельств.

Видный государственный деятель эпохи Елизаветы Петровны И.И. Шувалов, вклад которого в дело народного просвещения России трудно переоценить, в начале 1760-х годов жаловался: «Все родители и родственники, имея более попечения в доставлении принадлежащим им молодым людям чинов, а не должного учения, сходного с их рождением и пользою общею, все почти стараются их иметь в своих глазах, и ослепленная любовь не допускает отпустить ни в какое место, где есть порядок и строгость для исправления пороков, и потому к получению первого записывают в гвардии полки, где покойная жизнь, малая должность и скорое произвождение соглашается совсем их намерению. Отчего всё знатное и достаточное дворянство определяется в гвардию. В кадетский корпус никого нет, кроме самых бедных, и за кем сто душ, то уже богатым почтается»².

Столкнувшись с упорным сопротивлением господствующего класса, не желавшего подкреплять свой социальный статус, казавшийся им безусловным, соответствующим образованием, государство искало пути, как заставить дворян учиться. При Петре вводится практика регулярных смотров молодых дворян в Москве, Петербурге, губернских городах, в ходе которых наиболее способных отбирали для обучения в кадетских корпусах. Известно, что царь боролся с неграмотностью дворянства жестокими и неадекватными методами: запрет жениться для тех, кто откажется обучаться за границей, угроза быть забритым в солдаты и даже посаженным в тюрьму. О том, что эти меры возымели мало действия, свидетельствует неоднократное возобновление этих угроз в послепетровском законодательстве..

В монархии Габсбургов, как уже говорилось, в середине XVIII в. светское образование католического дворянства находилось под патронатом церкви. Ведущую роль играли ордена иезуитов и пиаристов. Первым не было равных в обучении дисциплинам гуманитарного цикла, вторые прославились передовыми методиками преподавания точных и естественных наук. Расспуск ордена иезуитов в 1773 г. позволил государству аккумулировать в своих руках большие денежные средства и принадлежавшую ордену недвижимость, но большинство преподавателей – членов ордена с успехом продолжали свою педагогическую деятельность.

Интересное свидетельство об отношении Иосифа II к иезуитам содержится в переписке Екатерины II с сыном Павлом. В мае–июне 1780 г. произошла первая встреча российской императрицы и австрийского императора в Могилеве. Упоминая, что к католической обедне Иосиф был вынужден пойти в церковь иезуитов, императрица добавляла: «Он их нимало не дичится, на-против того, он жалеет, что уничтожены их школы и полезный орден, тогда как столь много обществу тягостные нищенствующие ордена существуют»³. Для Екатерины, возможно, это стало свидетельством ее правоты в том, что она не стала запрещать деятельность ордена иезуитов в России, более того, поощряла его деятельность по организации школ на белорусских и украинских землях, присоединенных после разделов Речи Посполитой.

В России пионером высшего образования выступала православная церковь. «Духовные училища издавна служили рассадником, откуда светские учебные заведения приобретали своих первых питомцев», – писал историк Академического университета М.И. Сухомлинов⁴. Однако духовные семинарии готовили прежде всего преподавателей для самих же семинарий и не могли удовлетворить возрастающие потребности государства в грамотных мирянах. Когда последнее попыталось восполнить недостаток подготовленных к получению высшего образования студентов за счет семинаристов, церковные иерархи всячески препятствовали переводу юношей в государственные учебные заведения, мотивируя это тем, что семинарии едва удовлетворяют потребности самой церкви.

Известно, что профессора Академического университета, созданного при Академии наук в Петербурге, испытывали катастрофическую нехватку в подготовленных молодых людях. За все время существования Академического университета дворян там училось крайне мало. Основной контингент слушателей составляли талантливые семинаристы, которых отыскивали по семинариям, находящимся в разных уголках России. Но и эти тщательно отобранные и всеми правдами и неправдами «выпрошенные» у церкви молодые люди зачастую, имея объективные данные для получения высшего образования, не имели порой ни малейшей склонности к занятиям наукой. В одной из записок на имя ректора незадачливый слушатель писал: «Много времени почти без всякой пользы препроводил, понеже натуральной остроты к наукам не имею, совершенно знаю, что никакой пользы в науках академии принести не могу, хотя десять лет в студентах проживу, только бесполезно время потеряю»⁵. Когда в 1783 г. княгиня Е.Р. Дашкова была назначена директором Академии наук, она увидела печальную картину: «В гимназии вместо 50 учеников я за-стала всего 27, из них трое не подавали никаких надежд и были взяты в типо-

графию, шестеро были отосланы к родителям... потому что нельзя было поручить им грубую работу, так как они были из сравнительно хороших семей»⁶.

Решая задачу подготовки грамотных чиновничих кадров, при Сенатской конторе в Москве и Правительствующем Сенате в Петербурге открыли школу для обучения коллегии-юнкеров и дворян, которых готовили к гражданской службе. Учениками школы были дворянские недоросли, распределявшиеся по канцеляриям разных учреждений для приобретения навыков в канцелярской работе. Поскольку юнкера были одновременно и учащимися школы, и канцелярскими служащими, молодые люди нередко пропускали занятия (а учились они всего два дня в неделю) под предлогом, что заняты в коллегиях. Как только юнкера получали должность, они немедленно бросали учебу⁷.

В монархии Габсбургов первые высшие военные учебные заведения появились в середине XVIII в. Это были в полном смысле слова профессиональные школы для будущих военных как дворянского, так и недворянского происхождения. Например, большинство кадетов в Терезианской военной академии, открытой в 1752 г. в Винер-Нойштадте, были детьми кадровых офицеров и сами готовились к военной карьере.

В России именно в сфере военного образования возникли первые словесные привилегированные учебные заведения. Первая половина XVIII в. ознаменовалась для Российской империи многочисленными войнами, в которых она завоевывала свой качественно новый геополитический статус. Насущной необходимостью подготовки грамотного офицерского корпуса объясняется то обстоятельство, что складывание системы дворянского образования в России начиналось с системы военного образования. В 1701 г. в Москве была открыта Школа математических и навигацких наук, преобразованная в 1715 г. в Морскую академию (располагалась и в Москве, и Петербурге), а в 1762 г. – в Морской кадетский корпус.

Известна особая привязанность Петра ко всему, что было связано с морем и мореплаванием. Неудивительно, что при нем Морская академия стала едва ли не самым престижным учебным заведением России, в котором обучались дети знатнейших дворянских семей: Волконские, Лопухины, Шереметевы. Как писал историк Морского кадетского корпуса Ф. Веселаго: «Хотя главным и высшим предметом учения были морские науки, но вместе с тем предположено из этого, покуда единственного светского училища, выпускать молодых людей во все роды служб, военные и гражданские, которые требовали некоторых научных сведений или даже одного знания русской грамоты»⁸. С 1715 г. в Москве оставались лишь приуготовительные классы, в то время как в Петербурге лучшие из учеников продолжали совершенствоваться в более сложных науках, необходимых для морского офицерства.

Статус Морской академии кардинально изменился после смерти Петра. В 1731 г. был открыт Сухопутный шляхетский корпус, курировал который влиятельный политик эпохи императрицы Анны Иоанновны фельдмаршал Б.Х. Миних. Герольдмейстерская контора, в чьем ведении находился отбор способных к продолжению учебы дворян, перестала присыпать в Морскую академию детей знатных родителей. Финансирование академии было существенно сокращено. Адмиралтейств-коллегия, сравнивая положение кадетов Сухопутного корпуса с положением воспитанников Морской академии, с горечью писала: «Наши бедные ученики, которым жалования едва достает на самую бедную пищу и которые за неимением одежды и обуви иногда не могут являться в классы, взирая на подобных себе обретающихся в кадетском корпусе кадетов, которые хотя и не в таких трудных науках обстоят, но во всяком довольстве находятся, бескуражные остаются»⁹.

Власти внимательно следили за ходом обучения дворян в кадетских корпусах. Практиковались ежегодные экзамены и смотры кадетов, в которых принимали участие сенаторы Правительствующего Сената. Правда, иногда в самом Сенате не находилось сенаторов, обладавших необходимыми познаниями для того чтобы судить об уровне подготовки молодых дворян. О подобном говорилось в донесении от 1740 г.: «Как... генерал-аншеф (Чернышов. – *O.X.*), так и прочие присутствующие в сенате персоны за необучение самих их тому экзамену, кроме военной экзерциции, науке притом бесплотны быть могут, а тайному советнику и кавалеру Нарышкину, который хотя по учению его к тому способен, за другими положенными на него делами у того смотря и экзамена быть, дабы и тех дел яко нужнейших не оставить, рассуждать назначить не можно»¹⁰.

Из-за отсутствия системы гражданского, т. е. невоенного, дворянского образования, талантливых кадетов из шляхетских корпусов еще до окончания курса наук направляли на службу в Сенат. Вот какую характеристику получил дворянин Михаил Тихомиров, которому по его просьбе было позволено, не прекращая занятий в корпусе, обучаться в коммерц-коллегии: «Оный кадет ... арифметические, квадратные и кубические регулы окончил в геометрии планиметрию знает, разумеет латинского и французского автора, переводит с русского на латинский и французский языки, говорит хорошо по-немецки, и переводит с русского на немецкий язык, письма немецкие компонует по диспозиции, универсальную историю окончил, специальной ныне обучается, юс натуре и цивиле обучился, ныне (изучает. – *O.X.*) юс криминале»¹¹.

В то же время начальство Шляхетского корпуса признавало, что интеллектуальный уровень обучаемых крайне неодинаков, причем большинство не имеет ни склонности, ни способностей к овладению знаниями. В донесении от 11 февраля 1742 г. директор Шляхетского корпуса писал, что почти все каде-

ты, приступая к обучению в возрасте 14–15 лет, «кроме природного своего языка другого никакого не знают», и пока овладеют латинским и немецким, необходимыми для понимания лекций иностранных преподавателей по гражданским дисциплинам, проходит столько времени, что «почти у всех вся охота к наукам пропадает». «Ежели их принуждать начатые науки продолжать, — писал директор, — то от того опасно, что они ни к военной службе, которой не обучались, ни к статской, к которой охоты не имеют, неудобны будут»¹².

Принципиальная разница между монархией Габсбургов и Российской империей прослеживается в практике учебы молодых дворян за границей. В монархии Габсбургов государство практически не участвовало в организации учебы дворян за рубежом. Ежегодно сотни молодых дворян, — причем не только протестантов, не имевших в стране своего университета, но и католиков, — на собственные деньги отправлялись за границу чтобы совершить традиционный *grand tour*, целью которого было не только приобретение знаний, но и расширение кругозора, подготовка к самостоятельной жизни. В России подобная практика была впервые введена при Петре I исключительно как инициатива государства, направленная на обеспечение государственного аппарата и армии высококвалифицированными кадрами. Примеры того, как неподготовленные к самостоятельной жизни на чужбине дворянские недоросли саботировали учебу, давно стали хрестоматийными. Однако к концу XVIII в. учеба за границей как на государственные, так и на собственные деньги, стала широко распространенной практикой.

Аристократия, более открытая космополитическим влияниям, сделала учебу или по крайней мере краткосрочное пребывание за границей непременной составляющей стиля жизни. Известно, что княгиня Е.Р. Дашкова уделяла первостепенное внимание тому, где и как будет обучаться ее сын. Выбор княгини пал на Эдинбургский университет, что объяснялось как блестящей репутацией учебного заведения, так и характерным для той поры стремлением просвещенных родителей держать детей подальше от соблазнов пышных европейских столиц. Дашкова лично разрабатывала учебный план, согласовывая его с университетскими профессорами, среди которых был великий Адам Смит. Наставая на необходимости совершения «умного путешествия», она обращалась к сыну: «Не забудь, что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя нет пустого времени, ты не избегаешь обязанностей общества, которое со временем потребует твоих услуг»¹³.

В то же время для небогатых дворян сохранялись государственные стипендии. Так решалась задача: молодым людям предстояло заграницей овладеть теми специальностями, которые необходимы Российскому государству. Известно, что когда один дворянин, обучавшийся в Лейпциге юриспруденции,

решил по возвращении поступить на военную службу, из Петербурга пришло строгое распоряжение: «При отправлении сих молодых людей в Лейпциг и при употреблении на обучение немалого казенного изждивения высочайшее ее императорского величества намерение было и есть получить людей к службе политической и гражданской способных, и поэтому если помянутый младший Ушаков желает быть военным, а не штатским человеком, то и отправили бы его сюда обратно»¹⁴.

Во второй половине XVIII в. система дворянского образования в монархии Габсбургов переживала пору расцвета. Просвещенный абсолютизм, видя первостепенную задачу в обеспечении доступа к образованию для непривилегированных сословий, не оставлял без внимания учебные заведения для политической элиты. Отбор слушателей, составление учебных планов, осуществление финансовой поддержки различных категорий дворянства – повсюду и во всем государство усиливало контроль и подчиняло интересам «общего блага».

Первым учебным заведением, где в полной мере были реализованы новые принципы школьной политики, стала венская Терезианская академия. Прием в это самое престижное учебное заведение монархии строго контролировался австрийскими властями и отчасти властями отдельных земель и провинций, откуда в столицу приезжали молодые дворяне изучать экономику, право, иностранные языки, чтобы затем занять ведущие позиции в государственном аппарате, армии, церковной иерархии. Поскольку оплатить элитарное образование была в состоянии лишь верхушка господствующего класса, для основной массы дворянства создавались специальные стипендии, при распределении которых принимались во внимание такие обстоятельства, как древность дворянского рода, годы военной или гражданской службы (как говорили современники, «в плаще или тоге»), затруднительное финансовое положение уважаемых семейств..

Дворянство монархии Габсбургов немедленно оценило, какие возможности для будущей карьеры открывают годы учебы в Терезиануме, вблизи от венского двора, поэтому академия не могла принять всех желающих. Вскоре Терезианум стал тем образцом, по которому моделировались привилегированные учебные заведения в разных землях монархии. В тесном взаимодействии с венской Терезианской академией работали гимназии Брнона (Брюно), Ольмица (Оломоуца), Иглау (Йилгавы) в Чешских землях. В Венгрии венский опыт был использован кардиналом К. Мигацци при реформировании дворянского коллегиума в Ваце, названного, как и его прототип, Терезианским, где учили по венским учебным планам, а также следовали принципу пропорционального представительства элит из различных частей королевства, зарезервировав четыре стипендии для хорватских и шесть для трансильванских дворян.

В 1777 г. в Буде, куда за год до этого из Надьсомбата (Трнавы) был переведен университет, основывается будайская Терезианская академия, претендовавшая на то, чтобы играть роль главной академии Венгрии. Финансирование, процедуры приема слушателей, учебные планы недвусмысленно указывали на то, что опыт венского Терезианума нашел применение в венгерских условиях. Если бы в 1784 г. декретом Иосифа II все привилегированные учебные заведения на территории монархии Габсбургов не были бы распущены, а их слушатели переведены в университеты, система дворянских академий в монархии Габсбургов стала бы одним из институтов, облегчающих приспособление феодальной элиты к процессу капиталистической модернизации.

Во второй половине XVIII в. в Российской империи, при несомненном повышении образовательного уровня дворянской массы, образование так и не стало непременной характеристикой дворянина. Согласно подсчетам И.В. Фаизовой, которая проанализировала дела Герольдмейстерской конторы за 1760-е годы, 8 % отставных дворян были неграмотными, 47,2 имели начальное образование, («читать и писать умели и арифметику знали»), 15 окончили специализированные средние учебные заведения, около 30% прошли подготовку в кадетских корпусах. Наибольшее число *неграмотных* насчитывалось среди мелких помещиков, *малограмотных* – в группах бескрестьянных дворян, владельцев поместной земли, а также среди мелких помещиков. Из тех, кто получил высшее образование, напротив, около половины (42 %) были средними и крупными помещиками, доля которых в дворянском сословии равнялась 15 %. Таким образом, заключает автор, средние и крупные помещики получали высшее образование примерно в два раза чаще, чем владельцы 21–100 душ и в 15 раз чаще владельцев 1–20 ревизских душ¹⁵.

В 1755 г., когда в Москве был торжественно открыт университет, не нашлось ни одного дворянина, желающего в нем обучаться. Чтобы подготовить недорослей из дворянского сословия к обучению наукам, по распоряжению И.И. Шувалова при университете (наряду с гимназией для разночинцев) была открыта приуготовительная гимназия для дворян. Сам Шувалов мечтал о введении всеобщего начального образования дворянских детей. Понимая, что сословные учебные заведения должны быть не только источником знаний, но и воспитательными и социализирующими центрами, он предлагал сделать учебу в школах и гимназиях обязательной до 17–18 лет, «и потом дать волю – служить или нет». «В таком состоянии молодые люди, – писал Шувалов императрице Екатерине II, – получая должное с их рождением воспитание, привыкши быть в сообществе, потеряют грубое предубеждение, получив надлежащее просвещение, конечно не захотят, разве малой части, возвратиться в свое темное жилище».

В первые годы правления Екатерины II, проявлявшая живой интерес к философии Просвещения, была всерьез увлечена идеей воспитания «новой породы» людей. Видный деятель ее правления И.И. Бецкой – поклонник французского Просвещения – разработал принципы закрытых дворянских учебных заведений, в которых юноши от 4–6 до 18–20 лет вдали от родителей, вне привычной среды воспитывались в верности государю, готовые к военной и гражданской службе как главному предназначению члена дворянского сословия.

В 1779 г. куратор Московского университета поэт М.М. Херасков открыл для учеников дворянского происхождения особые классы, а в 1783 г. преобразовал их в университетский Благородный пансион – первое светское дворянское учебное заведение в России¹⁶. Расположенное в тихой Москве, вдали от суетного Петербурга, это учебное заведение было лишено того внешнего великолепия, которым обладал, например, венский Терезианум. В основной массе студенты были из бедных дворян. Уклад жизни, почти семейные по теплоте отношения между учителями и учениками скорее напоминали нравы провинциального коллегиума. Однако именно Благородный пансион можно с уверенностью назвать предтечей – если не прямо, то косвенно – знаменитых русских лицеев XIX в., поскольку в стенах пансиона впервые отрабатывалась модель воспитания образованного служилого дворянства.

При сравнении Благородного пансиона с дворянскими академиями монархии Габсбургов можно обнаружить немало общего, что свидетельствует о знакомстве его организаторов с общими принципами устройства сословных учебных заведений в Западной Европе, прежде всего в Германии и Франции. Учебный план сочетал основы математики, физики, фортификации с познаниями в философии, истории, географии, иностранных языках, а также традиционными для такого типа учебного заведения танцами, фехтованием, верховой ездой. Распорядок дня включал учебу, активный отдых, самостоятельную работу и даже обязательное общение учащихся на иностранных языках в свободное от занятий время для постоянной практики. Как и в венском Терезиануме, слушатели Благородного пансиона устраивали театрализованные представления и издавали книжечки со своими стихами, пьесами, рассказами.

Важным этапом подготовки дворянина к будущей карьере чиновника была «игра в гражданскую службу». Ученики получали из архивов реальные дела, которые и разбирали на уроках под руководством наставников или разыгрывали на их основе судебные процессы. Нечто подобное практиковалось и в монархии Габсбургов. Например, Венгерской казенной палате предписывалось регулярно присыпать образцы дел в экономический коллегиум в Сенце, где как раз и воспитывались будущие чиновники Казенной палаты¹⁷.

Забавную разницу можно усмотреть в подходах к организации питания. Если при открытии дворянской академии в Буде члены Венгерского наместнического совета всерьез обсуждали включение в рацион студентов как можно большего количества полезных для здоровья овощей и фруктов и ограничение в сладком¹⁸, то в меню Благородного пансиона были в изобилии представлены горячие мясные блюда (что можно объяснить более холодным российским климатом) и сладкая выпечка. В отличие от австрийских дворянских академий, где студентам старших классов полагалось за обедом немного вина, в Благородном пансионе такой практики заведено не было.

Другим отличием Благородного пансиона было отсутствие униформы. В большинстве привилегированных школ монархии Габсбургов вопросу о форме воспитанников традиционно уделяли большое внимание, поскольку внешний вид немало говорил и о самом учебном заведении, и о благосостоянии учащихся. В Благородном пансионе после краткосрочного эксперимента от униформы было решено отказаться, поскольку сшить ее могли себе позволить только дети богатых родителей, каковых было меньшинство, остальные же, по воспоминаниям выпускника пансиона Н.В. Сушкова, смотрели на этих ребят с затаенной неприязнью. О скромном материальном положении пансиона говорит и тот факт, что молодые дворяне, поступая в пансион, делали обязательный взнос в виде серебряных ложек. В случае финансовых затруднений часть этих ложек продавалась, и на вырученные деньги осуществлялись необходимые закупки¹⁹.

Какими бы скромными – в сравнении с венским Терезианумом – ни казались Университетская гимназия, а впоследствии Благородный пансион, они дали России когорту выдающихся политиков и блестящих мыслителей, среди которых Г.А. Потёмкин – фельдмаршал и всесильный фаворит Екатерины II, знаменитый историк Н.М Карамзин, писатель и дипломат А.С. Грибоедов.

XVIII век стал для России временем фактического зарождения и формирования системы дворянского образования. За этот короткий по сути отрезок времени политическая элита России прошла большой путь от полного безразличия к проблеме необходимости получать образование до осознания той непреложной истины, что образование все в большей степени становилось непременным условием успешной карьеры. В то же время сохранялось принципиальное различие между Российской империей и монархией Габсбургов, обусловленное неравномерностью их развития. В монархии Габсбургов просвещенный абсолютизм, исходя из принципа пропорционального вклада каждого подданного в общее благо, формулировал задачу лишения дворянства сословных привилегий, в том числе в сфере образования. Успехи школьной политики Марии Терезии и Иосифа II нашли свое выражение в том, что в

XIX в. дворянские академии, возрожденные после краткого эгалитарного эксперимента Иосифа II, играли менее значительную роль. В Российской империи, где дворянство продолжало оставаться опорой трона и бдительно охраняло свой исключительный статус, государство, напротив, продолжало уделять первостепенное внимание развитию и совершенствованию системы дворянского образования как главного источника квалифицированных кадров для политической элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 2000. С. 35.
- ² Русский архив. 1868. Т. 5. С. 70.
- ³ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1871. № 9. С. 57.
- ⁴ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 4. (Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Т. 14).
- ⁵ Там же. С. 22.
- ⁶ Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1979. С. 126–127.
- ⁷ История правительствуемого сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 2. С. 184–186.
- ⁸ Веселаго Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. С приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 92.
- ¹⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 253. Л. 275.
- ¹¹ Там же. Кн. 453. Л. 289.
- ¹² Там же. Кн. 442. Л. 331–332.
- ¹³ Лозинская Л.Я. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁴ Сб. РИО. Т. 10. С. 116.
- ¹⁵ Фаизова И.В. Указ. соч. С. 53.
- ¹⁶ Шишкова Э.Е. Московский университетский благородный пансион // Вестник Московского университета. Сер. «История». 1979. № 6.
- ¹⁷ Hofkammerarchiv. Ungarisches Camerale. Fasc. 41. 787. 11/1765. Fol. 112.
- ¹⁸ Magyar Országos Levéltár. A 39. Acta generalia. 2895/1777. Р. 81.
- ¹⁹ Сушкин Н.В. Воспоминания о Московском университете благородном пансионе. М., 1848.

Научное издание

**Государственность,
дипломатия,
культура
в Центральной и Восточной Европе
XI–XVIII веков**

Сборник статей
Москва, 2005. 218 с.

Сборник подготовлен к изданию
в Отделе подготовки рукописей к печати
Института славяноведения РАН

Оригинал-макет, обложка –
Леньшина М.И.

Подписано в печать 15.11.2005 г. Заказ 124. Тираж 300 экз.
Объем 13,75 п.л. Цена договорная. Формат 60x90 1/16
Отпечатано в ООО «Стратегия» г. Москва.

Россия
академия
Институт
славяно

Венгерский

руский

Будапештский
университет
им. Лоранти

Педагогический

Институт
Эстонии

Комиссия
России и
при РАН

Центр
европейской
исследований

Выпуско

Государственность, дипломатия, культура
в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков

Центральноевропейские
исследования
Выпуск 3